

Олег Кожевников

БУДУЩЕЕ В ТЕБЕ

Лед и пламя

Комбриг

Комкор

Военная фантастика

Олег Кожевников

Будущее в тебе

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кожевников О. А.

Будущее в тебе / О. А. Кожевников — «АСТ»,
2016 — (Военная фантастика)

Наше время. Мир, в котором Россия проиграла Великую Отечественную войну. В результате тоталитарный нацистский режим не был повержен и практически весь мир завоёван Германией. Но волею судьбы главный герой Юрий Черкасов переносится в прошлое. Оказавшись в теле своего деда, лейтенанта Красной Армии, он горит желанием не допустить повторения исторического сценария его бывшей реальности. Суровые реалии войны – кровь, жестокость, цинизм – не пугают его. Теперь он – единственный шанс мирового будущего на жизнь без рабства и насилия. Но сможет ли единственный человек изменить историю?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Кожевников О. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Лед и пламя	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	79
Глава 12	87
Глава 13	95
Глава 14	103
Глава 15	111
Глава 16	119
Глава 17	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Олег Анатольевич Кожевников

Будущее в тебе

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Олег Кожевников, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Лед и пламя

Посвящается нашим предкам, победившим в той страшной «Зимней войне» с Финляндией. Если бы не было тех 126 875 погибших, пропавших без вести, замёрзших и умерших от ран в госпиталях героев, то, может быть, и не было бы и 9 мая 1945 года.

Глава 1

Звон, казалось, навсегда поселился в моей бедной голове. Ощущение было такое, как будто меня несколько часов держали в большом колоколе и при этом всё это время звонили к обеду. Кроме того, невыносимо ныла правая щека от нестерпимого холода. Левый висок ломало от боли, а по лбу к носу стекал тонкий, тёплый и вязкий ручеек, блокируя доступ воздуха. Приходилось дышать ртом, в который периодически попадала или солоноватая жидкость, или холодная, быстро тающая субстанция.

Неимоверным усилием воли я открыл глаза. Вернее, получилось открыть только левый. Увидел снег, заляпанный чем-то красным. Кровь, – подумалось мне, – значит, я ещё на этом свете и лежу, уткнувшись головой в снег. Следующая мысль была – где я?

Последними связными воспоминаниями были – хозяйский сарай, запах свежескошенного сена, я стою, привязанный к столбу, а герр Крюгер охаживает меня метровым отрезком толстого электрического кабеля. Стоявший рядом его сын Аксель злобно усмехается и периодически тыкает мне под дых черенком от лопаты. Иногда герр Крюгер приостанавливается, вытирает пот со лба и ворчит:

– Мой бог, какая дикая страна! За столько лет даже паршивый мул и тот начинает понимать по-немецки. Ну ничего, следующее поколение этих ублюдков, наконец, забудет свой собачий язык. И всё-таки будет знать несколько человеческих фраз. Чтобы исполнять волю истинного арийца, этим свиньям больше и не нужно.

Я, как и все мои друзья, прекрасно знаем их гнусный язык, но никто никогда в этом не признается. Кроме этого, я еще понимаю и могу говорить по-фински. В нашем уезде, кроме немецких бургеров, было процентов десять финских колонистов. И зверствовали они ещё похлеще немцев. Я целых три сезона отработал на ферме одного такого гада.

Остановки в истязании дают мне возможность, преодолевая боль, посматривать в сторону соседнего столба. Где, уже без сознания – висит на верёвках мой друг Пашка. Возле него стоят надзиратель, финн Матти, и капо второй рабочей бригады Кирпич.

После очередного хлесткого удара, когда схлынула боль, я увидел, как Матти достал здоровенный тесак и начал медленно отрезать ухо у Пашки. Не обращая внимания на брызнувшую кровь, они вместе с Кирпичом заинтересованно изучали реакцию Паши. Наверное, от боли тот очнулся и поднял свою голову. Я ужаснулся видом моего самого лучшего друга. Его лицо представляло один большой, чёрный синяк, на месте глаз зияло кровавое месиво, откуда всё ещё сочилась сукровица. Губы настолько распухли, что вывернулись и оголили нижнюю челюсть с неровными обломками передних зубов. Увидев, что Паша очнулся, Матти удовлетворённо хмыкнул, схватил за волосы и ещё больше приподнял ему голову. Потом с отвратительной улыбкой вогнал свой нож в живот Паши, повернул его там, вытащил и обтёр лезвие о рукав рубашки моего друга.

Этого я выносить уже не мог, от безумной ненависти к этим извергам и собственного бессилия я отвернулся, из моих глаз непроизвольно катились слёзы. В этот момент герр Крюгер, обращаясь к своему сыну, гундосил:

– Ты слышишь, Аксель, сукин ты сын? Они не понимают даже самых примитивных фраз. Не зря твой дед считал, что всю эту русскую породу нужно пропустить через газовые камеры. Они упрямы, как ослы! А он хорошо их успел узнать – восемь лет после взятия Москвы и бегства их комиссаров к своим жидовским хозяевам в Америку. Нашему предку пришлось в составе ягд-команды гоняться по лесам за этим отребьем. И, представляешь, за такую службу великому рейху ему дали надел не в чернозёмной зоне, где-нибудь у Чёрного моря, а в этой заднице, за Уральским хребтом.

Герр Крюгер поднял голову и на ломаном русском произнёс:

– Кюрханьский облист.

Потом сплюнул прямо на меня и продолжил:

– Нет, всё-таки правы были птенцы великого Гиммлера! Нужно было полностью зачистить всю территорию этой варварской страны, а вместо этих рабов завезти китайцев. Чёрт с ним, что они никудышные работники, зато смиренные и трудолюбивые. Сейчас мы с узкоглазыми рабами горя бы не знали – никаких тебе бунтов и неповиновения. Разве было бы возможно такое, чтобы они покусались на жизнь настоящего арийца? Теперь, конечно, это сделать затруднительно – эти жёлтые макаки, почитатели Микадо, здорово проредили поголовье своих вассалов. Но ничего, когда окончательно разберёмся с этой жидовнёй в Америке, япошки сами нам в ноги упадут и будут умолять взять всё, что нам нужно в их сраной империи. Эх, жалко, конечно, что великолепные американские земли, скорее всего, будут непригодны для использования ещё лет триста. Недавно у бургомистра я беседовал с приезжим профессором из Кёнигсберга, и он поделился со мной планами, исходящими из самой Рейхсканцелярии. Там решено, что солдаты на американский континент больше посылаться не будут – возвращается очень большое число больных лучевой болезнью. Они хотят оставшиеся очаги сопротивления в Чикаго, Квебеке и в Сан-Франциско опять обстрелять ракетами ФАУ с ядерными боеголовками. А этот профессор врать не будет, ведь он служит в самом центре имени фон Брауна.

По-видимому, отдохнув, герр Крюгер опять поднял свой хлыст и огрел им меня прямо по гениталиям. Дикая боль захлестнула мой мозг, и на несколько минут я выпал из реальности. Обратно вернулся тоже от боли, теперь удар пришёлся по груди, кончиком кабеля зацепив шею. Наверное, уже удовлетворившись проделанной работой, герр Крюгер опустил этот, используемый в качестве хлыста, обрезок кабеля и, перемешивая русские и немецкие слова, задал мне вопрос:

– Ты, руссиш швайн, быстро отвечай на вопрос. Кто вас подговорить напаль на майн син Аксель? Шнель, сын опоссума, шнель!

Я в этот момент корчился от боли, а в голове билась только одна мысль: «Нет! Никак нельзя даже думать об Учителе. От этой адской боли могу невзначай назвать его имя. О боже! Почему ты послал мне эти мучения? А-а-а, если это продлится ещё пять минут, я же оговорю Михалыча. Он же нас с Пашкой предупреждал, нужно сидеть тихо и выступить неожиданно и только всем вместе. Какого чёрта мы решили проучить этого борова. Дураки, думали, в масках нас не узнают и не найдут. Какие мы всё же идиотские сосунки, если уж взялись мстить за сестру Пашки, нужно было мочить этого гада. А-а-а, что же делать?»

На секунду я опять выпал из этого мира, а когда вернулся, в голове сидело уже готовое решение: «Да, надо умереть! Только не так, как Пашка, в диких мучениях, в блевотине и говне».

Невыносимый запах отчетливо неся от соседнего столба, где уже безвольно висел, накрепко привязанный к столбу, мой лучший друг.

«Нельзя больше допускать до себя этих садистов Матти и Кирпича.

Нужно так разозлить герра Крюгера, чтобы он сам меня пристрелил. И делать это надо быстро, а то не выдержу и всех сдам».

Приняв окончательное решение, я поднял голову и на чистейшем немецком языке произнёс:

– Будь вы прокляты, грязные, вонючие арийские свиньи! Чтобы ваш ублюдочный Гитлер вечно горел в адском пламени!

После чего, набрав в рот слюны, плюнул прямо в ненавистную рожу герра Крюгера. Отвратительная смесь соплей и крови повисла у него прямо на щеке.

Последнее, что я увидел, была искажённая физиономия Акселя и несущаяся прямо мне в голову здоровенная палица – это был черенок от лопаты. Затем как будто выключили свет, наступил мрак, тишина и безвременье.

Все эти воспоминания пронесли в моём мозгу буквально за мгновение. Следом пришло ощущение какой-то неправильности и нелогичности. Во-первых, это, конечно, холод и снег. Во-вторых, непонятно, почему я лежу, а не стою, привязанный к столбу, и почему тело совершенно не ощущает боли, которая мучила меня перед отключкой. И наконец, куда делся сарай и все находившиеся там.

Попытавшись присесть, я с немалым облегчением ощутил, что сделал это безо всякого напряжения и без ожидаемой мной боли. Все члены слушались меня прекрасно. Почки и печень, до этого отбитые герром Крюгером, даже не ощущались. Получалось, что я был полностью здоров, только немного подкапывала кровь с левой стороны головы, но боли практически не было. Встав на ноги, прислонился к стоявшему рядом толстому дереву. Затем сдёрнув большую варёжку, захватил полную пригоршню снега и обтёр им кровь. Потом рукой прощупал кровоточащее место. Была слегка ободрана щека, и отсутствовала половинка мочки уха.

– Полная херня, царапина, которая только украсит настоящего мужика, – так сказал бы мой дружище Пашок.

И опять перед моими глазами возник образ моего друга. Неожиданно картинку последних минут жизни Паши заслонило лицо нашего учителя – Михалыча. Он, глядя прямо на меня, уставшими, немного покрасневшими глазами, говорил:

– Нельзя поддаваться своим эмоциям. Всегда предполагай, что враг умнее и гораздо коварнее, чем ты. Перед тем как действовать, оглядись, охлади свой мозг и подумай, где тебя может ждать засада. И знай, что от твоего хладнокровия и правильных действий зависит не только жизнь твоих друзей, но и судьба всей нашей нации. Помни, что других попыток и дублёров у тебя нет – нас осталось слишком мало.

Всё это происходило в секретном тренировочном лагере нашего эскадрона, на небольшом островке в центре Пийского болота. Там нас учили стрелять, бесшумно и быстро ползать, драться на ножах и всяким другим боевым премудростям. Были даже занятия по восточному единоборству – ушу называется. Его вёл старый уральский казак, родители которого бежали в Китай, после того как власть захватили большевики. После оккупации России немцами он, неизвестно какими путями, вернулся на родину и сразу же включился в работу подполья. Но самым авторитетным человеком для меня, конечно, был Михалыч. Хотя он и не вёл занятий и вообще редко бывал на базе эскадрона.

Михалыч, как сын репрессированных большевиками врагов народа, занимал какую-то должность в нашей магистратуре. Именно он направлял нас в фиктивные командировки на нужды РОА (имени Клопова). А также всегда обеспечивал аусвайсами бойцов нашего эскадрона – когда они принимали участие в какой-нибудь диверсии.

Я был сиротой, кроме бабушки, ни одного родного человека рядом не было. Михалыч принял самое активное участие в моей судьбе. Он взял полностью на себя моё образование и обеспечивал нас с бабулей еженедельным магистратским пайком. Благодаря этому мы и не погибли в самые голодные годы. Четыре года назад, уже пятнадцатилетнего, он определил меня в двухгодичное ремесленное училище. Там я стал механиком по ремонту и обслуживанию сельскохозяйственных механизмов. Такое образование, как у меня, было верхней границей для неарийского населения Третьего рейха. После окончания училища меня вернули на работу в поместье, к моему хозяину герру Крюгеру.

Там я опять близко сошёлся с друзьями детства – Пашкой и Серёгой, тем более мы состояли в одном эскадроне. Правда, нас ещё ни разу не допускали ни на одно боевое задание – говорили, что мы ещё совсем сосунки и что нужно много и упорно тренироваться. Может

быть поэтому, мы и решили сами осуществить акт возмездия – ликвидировать Акселя и его комрада Фрица. Они этой весной изнасиловали и зверски замучили сестру Паши – пятнадцатилетнюю Танюшу.

Поймать мы их поймали, всё было сделано чисто – никто этого даже не услышал и не заметил. Вывезя этих уродов на телеге в лес, решили казнь сделать пострашней и помучительней. Хотя я и предлагал особо не мудрить, а перерезать им горло и сбросить трупы в овраг. Но Пашка непременно хотел сделать эту казнь показательной – повесить ублюдков на высокой осине, у развилки. И обязательно полностью голыми, зацепив большим мясным крюком за рёбра и отрезав гениталии, которые хотел собственноручно засунуть им в рот.

Вот мы с Пашей и отправились в мясной цех животноводческой фермы за крюками, на которых вешали бычьи туши. Когда вернулись обратно, то увидели изуродованный труп Серёги, а наших пленных и повозки уже и след простыл. Мы были в шоке и начали делать кучу непродуманных поступков. Похоронив Сергея, направились по своим домам, чтобы предупредить родных. Потом хотели найти Михалыча, всё ему рассказать и попросить достать аусвайсы, чтобы мы вместе с родичами могли добраться до базы на острове в Пийском болоте.

Когда я добрался до своей мазанки и с ходу ворвался в дверь, чтобы быстрее предупредить бабулю, то сразу получил удар чем-то тяжёлым сзади по голове. Потом меня, полностью потерявшего ориентацию, связали и бросили на пол нашей единственной комнаты. Головой я чуть не уткнулся в безжизненное лицо моей любимой бабушки. После этого я впал в прострацию и очнулся только от боли – уже привязанный к столбу в большом сарае.

Все эти воспоминания не помешали мне внимательно оглядеть свою теперешнюю одежду. Я стал проверять карманы и затем провёл рукой по своему широкому ремню. Почти сразу нащупал пистолетную кобуру и вытащил оружие. Это тут же вернуло меня в действительность.

«Что всё-таки произошло? Где я? Почему сейчас зима, а не конец лета? Откуда на мне взялась эта совершенно незнакомая форма, а в кобуре древний револьвер?» Из обзорных лекций по истории вооружений, которые вёл хорунжий Кащей – я узнал данную модель табельного оружия. Это был наган М 1895, он стоял на вооружении Русской армии где-то до 1940 года, потом его начали заменять на тысячу раз перебранный мной пистолет ТТ-33.

В голове от всех этих непоняток опять помутнело, но вдруг из подсознания начали поступать ответы на мои вопросы.

«Это Карельский перешеек, недалеко от дороги к посёлку Суомуссалми. Сейчас идет Советско-финская война. Наш второй батальон 355-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии брошен на прорыв, к окружённой финнами, 44-й стрелковой дивизии. Сегодня, пятого января 1940 года, мой взвод был направлен лично командиром батальона, капитаном Сиповичем в передовое боевое охранение».

Непонятно откуда взявшаяся информация и вся её маразматичность опять вогнали меня в ступор. И как я ни пытался понять, откуда она исходит, только всё больше приходил в полное недоумение. Между тем внутренний голос продолжал вещать, и теперь я даже различал слова и интонации нашего командира батальона. Одновременно удивляясь тому, что знаю всех по именам и званиям:

– Лейтенант Черкасов, вам как командиру лучшего в нашем батальоне взвода ставится самая трудная задача. Двигаться в боевом охранении батальона и первыми, в случае чего, принимать на себя огонь из засад.

Стоявший рядом начальник штаба, капитан Пителин добавил:

– Юра, я знаю, ты уральский казак и с детства приучен к такой войне и к таким морозам. Я ещё в Первую мировую видел, на что способны пластуны. Думаю, что на снайперские и другие засады ты не купишься. Так что давай, сынок – послужи России.

Не остался в стороне и сидевший в санях старший политрук Каневский, он хорошо поставленным голосом заявил:

– Ну, лейтенант, давай, оправдывай доверие партии. Ведь от тебя приняли заявление о вступлении в члены ВКПб – теперь всё зависит только от твоих действий. Оправдаешь доверие – быть тебе кандидатом в члены партии, даже несмотря на твоё тёмное происхождение. А если струсишь и попытаешься как-то увильнуть и схалтурить, то я лично направлю письмо в НКВД – чтобы они получше проверили твои кулацко-казацкие корни. Сам знаешь, что командиром Красной армии ты стал только потому, что сам Иосиф Виссарионович как-то сказал – сын за отца не отвечает. Посчитали, что ты политически подкован правильно. Но это в теории, а вот сейчас мы это проверим на практике.

Произнося имя Сталина, Наум Лейбович даже привстал в санях.

При упоминании таких слов, как ВКПб, НКВД, имени Сталина я ощутил непонятно откуда взявшийся холодок страха, а к Каневскому ещё и еле сдерживаемую ненависть и презрение. На все эти испытываемые мной в данный момент чувства вдруг чётко наложилась вынесенная мной ещё со времён обучения в эскадроне мысль:

«Россию мы потеряли из-за безграмотных действий, или умышленного бездействия партийных бонз. Они внутренне испытывали презрение и ненависть к русскому народу. И, чтобы укрепить свою власть, уничтожили становой хребет нации – крепких хозяев, свободолюбивых казаков, а также истинных патриотов – не пожелавших убежать за границу дворян. После того, как осенью 1941 года немцы захватили Москву, и правительство эвакуировалось, в Саратове погиб в результате организованного на него покушения Сталин. По слухам, его застрелил личный порученец Берии – тогдашнего председателя ГБ. Затем начался полный разброд в ЦК, и комиссары, как крысы, побежали на восток».

Как рассказывал Михалыч:

– Американцы, кроме организации нескольких пассажирских конвоев силами флота, установили даже воздушный мост, присылая по несколько самолётов в день для вывоза самых главных коммунистов.

Ещё он говорил:

– Развал армии, а в дальнейшем и всяческой обороны, предопределил отсутствие какого-либо связующего и цементирующего звена у тогдашнего общества. Когда от немцев побежали в Америку все евреи, коммунистов уже ничего не могло спасти, среднее партийное звено распалось. Армия была настолько затюкана террором, что командиры полностью утратили способность проявлять инициативу и творчески мыслить. снабжение материально-техническими ресурсами тоже развалилось. Итог вам известен – мы все, включая и англосаксов и евреев, стали жертвами нацистов. Теперь ещё оставшиеся в живых члены мирового жидомасонского правительства, наверное, кусают себе локти. Это они способствовали развалу России и позволили амбициозным нигилистам захватить власть, чтобы зачистить для себя поле деятельности. Думаю, что Ротшильды теперь понимают – только процветающая Россия сохраняла в мире статус-кво.

Весь этот сумбур в голове постепенно заглушила одна тема. Передо мной возник образ женщины и ощущение близости с ней. Затем одна за другой появились две совершенно разные картинки. В одной я яростно тискал Наташку (работницу пищеблока поместья герра Крюгера) и откровенно балдел от близости с ней. Во второй другая, чем-то неуловимо знако-

мая мне девушка, нежно ласкала меня. И ощущение приближающейся кульминации полностью выбивало из моей бедной головы всяческие воспоминания о Наталье. Все мои мысли и чувства принадлежали теперь только этой родной и очень близкой мне женщине. Как бы в ответ на мои к ней чувства перед глазами начали появляться фотографии.

Одна из них была мне очень хорошо знакома с самого детства, с изображением горячо мною любимой бабушки с моим дедом в день их венчания. На снимке эти двое просто светились радостью и счастьем. Бабушка выглядела совсем девчонкой, да она тогда фактически ею и была. Рассказывая мне об этом дне, она признавалась, что на момент свадьбы ей было не полных шестнадцать лет. И им с дедом даже пришлось договариваться в местном Совете о разрешении на этот брак. Дед выглядел тоже очень молодо и несерьёзно, несмотря на то что именно в то лето он окончил военное училище и получил звание лейтенанта. Чтобы скрыть факт участия в церковном обряде венчания, его проводили в маленькой церкви, в деревушке, где жили родители бабушки. Мой дед был одет в нелепо выглядевший на нем костюм своего отца Филиппа.

С ужасом я понял, что та женщина, с которой я был близок в одной из сцен на картинках, только что возникших передо мной, – моя бабушка. Все мои эротические ощущения мгновенно испарились, в голове опять помутнело, и я полностью потерял контроль над своим разумом. Не знаю, сколько прошло времени – к реальности меня возвратило ощущение того, что я жутко замёрз. После чего сразу же получил полный контроль над своим телом. Быстро вскочил и, опершись на стоящее рядом дерево, активно начал двигать конечностями, разгоняя кровь. Как только тело моё немного отогрелось, в мозгах что-то щёлкнуло, и вся, до этого непонятная и разрозненная мозаика моего мироощущения сложилась воедино. Я пришёл к единственно объяснимому для себя выводу – Господь решил сохранить мне жизнь. Для этого он перенёс мою душу в тело моего деда – Юрия Филипповича Черкасова, который погиб на Финской войне, как раз сегодня – 5 января 1940 года.

Для чего это было нужно Всевышнему, мне было сейчас неважно. Было уже достаточно и того, что Господь совместил момент переноса с тем мгновением, когда выпущенная снайпером пуля должна была убить моего деда. И таким образом Всевышний не нарушил нити мироздания – душа деда, как уже было предопределено, покинула его тело и перенеслась в бывшее вместилище моей сущности. С некоторой горечью я представил, что ему предстоит испытать в моём времени, в 2007 году, в сарае поместья герра Крюгера. Но эта мысль быстро сменилась уверенностью, что пребывание его в моём теле продлится совсем недолго, как и мучения его души. Вскоре она вознесётся на встречу с Богом.

Не зря все наставники в нашем эскадроне ценили мою исключительную психическую устойчивость и очень быструю адаптацию к любым условиям существования. Вот и сейчас, поняв для себя, что произошло, я принял всё это как данность и перестал грузить свой мозг никчёмными вопросами, сомнениями и переживаниями. Вместо этого попытался дальше прозондировать свою память.

Мне хотелось узнать, что я помнил из своей жизни и что я знаю из прошлого моего деда. Но, в первую очередь, на всякий случай исследовал свой мозг на наличие второго «я». Никаких признаков присутствия второй сущности в моей голове не было. От деда остались только сухие воспоминания, образы и знания, полученные им в жизни. Особенно меня интересовали навыки, приобретённые им в военном училище. С восторгом я ощутил, как велик мой военный опыт, знание оружия и тактики ведения боя.

С удивлением я понял, что хотя я и гость из будущего, но военные знания мои гораздо беднее, чем у моего деда. Что я мог добавить в новую память деда? То, что будет создана атомная бомба, и 15 июня 1941 года начнётся война с Германией. Про идущую сейчас Советско-финскую войну я знал только то, что она закончится к лету 1940 года нашей победой и что потери наши будут очень большие. Может быть, немецкие хозяева утаивали от нас новые

знания, но по большому счёту устройство всей техники и большинства вооружений были известны моему деду. Пожалуй, что он не знал – это только о ракетных системах залпового огня, вертолётах и реактивных самолётах.

Ещё меня удивляло то, что во время получения информации, которую так быстро усваивала моя сущность, почти полностью отсутствовали эмоции. Различные сведения были как будто почерпнуты из справочника, а на них уже накладывался мой собственный взгляд на мир, моя индивидуальность. Кроме, пожалуй, двух вещей. Во-первых, это любовь к моей бабушке. После сложения моих и дедовых чувств моя память о ней приобрела какую-то двусмысленность и неопределённость. Вторая, сильно засевшая в памяти и не зависящая от меня эмоция – это страх. Какая-то всеобъемлющая боязнь на генетическом уровне. Недобро волновали слова: коммунизм, коллективизация, партия. Спинным мозгом чувствовал я призыв – не высовывайся, будь как все, старайся быть глупее, чем ты есть, больше говори принятыми лозунгами и не лезь ни в какие политические разговоры. А также – инициатива наказуема, старайся тупо выполнить самый маразматический приказ. Помни – умных и удачливых не любят, поэтому старайся перед чужими людьми почаще плакаться и сокрушаться.

Весь этот полученный дедом житейский опыт в корне отличался от всего того, чему нас учили в эскадроне. Поэтому я просто принял к сведению эти призывы, решив впредь опасаться всех власть предержащих и действовать, добиваясь своих целей, всегда исподтишка. А цель у меня, как и у всех в нашем эскадроне была одна – спасти Россию, спасти свою нацию, спасти, в конце концов, многообразие мира. Правильность этой задачи не вызывала у меня сомнения. Зачем тогда Всевышний спас меня и вселил в тело моего деда? Единственное, что ставило меня в тупик – как это сделать? По интеллекту и знаниям я уступал даже собственному деду, не говоря уже об учёных и инженерах этого времени. Чтобы что-то изменить, я мог, конечно, сообщить о дате начала войны и основных направлениях удара немцев – но кто поверит какому-то лейтенанту. В лучшем случае сочтут психом или, что, скорее всего – провокатором и агентом английской разведки.

Поэтому у меня оставался единственный выход – драться насмерть и постараться уничтожить как можно больше врагов. Может быть, в конечном итоге это поможет моим братьям остановить эту коричневую орду.

Глава 2

Как только разобрался в себе и принял окончательное решение, я успокоился и начал адекватно воспринимать окружающую действительность. Оглядевшись, понял, что нахожусь в заснеженном лесу, стою, прижавшись к толстой берёзе, по колено провалившись в снег. Совсем недалеко от меня лежали лыжи. По-видимому, я попал под снайперский выстрел, и если бы в момент обмена разумами был в сознании и не потерял равновесие, то пуля наверняка прошла мне голову. И под этой берёзой сейчас лежал бы труп лейтенанта Черкасова. Точно так же, как и находящееся метрах в пяти неподвижное тело в маскхалате.

– Красноармеец Сидоркин, – бесстрастно, как справочная, выдала информацию полученная от деда память.

Это был наш лучший взводный следопыт – сибиряк, бывший охотник и очень хороший лыжник. Можно сказать, лучший боец в моём взводе. Мы вместе с ним выдвинулись немного вперёд, чтобы получше оглядеть примыкающую к дороге на Раате громадную поляну. Подошли вроде бы грамотно, со стороны большого леса, а не от дороги. На открытое место ни разу не выбирались. И, казалось бы, под огонь «кукушки» никак не должны были попасть. Но эти чухонцы оказались хитрее, наверное, их командир был опытным бойцом и всё предусмотрел. Как знал, что через поле никто не ползет, а попытаются зайти в тыл со стороны леса.

Я начал рассуждать, пользуясь опытом, полученным в наследство от деда и опираясь на знания, приобретённые в эскадроне. По всему выходило, что впереди, на противоположном краю поля, финны организовали большую засаду. А может быть, даже мощную оборонительную линию, чтобы оседлать дорогу и не пропустить наши войска на помощь блокированной 44-й дивизии. Не зря же они разместили снайперов в большом отдалении от дороги, а до неё от этого места было не меньше двух километров. Не дебилы же они, охотиться на случайно забредшего в глубину леса красноармейца. Нет, наверняка это фланговое охранение большой засады у дороги. Ведь по нам работало не меньше двух снайперов. Срезать двух довольно-таки опытных бойцов одна «кукушка» вряд ли смогла бы.

Осторожно выглянув из-за дерева, я внимательно оглядел открывшуюся передо мной перспективу. Впереди, до самого поля, стояли маленькие деревья и кусты. Спрятаться снайперам в маскхалатах там было, конечно, можно, но тогда им открывался бы уж очень небольшой сектор стрельбы. Единственно приличные позиции для расположения кукушек находились где-то в километре. На дальнем краю поля, немного выдвигаясь от стены леса, стояло четыре больших, ветвистых дерева. Вот на них, вполне могли располагаться снайпера. Оттуда хорошо можно было контролировать все подходы к рощице у дороги.

Очень не хватало бинокля, но они были только у ротных и у командования батальона. Ваньке-взводному бинокль не полагался, как говорится, не вышел рылом. Даже отправляя меня в передовой дозор, никто из командиров не пожелал расстаться с этим атрибутом своего высокого положения. Сплюнув с досады, я оглядел свои тылы, а потом перевёл взгляд на лежащее невдалеке тело Сидоркина. Глаз сразу же зацепился за тёмный предмет на его спине.

– Винтовка СВТ-38, – мгновенно отреагировала на это моя память, – на вооружение начала поступать с полгода назад. Из недостатков – избыточная масса, громоздкость, сложна в эксплуатации.

Если прямо сказать, её недостатки сейчас меня мало волновали, всё-таки это было оружие, а не та пукалка, которая лежала в моей кобуре. И ещё я понял, что так беспокоило меня в последние несколько минут. Это полная незащитность перед засевающими в километре от

меня врагами. Из своего нагана я мог бы, конечно, стрельнуть в появившегося вдруг чухонца, но это было бы простым сотрясением воздуха.

Я уже совсем было приготовился перекатом добраться до вожденной мной винтовки, но тут боковым зрением заметил какое-то движение. Мгновенно собравшись и присев, достал свой револьвер и повернулся в ту сторону. Действительно, метрах в ста между деревьями мелькали два силуэта лыжников. Когда они приблизились настолько, что стало возможным различать их лица, мой внутренний голос исправно проинформировал:

– Красноармеец Василий Перминов. Боец средний, но очень исполнительный. Любит отираться возле начальства и по малейшему кивку бросается выполнять любое задание. В трусости замечен не был, но наверняка всё-таки по натуре карьерист и халтурщик. Ответственные вещи лучше ему не поручать.

– Красноармеец Наиль Асаенов. Из пополнения, пришедшего неделю назад. Ещё не обстрелян, нужно к парню присмотреться. Вроде как человек неплохой, в отделении прижился нормально. Комот про него ничего плохого не говорил. На привалах у костра гогочет громче всех. И вообще, мужик здоровый, ручища, как лопата, и ростом повыше меня сантиметров на пять. А у меня рост был довольно-таки приличный – 179 сантиметров. Татарин, призвался из какой-то деревни недалеко от Челябинска.

Узнав бойцов из своего взвода, я начал энергично махать им руками. Поняв, они метрах в тридцати от меня остановились, сняли лыжи и, используя их как сани, лёжа покатали в мою сторону. Кстати, после того как они сняли лыжи, я крикнул:

– Перминов, проверь, что там с Сидоркиным, и будь поаккуратней, «кукушка» хорошо простреливает этот сектор. Если он ещё жив, то тащи его в тыл. Да, ещё чуть не забыл, сними с него самозарядку и катани её прямо по снегу в мою сторону, подсумок тоже не забудь кинуть.

Первым добрался до своей цели Василий, он начал уже переворачивать тело Сидоркина, когда передо мной появился красноармеец Асаенов. Когда он был уже метрах в двух от меня, то сразу, не давая мне даже вставить слово, начал тараторить:

– Товарищ лейтенант, вы как, живы? Вай, сколько тут крови натекло! Маскхалат теперь нужно менять – красный цвет на белом очень далеко виден. О, как вам щёку-то ободрало, и половина уха нет! Комот срочно послал нас к вам, предупредить – в расположение взвода прибыло начальство. Там Каневский со своей шестёркой бродит по позициям и ругается – что, мол, встали и не идёте вперёд. Комот объяснял ему, что впереди «кукушки», и что лейтенант направился посмотреть, как к ним лучше зайти в тыл, чтобы без потерь уничтожить. Но старший политрук всё равно ругается и собирается заявиться сюда, чтобы, как он говорит – вставить вам фитиль – кхе-кхе-кхе – в жопу.

После этих слов Наиль уставился на меня своими зелёными, смеющимися глазами. Он как будто изучал мою реакцию на ругань начальства. От напряжения он даже сдёрнул капюшон маскхалата, снял шапку и начал разглаживать свои волосы.

А я, несмотря на полученную информацию, чуть не прыснул со смеху, увидев оголённую голову Наиля. Волосы у него были жгуче рыжими и росли какими-то клоками. Сейчас они были очень коротко подстрижены и между этих рыжих полян хорошо просматривались белые полосы кожи. Это был первый человек, которого я воочию увидел после осознания себя в теле деда. Поэтому я с большим интересом начал разглядывать этого человека, сравнивая свои наблюдения с памятью предка.

Кроме волос, особое впечатление от его внешности производили и оранжево-белые полосы на лице. Они образовывались в результате чередования рыжей растительности и белой кожи на лице. Особенно выделялась сросшаяся, кустистая линия бровей, чуть менее рыжей была щетина усов и бороды. Нос был слегка приплюснут, а черты лица выдавали

грозный нрав своего хозяина. Руки у него были тоже выдающиеся – длинные и мощные, кисти почти доставали до колен.

Одним словом, мне он напоминал громадного тигра. Рисунок этого хищника по имени Шерхан я видел в книге, которую давал мне читать мой Учитель. Она называлась «Книга джунглей», и там была сказка – «Маугли», которая в детстве произвела на меня очень сильное впечатление. Написал эту книгу англичанин Редьярд Киплинг. Фамилию Киплинга любили упоминать и немцы. Они всё время твердили о миссии белого человека, утверждая, что именно истинные арийцы сейчас взвалили на себя эту ношу. Скорее всего, в великом рейхе шла подготовка к устранению последнего конкурента – Японской империи.

«Да, такой экземпляр в толпе не затеряется, – подумал я, – только странно, почему татарин и вдруг – рыжий».

За свою предыдущую жизнь я встречал много татар, но ни разу не видел рыжего. В нашем эскадроне они тоже были, но все ниже меня ростом и чернявые, реже русые. Как бойцы они были одними из лучших, все ловкие и прекрасно владеющие холодным оружием. Что касается меня, то я был совершенно обычный, среднего роста, с белобрысыми волосами. Хотя я и был блондинистым с голубыми глазами, но под стандарты истинного арийца не подходил. Что-то там в форме черепа было не то. Немцы обычно обследовали всех детей, которым исполнилось пять лет. Они это называли сортировкой. Если ребёнок соответствовал всем их параметрам, то его отбирали у родителей и отправляли в специальные интернаты. Как говорили сами немцы – в школы настоящих, арийских янычар.

Все эти мысли разбудили во мне большое желание посмотреть в зеркало. Надо увидеть свою физиономию наяву, картинка из памяти как-то меня не впечатлила. Поэтому я задал вопрос, совершенно не относящийся к теме доклада:

– Слушай, Наиль, а у тебя случайно нет зеркала?

В совершеннейшем недоумении тот, вытараща глаза, ответил:

– Нет, все личные вещи сдал старшине в обоз.

Следующий вопрос погрузил его в полную прострацию:

– Асаенов, а ты случайно не из чингизов?

Он нервно сглотнул и, уже заикаясь, переспросил:

– И-и-из, каких э-это чи-чин-нгизов? М-м-моя и-из с-семьи б-б-бедного крестьянина. М-м-мы в п-первой д-десят-тке з-з-записались в к-колхоз.

– Да я не про твой сраный колхоз. Может быть, в твоей семье передавалось из поколения в поколение, что твой пра-пра-прадедущка был Чингисханом. Говорят, он был такой же рыжий, как ты.

Наиль несколько взбодрился, немного подумал и ответил:

– Да нет, никто про это не говорил. Сами подумайте, если бы я был потомком такого великого человека, то разве служил бы сейчас рядовым. Наверняка стал бы генералом и сидел в тёплом штабе, смотрел на карты, а ординарец подносил бы мне горячий чай.

В его голосе слышалась явная тоска по теплу и домашнему уюту, которые были так далеко от нас. Но он преодолел эту секундную слабость и, уже другим голосом, спросил:

– Товарищ лейтенант, может быть, вам в госпиталь надо? Наверное, пуля здорово шан-дарахнула по голове и у вас контузия. Давайте я отведу вас к нашему фельдшеру.

Я, проигнорировав этот недвусмысленный намёк, продолжал вводить его своими фразами в ступор:

– Слушай, Асаенов, а какое тебе прозвище в отделении дали?

Наиль, уже не думая, механически ответил:

– Оса. А что?

– Нет, насекомое, тебе не подходит, слишком ты здоровый. Наверное, они взяли первые буквы твоей фамилии, переделав А на О. Я придумал тебе, новую боевую кличку – Шерхан.

Слышишь, как она грозно звучит. Как только чухонцы услышат – Шерхан, вперёд, – то вмиг разбегутся по своим чумам.

Наиль тем же равнодушным голосом ответил:

– Да мне всё равно, как будут звать, лишь бы комот поменьше дрючил.

Потом подумал и добавил:

– Чем бы начальство ни тешилось, лишь бы отдохнуть давало. А всё-таки, товарищ лейтенант, почему Шерхан и что это такое?

– Э-э-э, Наиль! Это повелитель тигров, о нём писал великий английский писатель Киплинг. К тому же тебе очень подходит второй слог этого имени – хан. Но, сам понимаешь, по политическим соображениям нельзя употреблять это слово. Оно характеризует верхушку эксплуататорского класса, а задача нашей партии – их всех к ногтю. А Шерхан – это политически грамотное имя, книги Киплинга сам товарищ Сталин одобряет.

Весь этот наш трёп оборвал выкрик Перминова:

– Товарищ лейтенант, там, по-моему, старший политрук с Кузей к нам едут. Сейчас комиссар начнёт всем вправлять мозги. Может быть, мне пока оттащить труп Сидоркина в тыл? Нужно самим похоронить Сидора, а не оставлять его похоронной команде. По-людски надо с ним проститься. Жалко мужика, хороший он был человек – правильный.

Первым делом я посмотрел в сторону нашего тыла, для этого мне пришлось, руками упираясь в плечи Наиля, усадить его на корточки. Своей мощной фигурой он загоразживал всю перспективу. Стоял он почти вплотную ко мне и тоже старался спрятаться за дерево, на которое я опирался спиной. Отодвигать его в сторону или самому выходить на открытое пространство – значит, попасть в прицел к финскому снайперу. А предыдущий опыт показал, чем это чревато.

Когда я заставил пригнуться Асаенова, то увидел метрах в ста две фигуры. Одна легко и свободно катила на лыжах, лихо объезжая попадающиеся на пути дерева.

– Командир второго отделения, Серёга Кузнецов, – тут же сообщило моё подсознание, – во взводе его все зовут Кузя.

Второго человека я тоже узнал по полученному ранее яркому образу, единственным дополнением, выданным мне внутренним голосом, было:

– Каневский, не любит, чтобы к нему обращались как к старшему политруку, очень любит, когда его называют комиссар. Перечить ему или что-то доказывать не надо, всё равно не поймёт, а только разозлится. Очень любит читать нотации, поучать, показывая тем самым, что он тут самый умный и политически грамотный. Просто – наместник ЦК в нашем убогом обществе.

Несмотря на его самомнение, что он прекрасный боец и великий, правда, не признанный, стратег, на лыжах политрук смотрелся очень смешно. Ехал еле-еле, постоянно теряя равновесие. Он был раза в два толще Кузи, и вообще, в белом маскхалате, на лыжах, с биноклем на груди он смотрелся очень нелепо и чуждо. Я ещё подумал, что таким – самое место в каком-нибудь музее абсурда и уж никак им нельзя доверять судьбы и жизни других людей.

Прикинув, что такими темпами, как двигается Наум Лейбович, им добираться до нас ещё минут пять, я посмотрел в сторону Перминова. Он к этому времени уже перевернул тело Сидоркина и оголил его грудь, которая вся была залита кровью. Снял он с него и винтовку с патронной сумкой и положил их прямо в снег, недалеко от себя.

«Приготовил для передачи их мне, – подумал я, – но, наверное, постеснялся прерывать разглагольствования командира».

– Петруха, оставь пока Сидоркина, давай двигай, помоги товарищу политруку к нам добраться. Укажи им безопасный путь в объезд этой прогалины.

Пока я выдавал распоряжения Перминову по обеспечению грамотного подъезда начальства к нашему дереву, Каневский с Кузей уже въехали на хорошо просматриваемую

со стороны снайперов лесную прогалину. Я примолк и со страхом ждал сухих щелчков от выстрелов. Дёргаться и кричать им об опасности снайперского обстрела уже не имело смысла. Лишняя суета могла только привлечь внимание «кукушек». А так был вариант, что если у них большой сектор, который они должны охранять, то две фигурки в маскхалатах на километровом отдалении они могли и не заметить.

Политрук с комотом-2 благополучно проехали всю прогалину и остановились недалеко от нашего дерева. Даже не поздоровавшись и не выяснив, почему у меня весь маскхалат забрызган кровью, Каневский сразу же начал кричать:

– Черкасов, какого хрена ты здесь прохлаждаешься! Я уже минут двадцать нахожусь в месте расположения твоего взвода, и ни один красноармеец не знает, где их командир. Только и слышу – впереди снайпера, засада, лейтенант думает, как их обойти. Тьфу, Чапай, нашёлся! Знаешь, что бы сделал Василий Иванович, он давно бы организовал атаку и смёл бы эту несчастную засаду. Ты что, не понимаешь, что там, впереди, бьются с империалистическими наймитами, наши братья из 44-й дивизии. Сейчас каждая минута дорога и нельзя позволить белофиннам поступить с ней так же, как с 163-й дивизией, которую они в декабре окружили и уничтожили. Тогда тоже, наверное, какие-нибудь умники думали, как обойти засады. А то, что империалистическая сволота, во главе с Англией, только и ждёт нашего срыва, они не думали? Капиталисты всего мира кинутся помогать белофиннам, если у нас произойдёт какая-нибудь заминка. Так что, лейтенант, хватит тут изучать противника, давай вызывай весь взвод и цепью вперёд, в атаку. Настоящий коммунист не должен дрожать за свою жизнь, а должен, если партия прикажет, отдать всю свою кровь за дело Ленина-Сталина. А ты, Черкасов, можно сказать, без пяти минут кандидат в члены ВКПб.

Я, дождавшись некоторой заминки в речи товарища Каневского, попытался объяснить положение дел и, в запальчивости, даже вышел из-за своего укрытия и сделал к нему несколько шагов. Обиженный, что меня подозревают в трусости и уклонении от выполнения поставленной задачи, я заявил:

– Товарищ комиссар, я тут не прохлаждался, мы с красноармейцем Сидоркиным обнаружили засаду белофиннов. Они хотят заманить на этой дороге наш батальон в огненный мешок.

Исходя из этого, я решил: с взводом зайти им в тыл и уничтожить этих буржуйских выкорышек. Для чего и отправился с красноармейцем на рекогносцировку – чтобы выбрать траекторию для нашей яростной атаки. Но здесь мы напоролись на огонь вражеских снайперов, в результате чего красноармеец Сидоркин погиб, а я получил ранение в голову и с полчасца был без сознания.

Как бы в подтверждении этого я ткнул пальцем в свой окровавленный маскхалат, повернулся к политруку ободранной щекой и напыщенно продолжил:

– Я, товарищ комиссар, за партию великого Сталина своей крови не жалею, если нужно, этих проклятых империалистов буду рвать голыми руками. А под вашим чутким, идейным руководством мы быстро сковырнём эту засаду. Я уже засёк, где у белофиннов расположены «кукушки», сейчас мы их обойдём, незаметно зайдём засаде в тыл и деблокируем дорогу. Потери при этом будут минимальные, мы свалимся этим чухонцам, как снег на голову в июле.

Весь мой запал и обида прошли сразу после первой фразы, потом я вдруг осознал, что стою, как мишень для хороших стрелков. Спрятаться же обратно за берёзу было выше моих сил, этим я как бы признавал правоту слов Каневского. Своими напыщенными, идейно выдержанными словами я хотел успокоить его и заставить прислушаться к моему разумному плану. А не пороть горячку, лезя на рожон, прямо под пули прекрасно замаскированных снайперов. Быстрота, как нас учили в эскадроне, нужна только при ловле блох. А когда дело касается жизни людей, нужно быть сверх осторожным и предусмотрительным. В конечном

итоге правильно разработанный план ведёт к быстрой победе, намного сокращая время операции. При этом потери резко уменьшаются, поэтому я и был против предлагаемой Каневским неразумной кровавой бойни.

А он продолжал гнуть свою линию, хотя явно подобрел, будучи очень довольным моей пафосной речью. Встав почти вплотную, он положил руку на моё плечо и душевным голосом произнёс:

– Надо, Юра, быстрее пробиваться к 44-й дивизии. Понимаешь, товарищ Сталин очень недоволен, что мы закопались в этой Финляндии, а ведь ещё придётся штурмовать линию Маннергейма. А это тебе – не «кукушек» в лесах гонять. А твои снайпера, наверное, уже дома чай попивают. Тактика этих «кукушек» хорошо известна – какой-нибудь кулак залезет на дерево, один раз стрельнёт, а потом сматывается. А мы из-за этого одного выстрела останавливаемся, разворачиваемся и прочесываем всю местность. Тысячи красноармейцев заняты поиском одного стрелка. Вот поэтому и буксует вся операция. Но теперь всё, хватит, высшее партийное руководство приняло решение, несмотря на жертвы, поскорей закончить эту войну. Если тянуть и пытаться потери свести к минимуму, всё равно куча народа загнётся от морозов, от нашего топтания на месте и нерешительности. Поэтому слушай мой приказ, разворачивай своих людей в цепь, и вперёд, в атаку.

Я попытался ещё раз убедить его отказаться от прямой атаки. Говорил, что если снайпера ещё остались, то за то время, которое нам понадобится, чтобы пересечь это поле, они перещёлкают две трети красноармейцев моего взвода. Но получалась как беседа немного с глухим. Каневский опять разъярился, покрылся красными пятнами и визгливым голосом вскрикнул:

– Ты что, Черкасов, выступаешь против линии партии?

Неожиданно резко повернувшись, к Кузнецову и Перминову он приказал:

– Вы, товарищи красноармейцы, сейчас быстро следуете в расположение взвода и передаёте приказ командира: прибыть всем сюда.

Потом, глянув на часы, продолжил:

– Чтобы через пятнадцать минут все были здесь! Через полчаса, ровно в 10–00, начинаем атаку.

Дождавшись, когда красноармейцы удалились метров на двадцать и, посчитав, что нас никто не услышит, политрук повернулся ко мне и прошипел:

– Ты как миленький сейчас организуешь атаку! Если будешь продолжать саботировать моё решение – пойдёшь под трибунал. А там, сам знаешь, что бывает за неисполнение приказа. И не беспокойся ты за свой взвод – эти погибнут, пришлют других. Не волнуйся, командовать будет кем. Что значат для победы мировой революции несколько десятков жизней – да ничто. Тем более баб в России много – ещё нарожают.

После этих слов он как-то мерзко начал смеяться. А я стоял, пришибленный этим цинизмом, с уже начинающейся разгораться нешуточной ненавистью к этому ублюдку. Мне так и хотелось сказать, от кого им останется рожать-то, если такие мужики, как Сидоркин и похожие на него, погибнут, то дети начнут рождаться от таких негодяев, как ты. И бедная Россия, что с ней станет? И ещё у меня появилось большое желание достать свой наган и разрядить весь барабан в его жирное пузо.

Несмотря на все бушующие в душе моей страсти, какая-то часть меня продолжала внимательно наблюдать за той группой деревьев, где могли сидеть «кукушки». Обострённое чувство опасности держало меня в напряжении, с того самого момента, когда обстоятельства заставили меня выйти из-под защиты дерева.

Какое-то шестое чувство помогло мне заметить шевеление ветвей у одной из дальних сосен. Не думая, действуя, скорее всего, на инстинктах, я схватил Каневского за балахон,

надетый на шинель, привлекая к себе и загораживаясь его телом от возможной траектории пули.

Смех немедленно смолк, политрук попытался меня оттолкнуть, но тут я почувствовал два толчка, Каневский обмяк и только потом раздался сдвоенный хлопок отдалённых выстрелов. Подчиняясь накрепко вбитым в меня навыкам, я оттолкнул его тело и прыгнул в сторону моего старого убежища. Упав рядом с деревом, я, перекатываясь под его защиту, уткнулся головой во что-то мягкое.

Уже осмысленно оглядывая возникшее препятствие, я встретился взглядом с Наилем. Этот хитрый татарин не ушёл вместе с другими красноармейцами, а залёг в небольшой ложбинке между выступающих корней берёзы и принял форму сугроба. Подавая шапку, сбитую с моей головы столкновением с его животом, он смешно поцокал языком и произнёс:

– Вах, какой смелый человек был наш комиссар. Не испугался снайперов и сам вышел на открытое пространство, чтобы осмотреть место нашей будущей атаки.

Я прекрасно понял подтекст его заявления – мол, старший политрук сам виноват, что попал под пулю «кукушки», и Наиль готов это подтвердить. Меня эта легенда полностью устраивала, и я, как бы соглашаясь с его словами и в то же время продвигая свой план атаки, сказал:

– Да, товарищ Каневский только согласился с фланговым обходом засады и начал намечать наш будущий маршрут, как коварные пули белофиннов оборвали его жизнь. Но мы отомстим этим империалистическим наймитам за смерть нашего товарища, пламенного борца с буржуазной идеологией.

Не удержавшись, Наиль хмыкнул, а потом, чтобы уж совсем не рассмеяться, суетливо предложил:

– Товарищ лейтенант, давайте я оттащу его за деревья, вдруг он ещё жив.

– Какой, к чёрту, жив! Шерхан, ты что, не видишь, у него полчерепа снесено. И куда ты сейчас полезешь? Не знаешь что ли любимую тактику снайперов – подстрелить кого-нибудь и ждать, когда к раненому бросятся на помощь. И вот тебе новая, лёгкая жертва. Так что лежи, не дёргайся, а лучше давай потихоньку отползай подальше в лес. Сейчас наши должны сюда подтянуться, ты их там, в глубине леса притормози. Я сейчас винтовку Сидоркина захвачу и туда к вам подъеду. Будем по краю леса заходить этим «кукушкам» в тыл.

– Так далеко же!

– А ты как думал, Наиль? Хочешь ухлопать таких опытных вояк и при этом особо не напрягаться, так, что ли? Могу тебе со стопроцентной уверенностью сказать, что получится всё наоборот, это тебя они подстрелят и при этом ещё посмеются над твоей тупостью. Как правило, на войне извилистый путь оказывается короче прямого. Ладно, парень, хватит болтологией заниматься. Двигай глубже в лес, и вон за той сосной ждешь меня с народом. Я через десять минут буду. А погибшими займёмся, когда разберёмся с засадой. Всё, Шерхан, вперёд – время пошло!

Глава 3

Появился я на месте сбора взвода позже, чем планировал. Пришлось приспособливать лыжи Сидоркина на свои валенки. У меня лопнул ремешок крепления, наверное, ещё при первом выстреле, когда я упал в снег. Вооружённый уже СВТ-38, я подъехал к группе красноармейцев, стоящих вокруг Асаенова. Он им что-то говорил, наверное, рассказывал, что произошло с комиссаром. Все двадцать шесть человек из моего взвода уже были здесь.

Не теряя время на лишние слова, я сразу приказал построиться и кратко обрисовал сложившуюся обстановку. Потом поставил задачу каждому отделению и порядок движения к намеченной цели. Решил, что будем двигаться по лесу, вокруг этого большого поля, двумя группами. Первую, разведывательную, поведу я, в неё войдут ещё два человека – Кирюшкин и Асаенов. Остальные будут двигаться цепочкой за нами, на расстоянии не ближе чем сто метров. Замыкающим едет комот-1, старший сержант Курочкин, в случае чего он же принимает командование взводом на себя. Одновременно он исполнял и обязанности помкомвзвода, взамен убитого по ранению Нилина. Ещё я отослал красноармейца Перминова в штаб батальона – доложить о гибели комиссара от пули снайпера и о наших дальнейших действиях.

С собой в передовой дозор много народу я брать не стал, посчитав, что вполне хватит и трёх человек. Можно было бы взять и одного Кирюшкина, но эта мысль ушла сразу же, чем-то это мне напомнило последний выезд с Сидоркиным. Тот же лес, те же снайпера и нас двое, а в итоге – Саня убит, я чудом остался жив.

Кирюшкин (боевая кличка – Якут) принадлежал к какой-то северной народности Сибири, но полностью обрусел, русский язык знал прекрасно. На гражданке он был охотником и сейчас, после гибели Сидоркина, лучшего следопыта и лыжника в нашем взводе, пожалуй что, и не осталось.

Асаенова (боевая кличка, придуманная мной – Шерхан) я взял, потому что мне понравился этот парень – своим спокойствием и умением быстро соображать. Чего только стоил эпизод с гибелью политрука. К тому же, практически с момента его появления, какая-то часть меня, наиболее близко соприкасаемая с командирской жилкой моего деда, внимательно отслеживала все его действия. И пока была очень им довольна. Тем, как он инстинктивно грамотно укрывался от возможного выстрела снайпера. Ни разу не подставился, всё время находил какое-нибудь укрытие и при этом не суетился и ни капли не нервничал. И тем, как он двигался на лыжах, легко, быстро. Одним словом, весь военный опыт моего деда говорил, что если этого парня немного подучить, то получится лучший боец из всех тех, кого он видел.

Последний раз, проинструктировав комота-1 Курочкина (боевая кличка – Ряба), наша троица двинулась вперёд вдоль края леса. Первым, пробивая для всех лыжню, катил Якут, за ним, метрах в пяти, я, последним скользил Шерхан. Минут через двадцать такого движения, когда мы уже ощутимо приблизились к соснам, на которых засели снайпера, Кирюшкин остановился. Когда я к нему подъехал, он еле слышно зашептал:

– Однако вон по той большой сосне человек в маскхалате лезет.

И показал мне на дерево метрах в трёхстах от тех сосен, на которых, как я и предполагал, засели снайпера. Это гигантское дерево находилось как раз по ходу нашего движения. Достав снятый с Каневского бинокль, я посмотрел на эту здоровенную сосну. Действительно, по импровизированной лестнице из прибитых прямо к стволу деревяшек, спускалась трудно различимая даже в бинокль фигура в пёстром маскировочном комбинезоне. Спускаться до поверхности снега ей оставалось метров десять. Разглядел я и площадку, куда вела эта лестница. Между ветвей, метрах в двадцати пяти над землёй, было положено несколько

толстых досок. Оглядел я и соседние деревья, а также, уже в который раз, видневшиеся верхушки сосен нашей первоначальной цели, откуда стреляли «кукушки». Никаких признаков снайперских гнёзд нигде не за метил.

«Да, место для „кукушки“ чухонцы выбрали хорошее, – мысленно оценил я эту снайперскую позицию, – если бы стрелок не полез сейчас зачем-то вниз, хрен бы мы его первыми заметили».

Я поблагодарил Бога за то, что он вразумил меня пустить вперёд Кирюшкина. Первоначально я сам хотел двигаться первым, надеялся на свою подготовку, полученную в эскадроне. Но вовремя вспомнил, что когда мы с Сидоркиным попали в снайперскую засаду, впереди двигался тоже я и ничего подозрительного не заметил. Тогда, конечно, меня в этом теле не было, но ведь дед обладал неплохой пластунской подготовкой. Поэтому я и решил в этом рейде довериться опыту и интуиции профессионального охотника. Ещё я подивился предусмотрительности финнов. Они, практически со всех сторон, окружили место своей засады у дороги снайперскими постами.

Мои размышления прервал шёпот Якута:

– Товарищ лейтенант, однако, давайте, пока он на дереве, я его одним выстрелом сниму, как белку.

– Нет, дорогой товарищ, постараемся его взять живым и тихо. Этот «язык» сам нам в руки идёт. Брать будем мы вдвоём с Шерханом, а ты, Якут, внимательно вокруг смотри – будешь прикрывать нам спины.

Стоявший рядом и внимательно всё слушавший Наиль вдруг высказал своё предположение:

– Я думаю, чухонец спускается, чтобы просрать. А что, сейчас всё тихо, стреляли последний раз с полчаса назад, да и то свои. Наверное, он предполагает, что они отогнали разведку русских, и до подхода основных их сил всё будет тихо – самое время опорожниться, чтобы не обосраться во время боя. С дерева срать или в миску, их европейская сущность не позволяет. Да и на запах говна могут слететься стаи птиц и демаскировать эту снайперскую лёжку. Наверное, сюда посадили молодого и не очень опытного стрелка – дурак, вчера от пуза нажрался, а теперь всё, пипец котёнку.

– Ладно, знаток системы пищеварения, скидывай свою винтовку, чтобы не мешалась. Сейчас аккуратно, не шумя, подкатываем к этой птишке, и ты кулаком по башке отключаешь нашу кукушечку, только, ради бога, тихо, и смотри, не пришиби его.

Сказав это, я тоже скинул самозарядку и бинокль, перед этим сняв брезентовый ремень с винтовки и, уже молча, покатил в сторону медленно спускающегося с сосны снайпера. Он через каждые метра три останавливался и прислушивался к шуму леса. Всё-таки он был явно неопытен, услышать что-нибудь подозрительное можно было максимум метров за тридцать, да и то не факт. В воздухе стоял гул канонады отдалённых выстрелов и вопли растревоженных птиц. Иногда раздавался треск ломающихся сучьев, это ошалевшие дикие звери, а может и обезумевшие домашние животные, метались, не зная, где им найти покой и прибежище. На слух полагаться в таких условиях не следовало. Всё равно, если ты даже услышишь подозрительный шум метрах в двадцати от себя – будет уже слишком поздно.

К месту, где находился финн, мы выскочили с Наилем практически одновременно. Тот действительно сидел и справлял свои естественные нужды. Рядом лежали снайперская винтовка и сапёрная лопатка. На белом снегу очень чётко выделялась пёстрая одежда снайпера. Шерхан с ходу, на скорости, заехал сидящему чухонцу своим кулачищем в лоб. Тот, первоначально ошарашенно смотревший на несшийся на него белый смерч, как-то нелепо хрюкнул и сел голым задом на наваленную только что им самим кучу говна. Тут подлетел я и, придерживая его за шею, запихнул ему в рот свои варевки – это был подготовленный мной заранее импровизированный кляп. Потом мы вместе с Шерханом вытащили нашего плен-

ника из этой своеобразной выгребной ямы, связали ему руки, сняли верхние, маскировочные, шаровары и куртку и натянули на грязный, вонючий, голый зад его штаны.

Когда подтащили финна к стоящей недалеко берёзе, пленный очнулся и, выпучив глаза, начал мычать. Не обращая на это внимания, мы примотали его верёвкой к стволу. Верёвка нашлась в сидоре запасливого Якута. Он подкатил буквально через минуту после того, как мы скрутили снайпера. Ещё в его заплочном мешке нашлось, правда, грязное, требующее основательной стирки, исподнее бельё. Я его реквизирувал на нужды советской власти. Сделал из исподних штанов кляп и заменил им свои варежки, торчащие из широко открытого рта пленного. Было как-то холодновато, я хоть и был привычен к зауральским морозам, но, когда снял варежки, почувствовал себя неуютно, от того, что холод начал пробираться под одежду. По моим ощущениям, мороз был гораздо ниже десяти градусов, про которые мне сегодня утром говорили в штабе батальона.

Закончив с пленным, я внимательно оглядел окружающее пространство. Всё было спокойно, ничто не напоминало о недавно произошедшем эпизоде. Даже наличие множества следов от лыж ни о чём не говорило, тут и до этого было множество хорошо накатанных лыжней. Я успокоился, боевой азарт начал потихоньку спадать. Я вспомнил, что сейчас я не просто рядовой боец, а командир целого взвода и от моих поступков зависят жизни двадцати пяти человек. Поэтому, как только осмотрелся, сразу же спросил у Шерхана:

– Слушай, Наиль, ты подал знак основной группе, чтобы они остановились?

– Обижаешь, командир! Как только Якут остановился, я тут же поднял руку вверх, как вы и приказывали на построении.

– Молодец! Ты и чухонцу хорошо с ходу в лоб вмазал, хвалю. Если будем живы, к медали тебя представлю. Ну а теперь давай мне маскировочную одежонку, которую мы сняли с пленного. Сейчас её надену и залезу на его лёжку – нужно осмотреться. Там высоко и хорошо всё видно. А вы пока с Якутом отъедете метров на десять в разные стороны от этой сосны и внимательно контролируйте все подходы. И ещё, Шерхан, не забывай посматривать на привязанного пленного, мало ли что. Как только спущусь, устроим допрос этого чухонца. Нужно узнать расположение огневых точек основной засады и где ещё засели «кукушки». Только после этого поедешь к основной группе и приведёшь людей сюда. Тут последний раз всё обговорим и, вперёд, с тылу атакуем эту сволоту в засаде. До темноты нужно успеть переловить всех чухонцев, а то они опять с утра начнут клевать из засад наших ребят.

Поставив, таким образом, задачу своим бойцам, я, скинув свой маскхалат, надел трофейные куртку и шаровары и полез на сосну. Позиция пленённого снайпера находилась довольно высоко, и оттуда открывался прекрасный обзор на все интересующие меня места. Я даже без бинокля разглядел позиции двух «кукушек», убивших красноармейца Сидоркина и политрука Каневского. Если прямо сказать, у меня жутко чесались руки немедленно открыть по ним огонь из снайперской винтовки пленённого нами финна. Её я захватил с собой в это гнездо «кукушки». Тем более, до тех деревьев расстояние было не очень большое, думаю, я смог бы попасть в них, даже стреляя из обычной трёхлинейки. Метров четырёхста, не более. Но глубоко засевшая в мозгу мысль об ответственности за успех всей операции по деблокировке дороги подавила этот сиюминутный порыв.

И, как оказалось, это было очень правильное решение. Продолжая осматривать близлежащие окрестности, заметил совсем недалеко, метрах в двухстах, пулемётную позицию. На ней находилось три человека, чуть в стороне стоял четвёртый и махал мне рукой. Совершенно автоматически я несколько раз махнул ему в ответ. По-видимому, его это успокоило, он повернулся и направился к стоящей неподалёку маленькой будке, установленной на длинные лыжи. Кончики их выглядывали из-под днища этой нелепой конструкции. Тогда я ещё подумал, как прав был мой Учитель, когда говорил, что нужно всё много раз осмотреть, хорошо подумать и только потом действовать.

Направляемый этой мыслью, я ещё раз внимательно оглядел всё близлежащее пространство. Причём сделал это, используя бинокль. Кстати, бинокль я взял трофейный, он висел на сучке рядом с тем местом, где я выбрался на эту снайперскую площадку. Этот аппарат понравился мне гораздо больше, чем бинокль Каневского. Он был компактнее, немного мощнее, а в окулярах была нанесена шкала расстояний. Одним словом, буржуйская техника оказалась лучше нашей.

Когда я изучал предполагаемое место основной засады, находящееся в двух километрах от этой сосны, и уже засёк два гнезда «кукушек», как внезапно моё внимание привлекло какое-то движение недалеко от моей позиции – в лесу, у самой кромки поля. Причём движение я уловил боковым зрением, когда на секунду оторвался от окуляров бинокля. Сразу бросив заниматься осмотром деревьев, стоящих у дороги, я всё внимание сосредоточил на подозрительном месте. На всякий случай взял трофейную снайперку и передёрнул затвор. Но через минуту отложил винтовку и чуть не зашёлся в истеричном смехе.

По полю, смешно подпрыгивая в глубоком снегу, из леса выбрались две домашние козы – на шеях у них висели большие колокольцы. Бедные животные совсем ошалели от стоявшего кругом шума и незнакомой обстановки. По-видимому, хозяева выгнали этих бедных козочек из тёплого хлева в лес, в надежде, что они спрячутся там от солдат и избегут участи попасть к русским в котёл. Вид этих животных навёл меня ещё на одну мысль. Козы стали невольными помощниками в деле нашего удачного захвата снайпера. Своими прыжками и метанием по лесу они создали дополнительные шумовые помехи. А их судорожное мелькание среди деревьев помешало людям у пулемёта заметить наши силуэты.

Когда козы выбежали в поле, один из сидевших у пулемёта встал, надел лыжи и, даже не взяв оружие, покатил в сторону испуганных животных. Финнам явно захотелось отведать свежего мяса. А у меня тут же созрел план, как захватить этих любителей парной козлятинки. Я, долго не рассуждая и оставив снайперку на площадке, буквально скатился вниз и, подозвав красноармейцев, начал отдавать приказания:

– Якут, быстро надевай трофейный комбинезон и дуй наверх. Там, наверху лежит снайперка, между прочим, очень неплохое ружьишко, думаю, что и пристреляно оно тоже хорошо. Так вот, твоя задача – сначала снять пулемётчика. Здесь, товарищи, мы попали в самое сердце их засады – пулемётная позиция находится в двухстах метрах от этой сосны. Потом, Кирюшкин, снимаешь двух снайперов, их гнёзда находятся вон в тех соснах, видишь, торчащие верхушки. Если считать отсюда, то это вторая и четвёртая сосна. Площадки находятся на высоте двадцати метров от земли. А затем займёшься парнем, который там, на поле гоняется за козами. Если он ещё на открытом пространстве, то сразу его валишь и начинаешь контролировать все подходы к нам. В лесу им мы с Наилем займёмся.

Произнося это, я лихорадочно сдёргивал с себя маскировочный комбинезон. Наконец сняв его и передав Кирюшкину, который немедленно стал в него облачаться, я продолжил:

– Шерхан, а мы с тобой аккуратно подкрадываемся к чухонцам, при этом я беру на себя пулемётное гнездо, а ты финна, который, наверное, всё ещё сидит и отогревается в стоящей там будке. Если он сунется на шум или если ему надоест сидеть в будке, ты ему опять долбани кулаком по башке и связывай верёвкой, но предварительно кинь, на всякий случай, в эту теплушку гранату. Если же он уже сидит рядом с пулемётом, то ты не дёргайся, карауль у дверей будки. С теми, кто у пулемёта, я сам разберусь. Если кто будет лишний, пристрелю, на хрен, из нагана, да и всех делов. Самое главное сейчас – это подскочить к ним незаметно. Думаю, они совсем не ожидают нашего появления, а заняты сейчас просмотром бесплатного кино. Называется – поимка для пропитания бесхозных коз. Да, чуть не забыл – Якут, ты не торопись, всё огляди, дождись, когда мы доберёмся до места, и только после этого снимай пулемётчика. Если нас заметят, то шлёпай там всех подряд и только потом открывай огонь по снайперам. Они по тебе первыми стрелять вряд ли будут. Им деревья загораживают пуле-

мётную точку, и они ни хрена не увидят, что там творится. А что ты стреляешь, да это, может, ты русских увидел. Ну что, всем всё понятно?

Дождавшись утвердительных возгласов, я хлопнул Якута по плечу, накинул свой маскхалат и подождал, пока Кирюшкин заберётся на дерево. Потом кивнул Шерхану, и мы с ним осторожно покатали в сторону пулемётной точки. На полпути мы приостановились, чтобы хорошенько подготовиться к операции. Я оставил лыжные палки, достал револьвер и приготовил кляп и верёвку. Шерхан достал пару гранат и положил их в карман маскхалата и тоже проверил наличие верёвки.

Метрах в двадцати от пулемётного гнезда мы разделились. Шерхан направился к уже просвечивающейся между деревьев теплушке. Между прочим, там уже из небольшой трубы был виден еле заметный дымок. А я, удвоив осторожность и взведя револьвер, начал медленно подкрадываться к пулемётчикам.

Ближе чем метров на десять приблизиться к ним незаметно никак не получалось. С ходу, с разгона влетать на их позицию мне тоже как-то расхотелось, когда я увидел в руках у одного из финнов автомат «Суоми». Я подумал: из такой штуки ему даже целиться не надо, нажмёт на курок, и – привет родителям. И хотя оба финна даже не смотрели в мою сторону, а всё их внимание было обращено на третьего, который в этот момент тащил упирающуюся козу, я всё-таки решил не рисковать и стрелять из нагана во владельца автомата. Правда, убивать его я не хотел, решил выстрелить в колено, чтобы у него случился болевой шок, так можно было спокойно его скрутить. Оба чухонца сидели на толстом бревне, положенным сбоку от мелкого окопа, вместо бруствера. Наверное, для того, чтобы лучше видеть представление.

Взяв револьвер наизготовку, я махнул рукой, так, чтобы Якут мог это увидеть. Тут же раздался сухой звук выстрела, следом выпустил две пули я. Даже не посмотрев на результаты наших выстрелов, я бросился к окопу пулемётчиков. Сразу перед ним я сбросил лыжи и буквально свалился на корчившееся внизу тело. Заломив ему руки и связав их, я наконец оглядел место схватки. Второй финн, вернее его голова, представляла собой очень неприглядное зрелище. Его голова свешивалась в окоп, на месте правого глаза зияла дыра, в задней части головы черепной коробки почти не было, и всё дно окопа было в крови, смешанной с белёсыми частичками мозга. Одним словом, картинка не для слабонервных.

Между тем раздалось ещё несколько выстрелов, и всё стихло, только был слышен скулёрж раненного мной финна. Меня это стало ужасно раздражать, и я, скомкав свои многострадальные варежки, засунул их опять вместо кляпа в рот чухонцу. Закончив с пленным, я оглядел место наших действий.

В первую очередь посмотрел в сторону третьего финна, который перед этим отправился в мясозаготовительную экспедицию. Он лежал на ближнем ко мне краю поля, уткнувшись головой в снег. Его правая рука с зажатой в ней верёвкой периодически подёргивалась. Это несчастная коза пыталась вырваться из неволи. Потом я повернулся в сторону теплушки. Дверь в неё была открыта настежь, и было видно, как Наиль, упираясь коленом в спину какого-то человека, ремнём связывал ему руки. Рядом на улице, прямо на снегу, лежал ещё один финн, с заломленными назад связанными руками.

– Три – ноль, в нашу пользу, – пробормотал я про себя.

Потом выпихнул своего пленного из окопа, вылез сам и, проваливаясь по колено в снег, потащил на верёвке, опутанной вокруг его рук, в сторону теплушки. За нами потянулась тонкая полоска из капель крови.

Добравшись до будки, я, с помощью Наиля, затащил свою добычу в тёплое помещение. Там уже сидели на длинной лавке два пленённых Шерханом финна. Они ещё не отошли от полученных ударов по голове и ничего не соображали. Мой пленный тоже находился в

бессознательном состоянии. Одним словом, пока не с кем было проводить форсированный допрос в полевых условиях.

Поэтому, чтобы зря не терять времени, я отослал Асаенова за нашим первым пленным. Все допросные мероприятия решил проводить в этой будке. Здесь было тепло и уютно и, что меня очень устраивало, были в наличии инструменты для проведения экспресс-допроса. Очень заманчиво выглядела кочерга, лежащая рядом с раскалённой печкой, на столе лежало несколько остро отточенных карандашей, а в недоеденной консервной банке торчала вилка.

Пока Наиль отсутствовал, я перевязал раненого финна. Он очнулся и с испугом наблюдал за мной. Я вытащил у него изо рта кляп и опять услышал стоны и скулёж. Меня это совсем взбесило, и я надел ему на голову железное ведро, стоящее в углу. Посчитав, что так он быстрее заткнётся, так как усиленное в несколько раз нытьё, в первую очередь, будет действовать на его собственные уши.

Пришли в себя и два других пленника. Они провожали глазами любое моё перемещение по тесному помещению. У одного, более молодого финна, глаза были уже сейчас безумно испуганные, даже когда его никто не трогал. Про себя я подумал: ну, этот мужик уже поплыл, теперь пару раз дать ему по морде, и он полностью расколется, расскажет все секреты, которые он знает, или про которые хоть что-то слышал.

Второй, более пожилой финн, чем-то мне напомнил Матти – мучителя и убийцу моего друга Пашки. Уж очень у него было злобное и решительное выражение лица. В глазах – ледяное спокойствие. Единственное, что всё-таки выдавало его напряжение, это нервное покусывание нижней губы. Я коварно, коленом, долбанул по его подбородку так, что он серьёзно прикусил губу. Наверное, это было очень больно, но он не проронил ни звука, только сморщился, а потом наклонил голову и уткнулся взглядом в пол. О боли, которую он испытал, я судил по значительному расширению зрачков светлых глаз этого истинного арийца.

Вскоре в теплушку ввалился Шерхан, он настежь распахнул дверь и пинком впахнул в помещение нашего первого пленного. Потом зашёл сам и доложил, что все приказания выполнил. Кстати, кроме приказа доставить финна, я поручил ему доехать до основной группы красноармейцев и проводить их до сосны, где теперь сидела наша «кукушка» – Кирюшкин. Там все командиры отделений должны были поочерёдно забраться на снайперскую площадку и изучить на местности будущий театр наших действий. А если проще сказать – запомнить и зарисовать рошу, где засела засада, и путь, по которому мы будем к ней подкрадываться. Для этого у Якута я оставил оба бинокля.

Для успешной ликвидации засады мне было необходимо знать: сколько там засело человек, схему огневых точек, наличие тяжёлого вооружения, количество и места расположения снайперов. Выяснением этих вопросов я и решил сейчас заняться.

Первым задумал начинать допрашивать самого волевого и упёртого финна. Он имел звание капрала и, по-видимому, был в этом охранении главным. Другие чухонцы посматривали на него с явным уважением. Одним своим присутствием и взглядом он ободрял их, заставляя держаться достойно. Даже доставленный последним снайпер, увидев этого мужика, которому я дал по подбородку, подтянулся и перестал пускать слюни.

Моя логика говорила – нужно сломать самого сильного, тогда остальные запоят, как соловьи. Но, если даже не сломаю, и он ничего не скажет, ничего страшного, зато на нём я испытаю весь набор приёмов, которым обучился в эскадроне, для форсированного допроса в полевых условиях. Он, вероятно, умрёт от болевого шока, но другие пленные всё это увидят, и, думаю, упорствовать уже никто не будет.

Я подошёл к скулящему финну, снял с головы раненого ведро, чтобы он тоже всё хорошо видел, демонстративно поднял кочергу и положил её на печку. Этот раненый финн уже перестал стонать и скулить. Он только ошалело подёргивал головой и изредка всхлипы-

вал. Вместе с Наилем мы подготовили место для предстоящего допроса. Усадили пленных на пол, оставив на лавке только их командира. Перед этим я сказал Наилю:

– Слушай, Шерхан, ты, когда смотришь на чухонцев, делай физиономию пострашнее – выпучивай глаза, оскаливай зубы. Можешь иногда злобно хохотнуть и потереть свои ладони перед их носом. В общем, всем своим поведением показывай, как тебе не терпится добраться до их плоти. Нужно, чтобы они, видя, что вытворяю я, с ужасом представляли себе, что этот рыжий монстр может сделать в сто раз хуже и больнее.

Шерхану два раза повторять не надо, и, уже когда мы перетаскивали к противоположной от лавки стене пленных, мне пришлось сдерживать внутренний смех от вида безумных рож, которые он строил. Но смех смехом, а финны буквально начинали дрожать, когда видели лицо Наиля. Особенно на них действовал такой трюк, когда Асаенов, выпучив глаза, начинал вращать зрачками, при этом отвратительно подбирал нижнюю губу, оголяя жёлтые, кривые зубы.

Освободив лавку, мы завалили финна, привязали к ней его ноги и туловище под мышками. Руки перед этим освободили и тоже привязали каждую по отдельности к лавке. Когда всё было уже подготовлено к допросу с пристрастием и я потянулся к уже раскалённой кочерге, с улицы донеслись звуки перестрелки. Мы с Шерханом немедленно всё бросили и метнулись на выход, прочь из этой мышеловки.

Глава 4

Когда оказались на улице, стало понятно, что на мой взвод никто не нападал. А этого я больше всего опасался, когда услышал выстрелы. Перестрелка шла у дороги, да и то очень быстро закончилась. По-видимому, командир батальона решил протестировать засаду и произвёл разведку боем. Было также очевидно, что наши ребята при этом получили по мозгам и быстро откатились. Стреляли в основном из винтовок, только пару раз грозно рыкнул пулемёт. Я сделал вывод – наша атака захлебнулась практически в самом начале, скорее всего, под огнём «кукушек». Ведь финны активно не применили пулемёты, да и ближнего боя тоже не было – звуки гранатных взрывов отсутствовали. То есть на данный момент сохранялся статус-кво, и если я не потороплюсь с атакой с тыла, наше командование долго ждать не будет и отдаст приказ на штурм этого, очень раздражающего его препятствия – всеми наличными силами. Мудрить с обходом или хотя бы с подвозом артиллерии никто не будет, нагонят ещё народу и тупо попрут цепями на пулемёты. Я ужаснулся, представив, сколько будет трупов, и сколько женских слёз прольётся по этим погибшим в бессмысленной бойне кормильцам. В наличие большого количества пулемётов у финнов и то, что они установлены в хорошо оборудованных позициях, я теперь даже и не сомневался. Если они подготовили такой серьёзный заслон перед своими основными силами, то сколько же их в самой засаде, раз в десять, наверное, побольше. Одним словом, нужно было быстрее раскалывать пленных и выдвигаться в тыл чухонцам.

Я кивнул Наилю и повернулся к открытой двери теплушки, там увидел, что один из пленных подполз к лавке и зубами пытается развязать верёвку у лежащего на ней капрала. В одно мгновение я заскочил в помещение и ударом ноги отправил его обратно к стенке. Выругавшись матом, я, уже на финском языке, продолжил:

– У-у, дети свиноматки! Если кто ещё раз попробует так пошутить, обещаю – вы все тут же отправитесь на свидание с Одином с распоротыми животами и с половыми членами во рту. Ведите себя правильно, и тогда, может быть, после войны вы окажетесь дома и будете спокойно жить в своей Суоми.

Финны, испуганные и поражённые тем, что я говорю на их языке, скучились у стены. Свою лепту в наведение порядка внёс и Наиль, он, ворвавшись в теплушку следом за мной, тумачами рассадил пленных вдоль стены, при этом, правда, ни разу не стукнул раненого. В это время я, придав зверское выражение своему лицу, резко мазанув снятой с руки varejkoj по физиономии лежащего на спине финна, низко наклонившись над ним, спросил:

– Ну что, свиное рыло, – не ожидал увидеть живых русских у себя на позиции? То ли ещё будет, скоро мы вашего Маннергейма в Хельсинки за вымя щупать будем. Неблагодарные вы чмо, забыли, кто вам дал независимость? Смотри! Будете плохо себя вести, заберём обратно! Поэтому давай, помогай своей стране выжить, не зли русского солдата, расскажи всё о засаде. Тогда я обещаю: ты останешься жив и увидишь ещё своих родных. Сам понимаешь, мы всё равно собьём их с дороги, но может погибнуть много наших братьев. А это приведёт других в такую ярость, что вырежут всех финнов, и – плакала тогда ваша независимость. Будете независимы от русских только на небесах. А так, нам вашей страны не надо, отодвинем границу от Ленинграда и тешьтесь тогда хоть до Страшного суда со своей независимостью. Ну что, будешь говорить?

Финн молчал и отстранённо глядел в потолок. Чего это ему стоило, говорили только сильно побледневшее лицо и капли пота, выступившие на лбу. Я, навертевший себя почти до иступления, схватил его за ухо и с силой начал его скручивать. Наверное, это было очень больно, он даже застонал и что-то пробормотал. Но ничего ясного и важного не сказал. Меня это завело ещё больше, схватив раскалённую уже кочергу, я поднёс её кончик к самому глазу

финна. Не увидев реакции, с силой опустил её прямо на щёку этому упёртому чухонцу. Запахло палёным мясом – он мучительно застонал, но ничего не произнёс.

Запах горелой кожи и глубина его бездонных глаз (на месте радужки оставался один зрачок) – отрезвили меня. Я понял, что больше пытаться не могу, что все мои теоретические знания по проведению форсированного допроса, туфта – я просто не готов их применить. Оказалось, что существует непреодолимое препятствие между теорией и практикой. От собственного бессилия я дико заорал матом и дал пощёчину проклятому финну.

Выпрямившись и положив кочергу обратно на печку, оглядел других финнов и посмотрел на Наиля. Финны, с жутким испугом вжавшись спинами в стену, смотрели в мою сторону. Наиль тоже глядел на меня, но в глазах у него сквозило уважение и даже восхищение моими действиями.

«Ни хрена себе, – подумал я, – тут, можно сказать, полный облом, а Шерхан смотрит на меня, как на героя».

Я понимал, что допрос нужно продолжать, но так как я оказался, мягко говоря, недостаточно кровожаден, то пришлось пойти на небольшую хитрость. Ещё раз грязно выматерившись, я заявил Наилю:

– Шерхан, давай ты продолжи, а то, боюсь, я этого чухонца удавлю голыми руками. А нам по-любому нужно выдавить из этих козлов всю информацию по засаде. Видишь, финны у стены уже почти готовы, нужно их дожимать. Командир у них попался крепкий – хрен что скажет, а если даже и разговорится, то, скорее всего, наврёт с три короба. Сразу видно, это настоящий волчара, такого в живых оставлять нельзя. Он из любого плена вырвется и будет зубами грызть наших пацанов. Поэтому применим к нему все средства – по полной программе. Ты готов?

Наиль хмыкнул, зловеще усмехнулся и ответил:

– Да мне это, как два пальца обоссать. Только боюсь, по-научному, как делаете вы, у меня не получится. Я и смогу-то только – по роже дать, ну, скулу или нос сломать, ещё могу пальцем глаз выдавить, а больше ничего в голову и не приходит.

– Ладно, возьму, пожалуй, я над тобой шефство. Проведу с тобой практическое занятие по теме – форсированный допрос в полевых условиях. Снимай маскхалат, чтобы его не испачкать, и шинель снимай, тут тепло. Теперь засучи рукава и, пожалуй, приступим.

Наиль точно выполнил все мои указания, и теперь навис над лежащим на лавке финном, как хирург над операционным столом. Только руки у него были не в перчатках, а выражение лица можно было применять вместо анестезии. Глянув на него, обычный человек запросто мог потерять сознание.

Я между тем перебирал, какое средство применить к этому упрямому финну. Время поджимало и мне пришли в голову слова хорунжего Кощея, проводившего с нами одно из занятий, он говорил:

– Метод очень действенный. В моей практике, после применения его, у всех фрицев прорезалась память, и язык работал, как помело. Уж если это не поможет, то нужно этого клиента кончать и переходить к следующему. Что немаловажно в полевых условиях, всё это можно сделать быстро и особо не пачкаясь. Только нужно хорошенько заткнуть рот клиенту – орать он будет сильно.

В этом методе меня прельстила и наглядность для окружающих. Поэтому для начала я выбрал его. Подойдя к лежащему финну, я засунул ему в рот свой заслуженный переносной кляп – варежки. Потом, вытащив нож, передал его Наилю. Тот кровожадно оскалился и спросил:

– Что, командир, будем что-нибудь отрезать? Ухо, наверное, или глаза выковыривать?

– Какие, к чёрту, глаза! От этого он просто потеряет сознание, и всё. Нет, будем проводить сдавливание и скручивание мошонки.

– Что, что, – переспросил удивлённый Наиль, – какой ещё такой мошонки?

– Эх, темнота! Яйца так называются. Ладно, давай разрежай ему штаны и накрути этому козлу яйца. Только смотри, не раздави там всё всмятку.

Чтобы не смотреть на эту пытку, я отвернулся и начал разглядывать финнов, сидевших у стены. От моего взгляда они жалко съёжились. А потом то действие, которое начало разворачиваться за моей спиной, их настолько потрясло, что они побелели, как полотно, и по их лицам потёк пот. Наступил момент, когда они уже не в силах были смотреть на происходящее, и все уткнулись глазами в пол. Слышались страшные хрипы, несмотря на заткнутый кляпом рот пытаемого. Головы у пленных при каждом новом, нестерпимом звуке непроизвольно дёргались.

Когда и у меня уже от этих мерзких звуков начал пухнуть мозг, я крикнул Наилью, чтоб он прервался. Потом повернулся, подошёл к лавке и выдернул кляп у финна. Его лицо представляло сейчас страшное зрелище. Оно было перекошено гримасой боли, во многих местах на коже лопнули сосуды и кровь выдавило из пор, белки глаз были тоже красные. От былой невозмутимости не осталось и следа, губы дёргались, а зубы стучали друг о друга.

Я склонился над ним и начал задавать свои вопросы, но в ответ слышал только мало-вразумительные, не связанные между собой фразы. Я понял, что хоть и воля его уже сломлена, ничего путного он сказать уже не сможет. Подумав, что клин надо вышибать клином, я кивнул Наилью, и он ещё раз сдавил и крутанул мошонку. Раздался пронзительный вскрик, и я совершенно непроизвольно задал вопрос:

– Какой пароль?

В ответ еле слышно финн пробормотал:

– Кондопога.

Где применять этот пароль, как я ни спрашивал его, так и не понял. Явно он пытался всё рассказать, но у него ничего не получалось. Я и сам не знал, зачем задал такой вопрос. Наверное, это вбили нам на занятиях в эскадроне. Обычно, когда мы тренировались, в вопроснике эта фраза стояла первой.

Я всё ещё надеялся выжать из этого человека интересующие меня сведения. Поэтому решил продолжить допрос и применить уже метод, о котором нам рассказывал преподаватель по восточным единоборствам.

Этот метод мы называли «карандаш», он был очень прост. Нужно было обычный карандаш вставлять в ухо клиента до момента прокола внутренней перепонки. Далее, нетяжёлым предметом, с периодичностью в три секунды, вбивать его глубже. Как рассказывал наш сенсей, в древнем Китае это был очень популярный метод допроса – более пяти-семи ударов никто не выдерживал.

Объяснив Наилью, что нужно делать, что вбивать он будет ручкой ножа, я взял карандаш со стола и передал ему. К сожалению, вразумительных ответов на свои вопросы я так и не получил, а уже после третьего удара наш клиент потерял сознание. Когда мы, изведя два ведра, полные снега, привели его в чувство, он уже ничего не соображал. Глаза полностью расфокусировались и смотрели в разные стороны.

Для выполнения задачи капрал стал совсем бесполезен. Но и в живых его оставлять было нельзя. Противника с такой злобой, ненавистью и волей я ещё не встречал. Поэтому решил вывести его в пулемётный окоп к убитому ранее финну и там пристрелить. Время было дорого, тянуть с допросом других пленных было нельзя. Я приказал Шерхану разрезать верёвки и помочь мне перетащить капрала в окоп. После того как мы спихнули финна в эту своеобразную могилу, вытащил револьвер и выстрелил этому волчаре прямо в затылок. Душераздирающие стоны смолкли, а я ногой немного присыпал тело снегом. Затем мы с Наилем закурили. Сделав пару затяжек, я спросил:

– Ну, как думаешь, созрели наши пленные для откровенного разговора? Не станут больше строить из себя героев?

– Ха, героев, да они теперь, что им скажешь, то и сделают. Когда я крутил этому козлу яйца, они, как мамзели, чуть в обморок не попадали.

– Да! Тогда пойдём дожимать чухонцев, пока они не отошли от шока. Сейчас выведем двоих из будки, и пока я буду допрашивать третьего оставшегося, ты побудешь с ними. Постарайся держать их в напряжении и испуге. Делай угрожающие жесты – покажи, что если они будут молчать, как их командир, ты с ними поступишь так же.

Первым для допроса я выбрал снайпера. Вид у него был самый жалкий и испуганный. Усадив его на многострадальную лавку, я расположился на стуле у столика и начал задавать вопросы. Ответы были многословные и следовали почти мгновенно за моими вопросами. С таким «языком» было приятно работать. За всё время допроса я даже ни разу не повысил голос. Он мне рассказал всё, что знал о засаде, отметил на схеме расположение пулемётных гнёзд и примерное нахождение позиций снайперов.

Я узнал, что в засаде находятся люди из скандинавского добровольческого корпуса. Их сто двадцать восемь человек, они лучшие – отобраны лично командиром корпуса, генералом Эрнстом Линдером, в основном это шведы. Из тяжёлого вооружения у них было два миномёта, два противотанковых орудия и шесть станковых пулемётов «максим». Также в роще у дороги было оборудовано на деревьях семь снайперских гнёзд.

Группа, которую мы разгромили, не относилась к этому корпусу. Она входила в отдельный егерский батальон при штабе армии Карельского перешейка. Подчинялись лично командующему Хуго Эстерману. Так, как они были егерями и умели вести боевые действия в лесу, их передали для флангового прикрытия этой сводной роты скандинавского корпуса. Командует всеми капитан Андерсон – самый опытный боевой офицер корпуса. Он доброволец, командовал в Шведской армии батальоном.

Боевая егерская группа, которую мы ликвидировали, состояла из семи человек: трёх снайперов и группы прикрытия с пулемётом и двумя автоматами. Раньше они занимались в основном рейдами в наш тыл, организовывали там засады. Они уничтожили более семисот наших красноармейцев и командиров. Несколько десятков наших бойцов они захватили и доставили в штаб. Как правило, оставляли пленных в живых только для того, чтобы они, как бурлаки, тащили их теплушку.

База этого егерского батальона находилась недалеко от Выборга. Для проникновения в наши тылы существовал специальный коридор, с оборудованными бункерами для отдыха и ночёвок. Через позиции Финской армии они проходили через Хотиненский укрепрайон линии Маннергейма, мимо дота № 45. В предполье этого укрепрайона, перед минными полями, была оборудована специальная точка связи. В дупле дерева был установлен полевой телефон. Когда они возвращались с задания, то по нему вызывали сопровождающего, который и проводил их по проходу на минном поле, мимо дзотов, напрямик к доту № 45. Там находился штаб всего Хотиненского укрепрайона. Оттуда была организована прямая связь со штабом армии, и даже можно было позвонить в Хельсинки. Чтобы вызвать сопровождающего, по телефону нужно было сообщить пароль. Пароль нашему пленному был неизвестен, по телефону всё время говорил их командир.

Вся эта информация по линии Маннергейма и по Хотиненскому укрепрайону настолько меня заинтересовала, что я даже решил пожертвовать драгоценным временем, чтобы всё поподробнее узнать по этой теме. Заставил пленного нарисовать план прохода через укрепрайон с обозначением всех объектов обороны. А так же схему самого дота. Эта долговременная огневая точка (дот) скорее походила на крепость, чем на обычный артиллерийский дот. Кроме установленных там двух шестидюймовых орудий, по периметру были оборудованы четыре стальные башенки с крупнокалиберными пулемётами. С артиллерий-

ским залом они были связаны подземными ходами. Сам дот был трёхуровневый, на нижнем был склад боеприпасов, выше – спальные помещения и штаб укрепрайона.

Допрос остальных финнов ничего нового не дал, просто уточнил уже полученные данные. Все знали примерно одно и то же. Пароль на проход через укрепрайон никто из них не знал.

Я хотел пленных оставить в этой теплушке до того момента, пока мы не разберёмся с засадой у дороги. Хотя они и были для нас большой обузой, уничтожить их рука не поднималась, не хотелось вешать на себя лишние трупы, пускай даже наших врагов. К тому же я пообещал, что если финны всё расскажут, то отсидят в лагере для военнопленных всю войну, а потом их распустят по домам. Но, на всякий случай, я решил задокументировать информацию об укрепрайоне. Вдруг что-нибудь случится, и они не попадут на допрос к нашему командованию. Первоначально я думал оставить чухонцев безо всякой охраны, просто покрепче связать и закрыть в теплушке, но после полученных сведений решил всё-таки оставить одного красноармейца для их охраны.

Количество солдат и качество вооружений противника меня, конечно, озадачило. Я почему-то думал, что засада была гораздо малочисленной, а тут – практически целая рота, да к тому же специально отобранных, хорошо подготовленных бойцов. Но делать было нечего, дорогу нужно было срочно деблокировать. Там, в нескольких километрах, гибла наша 44-я дивизия. Я понимал, что у нашего батальона нет никаких шансов прямой атакой сбить этот заслон. Да что там, у батальона – половина полка ляжет перед этой рощей. А если для пробития коридора ждать подхода танков и тяжёлой артиллерии, то финны точно уничтожат сорок четвёртую, так же, как до этого весьма сильно потрепали 163-ю дивизию.

Шанс ликвидировать или, по крайней мере, сильно ослабить противника был только у моего взвода. Мы могли скрытно ударить по этим скандинавам с тыла. Первоначально тактику ведения атаки пыталась навязать мне память деда. По-видимому, в училище и на протяжении дальнейшей службы в него вбили только один метод действия – наступление цепью, с криками ура и дальнейшим переходом в штыковую атаку. Я же, основываясь на опыте наших преподавателей в эскадроне, считал, что этот метод в данных условиях неприемлем. Это было сродни самоубийству, пытаться линейно атаковать превосходящие нас силы. Только внезапными точечными ударами можно было уничтожить огневую мощь противника и внести разлад в его боевые порядки. И, как следствие, панику и желание спастись у этих шведских добровольцев.

Отослав Асаенова за красноармейцами, я, в первую очередь, привязал пленных к лавочке. Теперь они уже точно не смогли бы освободить друг друга. Затем взял один из трофейных автоматов, внимательно изучил его и произвёл ознакомительную разборку и сборку этого оружия. Автомат марки «Суоми» был практически копией нашего ППД. А уж ППД я знал очень хорошо, да и стрелял из него тоже неплохо. Когда я только взял «Суоми» в руки, то подумал, – вот же наглые финны, взяли и передрали нашу модель автомата. Но память моего деда тут же встрепенулась и выдала мне историю создания автомата ППД. Оказывается, в 1933 году финский офицер Вилко Пентикяйнен передал Советскому Союзу чертежи автомата «Суоми». А в 1934 году была выпущена первая партия ППД 34. Получается, что это мы позаимствовали у финнов идею такого автомата.

В нашем эскадроне треть бойцов была вооружена именно автоматами ППД, так похожими на финские «Суоми». Для себя я однозначно решил, что трофейный автомат я обязательно возьму себе. Тем более, предстоял ближний бой, и, прежде всего, нужна была скорострельность. Второй экземпляр я хотел предложить Шерхану. Патронов и запасных дисков к автоматам у финнов было достаточно.

Потом вышел на улицу и стал размышлять, каким образом нам разгромить противника. Ничего лучшего не придумал, как разбиться на тройки и ими внезапно атаковать огневые

точки противника. После ликвидации пулемётов и миномётной батареи заняться в первую очередь уничтожением снайперов, ну, естественно, и тех, кто будет попадаться на пути к их гнёздам. На позиции противотанковых орудий я решил пока не отвлекаться. Они всё равно ничего не смогут сделать против пехотной цепи. Я не сомневался, что командир нашего батальона капитан Сипович немедленно, после того как услышит стрельбу в тылу у финнов, поднимет красноармейцев в атаку. Ведь он прекрасно знает, что мой взвод заходит противнику в тыл.

Наконец показалась цепочка лыжников моего взвода. Впереди ехал Наиль – он указывал дорогу. Моё внимание привлёк один из красноармейцев, сидевший на лыжах, как в санях. Его буксировали два других бойца.

Когда красноармейцы выстроились напротив меня, я, подозвав комота-1 Курочкина, спросил:

– Вы что так долго собирались? Я Асаенова отправил за вами двадцать пять минут назад, а тут ехать всего-то метров триста.

– Товарищ лейтенант, вы же сами передали с красноармейцем, что будете заняты долго, не менее трёх-четырёх часов. И что можно пока передохнуть и перекусить, противника рядом нет. Вот мы и разожгли костры, погрелись и даже успели перекусить. Когда подъехал Асаенов, мы как раз заканчивали обед. Он не предупредил, что нужно срочно, бросив всё, направляться к вам. Просто сказал, что с финнами полностью разобрались и можно двигаться дальше. Вот мы и потеряли время, пока тушили костры и собирались. К тому же я особо и не суетился, всё-таки четыре часа ещё не прошли.

– Ладно, сержант, а что там случилось с Козловым? Почему он как король сидит, а его тащат другие красноармейцы? Вроде выстрелов в вашей стороне не было, ранить его не могли.

– Да этот раззява, ещё когда мы двигались к снайперской позиции, подвернул ногу. Туда-то он дополз, а сейчас, когда собирались к вам, даже уже и стоять не может. Нога опухла и посинела, Кузя её, конечно, крепко перебинтовал, но из Козлова боец сейчас никакой. Нужно его оставлять здесь.

– Специально он это сделать не мог? – спросил я Курочкина.

– Нет, Козлов – боец справный! Никогда за спины других не прятался. Пострадал за свою болтливость. На ходу что-то базарил и не заметил яму. Так что, просьба – не давайте хода этому недоразумению. Он и так мучается, клянёт себя последними словами.

– Хорошо, сержант! Останется здесь и будет охранять пленных. А чтобы ему служба мёдом не казалась, будет выполнять ещё обязанности кашевара и мясника. Вон, видите, там коза бьётся, рядом с трупом финна?

Курочкин утвердительно мотнул головой.

– Так вот, пошлите кого-нибудь, пусть её сюда приведёт, а уже дальше пускай Козлов занимается этой козой. Но к нашему возвращению чтобы козлятина была на столе.

Мы вместе с сержантом засмеялись, получилось – Козлов занимается козой. После этого я подозвал остальных командиров отделений и объяснил им свой план атаки на засевшего в засаде противника. Потом мы вместе разбили весь взвод на боевые группы и назначили командиров. Я их всех подозвал и поставил каждому его задачу. Всего получилось семь троек и одна четвёрка. Одну тройку возглавил я, в неё вошли Асаенов и Кирюшкин. Мы единственные, кто не имел определённой задачи, так сказать, находились в свободной охоте, и в первую очередь, на снайперов, а также должны были приходить на помощь, если у какой-либо тройки возникнет проблема с выполнением задания. Шесть троек я нацелил на пулемётные гнёзда. Оставшаяся четвёрка, под командованием Рябы, должна была уничтожить миномётную батарею. Каждый командир группы перерисовал схему нахождения своей цели.

Каждая группа должна была, не отвлекаясь на другие объекты, прямым ходом, не снижая скорости, выезжать к своей цели. Там, применяя гранаты и стрелковое оружие, уничтожить противника и их тяжёлое вооружение. Только после этого группа выдвигается к закреплённой за ними позиции вражеского снайпера и уничтожает его.

Если снайпер уже уничтожен моей тройкой, то группа занимается зачисткой от финнов своей территории леса. Группа Рябы, после уничтожения миномётов, должна заняться позициями противотанковых орудий.

Я всех предупредил, что даже если в процессе предстоящего боя кого-нибудь из нас ранят, то другие ни в коем случае не должны отвлекаться от выполнения боевой задачи. Малейшее промедление грозит уничтожением всего нашего взвода. Противник в четыре раза численно превосходит нас. А у нас только один союзник, это быстрота и чёткое выполнение поставленных перед каждым задач.

Время было уже четыре часа дня. Я думал, что как раз, когда мы доберёмся до вражеских позиций, начнёт смеркаться, и в этих сумерках, небольшими группами, мы сможем незаметно просочиться на позиции скандинавов.

В шестнадцать двадцать мы тронулись в путь, до противника было около двух километров. Шёл снег, начиналась небольшая метель.

Глава 5

Первые полтора километра мы двигались одной колонной, впереди ехала наша тройка. Потом приостановились, перестроились и небольшим веером двинулись в сторону врага. Теперь моя тройка ехала в центре этой дуги и немного впереди других боевых групп. Мы являлись основной огневой силой этой операции. Все были вооружены трофейным оружием. Якут – снайперской винтовкой, а мы с Шерханом – автоматами «Суоми». Наиль очень обрадовался этому автомату, тем более когда я сказал ему:

– Шерхан, тут целиться особо не надо – увидел противника, направляй ствол на него и нажимай на курок. Про себя произнеси: две тысячи раз, и отпускай курок, чтобы не сжечь патроны одной очередью.

Времени было в обрез, поэтому всё обучение владению автоматом свелось, кроме этой фразы, к показу – как вставляется магазин, передёргивается затвор и где находится предохранитель. После этого двухминутного инструктажа Наиль заявил:

– А что, штука хорошая, всё лучше, чем моя СВТ. У меня её почему-то постоянно заклинивает, да и вообще, стрелок из меня фиговый. Нашему Якуту я даже в подмётки не гожусь. Он рассказывал, что раньше, когда охотился, за сто метров белке в глаз попадал. Вот это я понимаю, стрелок. Таким и надо ружья выдавать, а стрелков, похожих на меня, нужно вооружать автоматами. Особо метким быть не надо, от пуза, очередью зафигачил, и – вперёд. Враг или убит, или ошалел от роя пуль. К нему подбегаешь, прикладом по кумполу долбанёшь, и всё – путь свободен. А если ещё и гранат полно, тогда вообще лафа – в одном лице ты, как бронепоезд: и пулемет есть, и артиллерия.

Кстати, о гранатах, кроме РГД-33, которые были у каждого красноармейца в количестве двух штук, я в теплушке финнов нашёл целый ящик наступательных гранат. Они были изготовлены по образцу германских гранат 1917 года (длинная ручка, при выдёргивании шнура, внутри зажёгся бикфордов шнур, задержка 5,5 секунды). Всего их, вместе с теми, которые были у пленных, было шестьдесят четыре штуки. Каждая боевая группа получила по восемь гранат. Что касается наших гранат, я прекрасно знал, что РГД-33 красноармейцы недолюбливают. И что практически все, чтобы не таскать лишнюю тяжесть, выбросили оборонительные чехлы, чем очень сильно ослабляли её убойную силу. Но сейчас это было, может быть, и к лучшему, меньшая вероятность попасть под осколок собственной гранаты. А в радиусе трёх метров она точно убьёт или серьёзно ранит противника. Кроме этих гранат, в моих карманах нашлось две Ф-1. Применять их, находясь вне окопа, было, конечно, опасно (разлёт осколков достигал 200 метров), но для себя я решил – если сложится критическая ситуация, буду их тоже использовать.

По разработанному мной плану гранаты должны применяться в первую очередь. Нужно было постараться без выстрелов добраться до огневых точек и забросать их гранатами. После этого можно было применять и стрелковое оружие.

Когда мы проехали небольшой пролесок и уже почти въезжали в рощу, где располагались вражеские войска, из-за дерева показалась фигура в белом маскхалате с автоматом на груди. Я, в принципе, предполагал, что у этого заслона имеется и ближнее охранение. Не мог опытный командир полагаться только на финскую спецгруппу. Поэтому не растерялся, поднял руку и помахал этому человеку. Тот на ломаном финском крикнул:

– Кто такие? Щюцкоровцев нам не нужно!

Я тоже не на очень хорошем финском ответил:

– Никаких щюцкоровцев, тут все профессионалы.

Потом перейдя уже на немецкий, а я знал, что в скандинавском корпусе служит немало немцев, да и шведы должны были понимать этот язык, продолжил:

– Я лейтенант Крюгер. По приказу генерала Линдера мой взвод направлен на усиление группы капитана Андерсена. Где я могу найти капитана?

Человек, обернувшись, что-то крикнул по-шведски в глубину леса. Дождавшись ответа, повернулся ко мне и на ломаном немецком произнёс:

– Штаб прямо через четырёста метров, там, где стоит обоз. Капитан сейчас там. Но поспешите, он скоро опять отправится проверять позиции.

Я поднял руку и махнул ей, давая команду другим боевым группам начинать движение. А сам поинтересовался у этого часового:

– Как там себя ведут русские? Что-то у вас тут тихо? Какого чёрта, нам не дали нормально пообедать? Полковник лично прибыл в наше расположение, чтобы поторопить с выходом.

Часовой, путая и ужасно коверкая немецкие слова, ответил:

– Иваны часа два назад попытались сунуться, но мы их отогнали. Теперь, наверное, сидят, зализывают раны и ждут подкреплений. Без танков они нас отсюда не сдвинут. А когда танки завтра подойдут, то русские очень удивятся, больно получив по носу. Ведь, как сказал капитан, ночью должен подойти противотанковый дивизион. И кроме вас, должны начать прибывать финские егеря.

Решив, наверное, сделать реверанс в сторону Германии, он продолжил:

– Но, как всегда, самыми дисциплинированными и быстрыми на подъём оказалась часть под командованием немца. Респект вам, герр лейтенант.

Я полупоклоном выразил ему благодарность, махнул рукой и покатил по направлению к их штабу. Теперь моя тройка оказалась самой последней в наших порядках. Отъехав метров двадцать, я притормозил, подозвал Якута и полусшёпотом ему приказал:

– Ты остаёшься здесь. Подкрадёшься к этому посту и, как только услышишь звуки боя, отстреливаешь этих раззяв. Потом, в одиночку начинаешь работать по снайперам – примерную схему их расположения ты знаешь.

Кирюшкин не задал ни одного вопроса, молча кивнул головой и направился в сторону от хорошо накатанной лыжни, по которой мы ехали. А мы с Наилем, убыстряя ход, показали дальше. Нужно было успеть до начала стрельбы добраться до штаба. Где он находится, впрочем, как и про пост на окраине этой рощи, никто из допрошенных пленных не сообщил. Всё-таки опыта и профессионализма у меня явно не хватало. Не догадался даже задать такой элементарный вопрос – где находится штаб? Дурак, про свободную охоту придётся забыть. А я-то думал нашим автоматическим оружием внести большую панику в ряды противника, в идеале хотел, чтобы они начали стрелять друг по другу. Но теперь буквально на ходу моей группе придётся менять тактику. Остальным группам задание изменять было уже поздно, поэтому штабом нужно заниматься нам с Шерханом.

Чтобы обеспечить одновременное и неожиданное нападение на противника всеми группами, я ещё во время проведения инструктажа поручил всем командирам проявить выдержку и начинать активные действия только через пятнадцать минут после въезда в рощу. Расстояние, которое должны были проехать боевые группы, было разным. Я взял за основу время, которое нужно было потратить, чтобы добраться до самой дальней пулемётной точки. При этом не просто добраться, а на последнем этапе ещё и незаметно подкрасться к своей цели. Группы, которые окажутся там раньше, должны будут замаскироваться на расстоянии броска гранаты и ждать первых взрывов. Если по истечении пятнадцати минут никаких звуков боя не услышат, то ждать ещё пять минут и начинать забрасывать противника гранатами.

Местонахождение штаба я почувствовал, ещё не видя никаких значимых признаков. Запахло конским навозом. Только потом, в небольшой ложбинке, показались стоящие в ряд четыре теплушки. Невдалеке находились лошади, привязанные к длинной перекладине, при-

битой между двух деревьев. Когда до теплушек оставалось метров двадцать, я посмотрел на часы. После въезда всех групп в эту рощу прошло десять минут, везде было тихо – значит, всё идёт по плану. У нас с Шерханом оставалось ещё пять минут, чтобы подготовить наш налёт.

Я остановился, повернулся к Наилу и полушёпотом начал давать указания:

– Шерхан, ты берёшь на себя две ближние будки. Действуем одновременно, когда я начну кидать в окно одной из своих теплушек гранаты, ты тоже забрасывай в свою две штуки, одну за другой. Потом, не дожидаясь взрывов, отбегай в сторону, чтобы было удобно стрелять в другую будку. Когда отбежишь, то отстреливай по теплушке целиком весь диск. Она такая же, как и захваченная нами у финнов, а значит, пули будут пробивать её насквозь. Старайся стрелять, чтобы зацепить все углы помещения на уровне метра от снега. Отстреляв магазин, заменяешь диск и, держа в прицеле двери, подъезжаешь и кидаешь в окно этой будки гранату. Только после взрыва проверяешь обе теплушки на наличие выживших. Если они есть, делаешь контрольный выстрел им в голову и ждёшь моих дальнейших приказаний. Да, и не обращай внимания на того вон шведа, который возится у полевой кухни – у него даже оружия с собой нет. И вообще, он будет моей заботой. Всё понял?

Наиль утвердительно мотнул головой. Времени было в обрез, я повернулся и покатил к двум дальним теплушкам.

Подъехав к одной из них со стороны окна, я остановился. Мне что-то, на шведском, крикнул кашевар. Я махнул ему рукой, потом посмотрел на часы. Дождавшись, когда стрелка подошла к намеченному времени, достал финскую гранату, дёрнул за шнурок и забросил её, разбивая стёкла, в окно, следом закинул вторую гранату. Отъехал немного в сторону, чтобы было удобно стрелять, снял автомат, дождался взрыва гранаты и веером начал стрелять по другой теплушке. В это время уже вся роща сотрясалась от грохота взрывов. Отстреляв весь магазин, я заменил диск и только тогда посмотрел в сторону кашевара. Он как стоял, так и продолжал стоять, только рот у него был широко открыт от изумления. От этого шока я освободил его, короткой очередью попав ему в голову.

После этого подъехал к окну обстрелянной мной теплушки и кинул туда одну гранату. Отъехав в сторону, дождался взрыва и только потом решил проверить, а был ли кто-нибудь в этих будках. Краем взгляда я всё время посматривал за Шерханом. Он выполнял всё точно по моим инструкциям и сейчас тоже собирался проверить наличие людей в теплушках. На всякий случай я крикнул, чтобы он подождал меня – проверять помещения будем вместе. И мы начали зачистку этих теплушек. Наиль распахивал двери, а я стрелял по лежащим там телам. Кто-то от попадания в них пуль дёргался, значит, взрывами гранат и нашими предыдущими выстрелами убило ещё не всех. Первоначальное моё беспокойство, что будки могут стоять пустые и что мы зря потратили столько гранат, быстро развеялось. В каждой теплушке, включая штабную, находилось не меньше восьми человек. По-видимому, в штабной теплушке происходило какое-то совещание, а в других бойцы просто обогревались. Вышло, что мы вдвоём с Шерханом уничтожили чуть ли не половину противостоящей нам роты.

Тем временем массовые взрывы гранат прекратились, и сейчас шла интенсивная стрельба. При этом выделялась одна точка, где должна была действовать вторая штурмовая группа. Там изредка стреляла винтовка, звуки выстрелов которой забивали очереди не менее чем трёх автоматов.

Кивнув Асаену, я, внимательно контролируя окружающее пространство, медленно покатил в ту сторону. По пути мне пришлось выпустить несколько очередей по двум силуэтам в маскхалатах. Они были вооружены автоматами, и я подумал, что это наверняка противник. Первыми шведы стрелять не стали, хотя увидели нас раньше, наверное, приняли нас за своих. Ведь одеты все были в белые балахоны и у нас тоже были автоматы.

Когда мы добрались до места перестрелки, я сразу понял – свою задачу вторая тройка не выполнила. «Максим» не был уничтожен, и сейчас в окопе этой пулемётной точки находился противник. Сколько их там сидит, понять было невозможно. Когда мы попытались с Шерханом подобраться поближе, по нам открыли огонь из двух автоматов. Ещё два вели огонь в сторону поваленного дерева, где засел кто-то из наших красноармейцев. Два других лежали неподвижно метрах в двадцати от окопа. Наш боец в этой ситуации ничего сделать не мог, для броска гранатой было слишком далеко. Он и так делал максимум, что было возможно – не давал возможности противнику выбраться из этой ловушки.

Крикнув Шерхану, чтобы прикрывал огнём, я окончательно сбросил лыжи и, буквально ввинчиваясь в снег, ужом пополз к окопу. Но двигался я не напрямую, а дугой. Добравшись до перекосившегося дерева, метрах в двадцати от цели, под его защитой, привстал на колени и, одну за другой, закинул в шведский окоп обе своих «эфки» (гранаты Ф-1). Дождавшись взрывов, подпрыгивая, чтобы не увязнуть в снегу, бросился к окопу и, наверное, под воздействием адреналина, выпустил в лежащие пять тел все патроны из своего автомата. Потом спрыгнул в окоп и уже там вставил в автомат новый диск.

К этому времени стрельба практически прекратилась, только в районе расположения противотанковых орудий изредка раздавались выстрелы из винтовок. Вскоре в окоп спрыгнули Шерхан и красноармеец Морозов. Чтобы было не так тесно, мы вместе вытолкали трупы из окопа. Я проверил пулемёт и только после этого начал расспрашивать о действиях тройки Морозова.

Оказалось, они делали всё правильно, незаметно добрались до пулемётной позиции. Там Симонов (командир тройки) и Изюмов, оставив Морозова прикрывать свой манёвр, подползли на бросок гранаты к окопу. Как только раздалась первые взрывы, ребята бросили свои гранаты. К сожалению, у РГД случилась осечка, и она не взорвалась. Вторая граната, финского производства – имела очень большую задержку, а в окопе оказался опытный боец, он не растерялся и успел до взрыва выкинуть её обратно. Осколки разорвавшейся гранаты попали в Симонова и Изюмова, а потом ребят буквально изрешетили из автоматов.

Только Морозов закончил свой рассказ, как со стороны дороги донеслось отдалённое «ура», заглушившее досаду, вызванную гибелью хороших ребят. Я занялся выполнением насущных задач. Во-первых, достал ракетницу и выпустил одну за другой две зелёные ракеты. Именно так я сообщал, что засада обезврежена, что мы контролируем ситуацию и чтобы нас по ошибке не приняли за врагов.

Именно такие слова я поручил передать командиру батальона, когда отсылал Перминова с докладом в штаб. Во-вторых, я вытащил затвор из пулемёта и положил его в карман. Потом приказал красноармейцам выбираться из окопа и двигаться за мной. Бой ещё не закончился, нужно было проверить, все ли «кукушки» обезврежены. Для наступающих цепей они теперь представляли наибольшую опасность.

По пути мне пришлось ещё раз воспользоваться автоматом. Когда мы были недалеко от следующей пулемётной позиции, из-за дерева вдруг выскочил человек в маскхалате и с автоматом в руках. Увидев катящегося позади всех Морозова с винтовкой, он попытался скрыться обратно за дерево, но напоролся на мою очередь. Перед пулемётной позицией я громко матюкнулся, чтобы нас не приняли за врагов. Оттуда тоже слышались крепкие выражения, и нам махнули рукой, после чего мы смело подошли к окопу. Этот своеобразный пароль предложил Ряба, чтобы хоть как-то различать своих от чужих. По внешнему виду определить было невозможно – маскхалаты были одинаково белые. Оставалась только разница в вооружении, ну и этот пароль.

Около пулемёта находился только один красноармеец. Он доложил, что другие из его тройки направились ликвидировать снайперское гнездо. Эта вылазка прошла успешно – недавно из леса выглянул сержант Кузнецов и крикнул, что они двигают к следующей цели.

Выслушав доклад, я похвалил красноармейца за то, что их тройка отлично выполнила операцию. Приказал и дальше находиться здесь, при этом контролировать прилегающую местность и ожидать подхода основных сил батальона. После этого мы поехали дальше вдоль кромки лесного массива. Я всё-таки хотел проверить, ликвидированы ли все остальные узлы обороны и гнёзда «кукушек».

Мы только успели добраться до следующей пулемётной точки, когда показались красноармейцы нашего батальона, даже больше того, нашей роты. В окопах возле обезвреженного пулемёта находилось трое моих ребят, это был полный состав четвёртой тройки. При приближении наших я вместе со своим сопровождением на всякий случай снял лыжи и спрыгнул в траншею, где мы, уже вшестером, и дожидались появления красноармейцев.

Когда мы увидели хорошо знакомые лица своих однополчан, радости тех и других не было предела. Повсюду раздавались громкие возгласы, смешки и звуки дружеских хлопков по плечам. Я тоже обнялся с комвзвода-2 Серёгой Климовым. После первых минут радости увидеть в живых своих друзей наступило время плохих новостей.

Сергей рассказывал:

– При первой атаке на эту рощу погиб наш командир роты Потапыч – попал под пулю «кукушки». Тяжело ранен комвзвода-три Колька Степенко, тоже постарался снайпер. Всего потери в роте убитыми и тяжелоранеными составили восемнадцать человек. И так пострадала не только наша рота, убит командир третьей роты и два его взводных, безвозвратные потери там были в два раза больше, чем у нас. И всё бы ничего, если бы от той атаки был хоть какой-нибудь эффект. А так, получается, вылезли, как мишени для тренировки чухонских снайперов, и заползли обратно.

Сергей приостановился, зло сплюнул и продолжил:

– А я же сам перед этим слышал, о чём говорили капитан Сипович с начштаба Пителиным. Они говорили о тебе и решили ждать, когда ты подашь зелёные ракеты. Верили, что ты доберёшься с тыла до этой рощи и здорово проредишь чухонцев. Сразу же было ясно, что без удара в тыл эту занозу с малой кровью не выдернешь. Но тут прибыл комиссар дивизии Коган, узнал, что погиб Каневский, разорался на всех и вынудил срочно начинать атаку. Хорошо, что Сипович выставил только две роты, хоть потеряли народу поменьше. Я, конечно, понимаю – войны без жертв не бывает, но этот Коган просто мясник какой-то. На первой атаке он не успокоился, без артиллерии, без танковой поддержки приказал готовить новую атаку, но уже всем батальоном. Запланировали начинать ровно в восемнадцать часов, сразу, как только начнёт темнеть. Мы уже находились на позициях, но тут, слава богу, ты засуетился. Как только началась в расположении финнов стрельба, Сипович сразу же приказал начинать атаку. Хотя на этот момент на передовой была ещё только наша рота.

Я в ответ немного посокрушался по поводу гибели ротного и Кольки, матюкнулся на дивизионное начальство, но потом шкурный интерес пересилил всё это негодование, и я спросил:

– Серёг, а кто теперь ротный?

Он посмотрел на меня, усмехнулся и ответил:

– Сейчас роту вёл я, а вообще-то, командиром роты, наверное, назначат тебя. Во-первых, ты комвзвода-один, а во-вторых, это я говорю по секрету – тебе уже присвоено очередное звание – старлей. Это я сегодня подслушал, когда Сипович с начштабом о тебе говорили. Приказ ещё вчера поступил, они хотели тебе сегодня вечером об этом сообщить. Когда были у нас на позиции, с Потапычем ещё советовались. Говорили, что держать теперь тебя на взводе слишком жирно. Сипович собирался переводить тебя командиром второй роты, а Тарасова брать себе в заместители. Теперь, после гибели Потапыча, он роту, конечно, оголять не будет, а я в его глазах ещё не опытный, только полгода как из училища. Это ты у нас – ветеран, третий год Ванькой-взводным трубишь.

Сергей ненадолго замолчал, а потом как-то грустно и обреченно произнёс:

– Эх, судьба-индейка, у Потапыча трое пацанят растёт, кто теперь кормить-то их будет? Пенсия копейная, живут все в одной комнате, в коммуналке. Командир роты, блин! Из-за того, что каким-то гадам нужно подрасти по карьерной лестнице, тут такие мужики гибнут. Считай, за десять минут в двух ротах половину командиров перебили. У-у, проклятые «кукушки»! Ненавижу! Если поймаю кого, сам лично кишки из него выпущу!

Наш разговор прервала вдруг начавшаяся перестрелка, в районе расположения одного из противотанковых орудий. Мы с Сергеем немедленно бросились в ту сторону. Когда добрались до места стрельбы, там уже всё закончилось. Оказывается, к орудью вышел какой-то недобитый швед и на окрик Рябы открыл массированный огонь из автомата. Ранил двух пленных, но, в конце концов, получил пулю в лоб от оказавшегося почему-то неподалёку Якута.

Кстати, четвёрка сержанта Курочкина (Рябы) успешно ликвидировала миномётную батарею – уничтожила всех присутствующих там шведов. Потом ребята, действуя точно по плану, добрались до противотанковых орудий и, разделившись по двое, атаковали их расчеты. Шведы были в полной прострации и, после взрывов гранат, не оказывая сопротивления, сдались в плен. Всего вместе с ранеными их было семь человек, остальных убило взрывами гранат.

Якут, после получения моего приказа, зашёл в тыл остановившему нас секрету. Дождался первых взрывов и в два выстрела уничтожил этих бойцов. Всего на этом посту было двое шведов. Потом он, дисциплинированно и методично, начал отстреливать снайперов. Двигался вдоль кромки леса и как только замечал прибитые к стволам деревянные перекладыны, останавливался, отыскивал среди веток снайперскую позицию и уничтожал «кукушку». Таким образом, он и добрался до артиллерийских позиций. По пути им было ликвидировано четыре снайпера. Другие наши боевые группы уничтожили трёх «кукушек». Об этом мне сообщил тоже Кирюшкин, который лично натёкался на уже разгромленные снайперские позиции. И около одной из них встретил сержанта Кузнецова (Кузю), они с красноармейцем Пузановым (Пузо) пытались снять повисшего на ветке мёртвого снайпера. У него на руке висела снайперская винтовка, а на шее бинокль.

Пока мы с Сергеем осматривали позиции противотанковых орудий (это были буксируемые, зенитные автоматические 40 мм пушки «Бофорс» (производства Швеции, подача боеприпасов из обойм ёмкостью в 5 выстрелов, часто применялись финнами как противотанковые орудия). Прибыла ещё одна рота, вместе с ней подъехал на санитарных санях и начальник штаба батальона – капитан Пителин (все в батальоне его называли Михалыч). Я тут же подошёл к нему, вытянувшись по стойке смирно – доложил об итогах нашего рейда. Он всё это выслушал, похлопал меня по плечу и сказал:

– Молодец, Черкасов, настоящий казак! Я в тебе и не сомневался, вот только комиссара дивизии не смог убедить. Ну ладно, пусть ему его партийная совесть будет судьёй. Нас, старых военспецов, эти комиссары совсем слушать перестали. Считают, что если они выучили цитаты Ленина и Сталина, то больше им знать ничего не надо. А меня, беспартийного, вообще ни в грош не ставят.

Капитан на секунду о чём-то задумался, глянул на меня уставшими, покрасневшими глазами и продолжил:

– Хочу тебя поздравить, Юра, ты теперь у нас старший лейтенант. Приказ пришёл ещё вчера. Утром я не стал тебе сообщать, боялся, что ты, на радостях, каких-нибудь глупостей наделаешь. Всё-таки молодой ещё, кровь в голову ударит – лихачить начнёшь. Тебе Климов рассказал уже о гибели Потапыча? Так что, старший лейтенант Черкасов, принимай командование первой ротой. Правда, народу в ней осталось только на два полных взвода и, кроме

тебя, ещё только один офицер. Поэтому думай, кого назначишь взводными, время тебе – до утра. К десяти часам нужно уже подготовить приказы.

– А что тут думать, – заявил я, – вон, старший сержант Курочкин уже готовый командир взвода, да и сержант Кузнецов годится.

Михалыч открыл планшет и записал названные мной фамилии. Потом повесил сумку обратно на плечо, задумчиво оглядел захваченные оружейные позиции и, уже официальным тоном, сказал:

– Черкасов, сейчас собираешь людей, строишь их, и я перед строем зачитаю приказ о назначении тебя командиром роты. Названных тобой товарищей тоже представлю, приказ об их назначении будет часа через три. Окончательным прочёсыванием этой рощи займётся рота, с которой я прибыл. Своих орлов ты можешь после построения распустить отдыхать, а сам вместе со мной поедешь в штаб батальона. Там собралась куча начальства, доложишь о результатах запланированного капитаном Сиповичем рейда. Ты всё понял, лейтенант?

Я опять вытянулся и ответил:

– Так точно, товарищ капитан!

Конечно, мне всё было понятно – начальство хотело приписать себе заслугу в организации этого обходного манёвра. Меня, в принципе, это тоже устраивало. Во-первых, я боялся, что выплывет вдруг информация о знании мной финского языка. Немецкий ладно, его я учил в военном училище. А откуда же взялось знание финского?.. А тут никто не будет допытываться, и так всё ясно – лейтенант просто выполнял приказы. Кому будет интересно рыться в особенностях личности какого-то Ваньки-взводного. Во-вторых, по большому счёту мне было наплевать на славу и карьеру, а тем более на вопросы идеологии. Я всё ещё мучительно размышлял – зачем же нужно было Всевышнему перемещать меня в тело моего деда. И какая у меня миссия, что я должен сделать, чтобы выполнить волю Создателя? В голову, к сожалению, ничего путного не приходило.

Михалыч между тем улыбнулся, опять хлопнул меня по плечу и пошутил:

– Молодец! Верной дорогой идёте, товарищ! Так, глядишь, скоро и до генерала дослужишься.

Потом, уже более серьёзным тоном, продолжил:

– Хороший ты парень, Юра! Надёжный. Вот бы ещё тебе таким же неуязвимым стать или хотя бы невозмутимым и спокойным. Ты давай, перед тем как пойдём в штаб, приведи себя в порядок и вставь в петлицы дополнительные кубики. Когда будешь отдавать рапорт, не забудь представиться командиром первой роты. Незачем чужим знать, что в тыл к финнам выдвинулся только один взвод. Начальство там будет прибывать, ещё ждём заместителя командующего седьмой армии комкора Клопова. Не знаю даже, как все поместятся в наших двух вагончиках. Ладно, Черкасов, поговорили и хватит. Давай команду, я пока тут трофейные пушки посмотрю.

Я козырнул капитану и подошёл к своим ребятам. Оставив одного Якута охранять пленных, остальных разослал собирать красноармейцев нашей роты. Построение назначил недалеко от артиллерийских позиций. Весь процесс сбора роты затянулся на полчаса, в основном из-за красноармейцев, прибывших с Климовым. Они сильно увлеклись прочёсыванием лесного массива, даже удалились на несколько сотен метров от рощи, где располагались вражеские укрепления. Мой бывший взвод собрался раньше. И только тогда я получил полную информацию о ходе всего боя, наших потерях и количестве захваченных пленных.

Всего в моём взводе погибло три человека, о двух я уже знал, а третий погиб, напорвшись на автоматную очередь. Это было уже после того, как шестая тройка уничтожила пулемётное гнездо и направилась зачищать от противника выделенный ей сектор. Раненых было семь человек, из них двое тяжело. Пленных всего было двенадцать человек, но это вместе с захваченными нами финнами на позициях противотанковых орудий.

Когда все три взвода собрались, лейтенант Климов построил красноармейцев. Перед строем вышел капитан Пителин, сначала он объявил благодарность всем за проведённую операцию, потом зачитал приказ о моём назначении командиром роты и о назначении взводными Курочкина и Кузнецова. Затем вышел я, командовал вольно и объявил, что можно разжигать костры, чтобы обогреться, и что уже прибыла полевая кухня. Действительно, пока все красноармейцы собирались, подъехала ротная кухня и пара санитарных саней с нашим батальонным фельдшером.

Перед тем как направиться в штаб, я поручил Рябе собрать трофейные автоматы и снайперские винтовки, а также другие ценные вещи (бинокли, сигареты и прочее). Кроме этого, направить несколько красноармейцев к Козлову – нужно, кроме конвоирования пленных, привезти в расположение роты теплушку и пулемёт. После этих распоряжений я встал на лыжи и, резво махая лыжными палками, бросился догонять капитана Пителина. Он, с трудом разместившись на санитарных санях, уже направлялся в сторону штаба.

Глава 6

Штаб нашего батальона в настоящее время располагался в двух небольших вагончиках. Это были установленные на полозья домики с плоской крышей, можно сказать, дилижансы. Длина их была метра четыре, ширина два, вперёд их тащила упряжка из четырёх лошадей. Таких санных дилижансов у нас в батальоне было пять штук. В остальных трёх располагался медпункт, там держали раненых и обмороженных, перед тем как отправить дальше в тыл. А также они являлись обогревательными пунктами. Очень часто мы оказывались в таком положении, что отогреться, кроме как в этих помещениях, было негде. В них были установлены небольшие печки-буржуйки. Во многих частях не было даже таких теплушек. Поэтому и было так много обмороженных, да и просто замёрзших насмерть красноармейцев. У нас за всё время этой зимней войны насмерть никто не замёрз. Всё-таки Сипович был хорошим командиром батальона, всегда заботился о солдатах. Хотя, конечно, стремление к почёту и показуха были ему не чужды.

К штабу мы с капитаном Пителиным добрались практически одновременно. Он ждал меня у одного из вагончиков не больше минуты. Подтолкнув меня к двери, сказал:

– Давай, Черкасов, заходи, начальство всё там, докладываешь, как договорились. Я не буду заходить – народу там, не повернёшься. Пойду лучше, делом займусь. Приказа на прорыв к 44-й дивизии ещё никто не отменял. Наверное, придётся и ночью повоевать.

Я, сняв лыжи, поправив шинель и шапку, вошёл в тёплое помещение. Маскхалат и автомат были мной оставлены в распоряжении роты.

В небольшом помещении находилось семь человек. Из них я знал только троих, это, конечно, капитана Сиповича, а также командира и комиссара нашего полка. Остальные четверо тоже, наверное, были большие шишки, от количества шпал в их петлицах у меня даже зарябило в глазах. А если сказать точнее, я растерялся. Стоял по стойке смирно и гадал, кому отдавать рапорт? Если Сиповичу, как непосредственному командиру, то у него из всех присутствующих самое маленькое звание. Потом всё-таки решил отрапортовать, ни к кому не обращаясь. Взглядам, уткнувшись в пол, начал бубнить свой рапорт под смехи присутствующих. Я чувствовал, что уши мои и щеки просто горят.

На смехи командиров я совершенно не обижался. В их репликах чувствовалась какая-то отеческая доброта. Внутренне я понимал, что люди искренне хотят мне помочь прийти в себя, и нет тут никакой подковырки. Наверное, чтобы я как-то адаптировался, Сипович начал задавать мне вопросы о наших трофеях. Я механически отвечал. Когда начал рассказывать о захваченных противотанковых орудиях, в дверь кто-то вошёл. Смехи и разговоры среди присутствующих мгновенно прекратились. Я обернулся и чуть не упал.

В дверях стоял, абсолютная копия своего портрета, генерал Клопов.

Это им у нас матери пугали своих детей. Это его больше всего ненавидели настоящие русские патриоты. Это он открыл дорогу немцам на Ленинград и, после этого предательства, основал РОА (Русскую Освободительную Армию). Именно эта армия, состоящая из предателей нации, занималась пособничеством в деле уничтожения фашистами русских и других народов бывшего Советского государства. Его громадные портреты висели во всех отделениях РОА, да и на площадях нашего уездного города.

Тут на меня накатило что-то совершенно невероятное. Такой злобы, такой ненависти я, пожалуй, еще никогда доселе не испытывал. В голове гремело: «Убей его, убей, убей!!»

Я буквально задыхался от этих мыслей, – рвануться вперед! Уничтожить, в месиво кровавое превратить! Но тело отказывалось мне повиноваться. Я неподвижно и нелепо стоял перед ним, выпучив глаза, сжав кулаки, яростные мысли стремительно сменяли одна другую. И вот я уже, подобно обезумевшему от злобы животному, готов был броситься на нена-

вистного этого недочеловека, как вдруг меня осенило: «Вот для чего Всевышний вселил тебя в тело деда! Вот твоя миссия».

Когда я его увидел, то не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, я просто превратился в статую лейтенанта Черкасова. Хотя в голове билась мысль. Но дальше пульсации этой мысли дело не шло, руки отказывались мне повиноваться. Я неподвижно стоял и хлопал глазами. Про комкора Клопова (что соответствовало званию генерал-полковника) я, конечно, знал. Знал, что он является членом Военного совета и первым заместителем командующего нашей армии. Но почему-то эта фамилия не ассоциировалась у меня с тем Клоповым, с тем предателем.

Между тем резво подскочивший с лавки Сипович что-то докладывал этой мрази. Весь смысл произносимых слов пролетал мимо меня. Я чуть не пошатнулся, когда этот ублюдок похлопал меня по плечу. Потом мой мозг всё же стал воспринимать его речь:

– Да слышал я, капитан, уже всё это, твой начштаба всё подробно доложил. Давай отпуская старшего лейтенанта, пусть идёт немного отдохнёт. Вашему батальону предстоит бессонная ночь. Нужно срочно выходить на соединение с 44-й дивизией. А тут, я вижу, твой герой больше боится начальства, чем противника. Видишь, аж онемел от присутствия высоких чинов. Хотя, как докладывал начштаба, он лично уничтожил штаб противника. Да, богата русская земля настоящими героями. Ты, капитан, не мелочись, представляя этого парня к награде.

Потом, обращаясь уже к нашему командиру полка, добавил:

– Да, и ты, Иван Палыч, напиши представление старшему лейтенанту на внеочередное звание. После того, как деблокируем 44-ю дивизию, я всё это подпишу. Думаю, такому орлу под силу и батальон в атаку вести.

Он опять хлопнул меня по плечу, потом нарочито добреньким голосом произнёс:

– Ну иди, лейтенант, иди.

И подтолкнул к выходу. Я совершенно механически вышел на воздух, где минут пять стоял, прислонившись к стенке вагончика, пока снова не обрёл себя. Потом, очухавшись, решил подкараулить Клопова, когда он будет выходить из штаба и всё-таки разрядить в него свой наган. Отойдя за угол, приготовился ждать столько, сколько потребуется. Часовой, с удивлением на меня поглядывающий, для порядку походил невдалеке, чтобы я заметил его службу, но потом всё-таки отошёл в сторону.

Я простоял неподвижно минут пятнадцать и уже порядком замёрз, когда дверь вагончика отворилась, и на улицу вышли два человека. Но, к сожалению, Клопова среди них не было. Это вышли покурить и побеседовать полковой и дивизионный комиссары (соответственно по званиям – старший батальонный комиссар и полковой комиссар).

Они встали недалеко от двери, совсем близко от меня. Я стоял, вжавшись в стенку за углом – буквально в полутора метрах от них. Комиссары продолжали разговор, начатый ещё в помещении. И первоначально разговор этот касался непосредственно меня. Говорил в основном комиссар дивизии:

– Ну, как думаешь, стоящий кадр этот лейтенант? Мне он понравился – тупой, преданный убийца. Сипович рассказал, что этот парень сегодня лично уничтожил не меньше тридцати финнов. Да и Каневский в своих донесениях характеризовал его как легко управляемого, недалёкого служаку, преданного нашему делу. Не зря он дал ему рекомендацию в партию. А что скромный парень и теряется при виде начальства, это даже хорошо. Значит, если дадим ему дорогу, не начнёт сразу всю власть грести под себя, а будет чтить политическое руководство. Сейчас, Моня, нужно активизировать работу по подбору новых кадров. Потери среди командиров очень велики и, что ещё более печально, погибло много политработников. Вон, даже у тебя в хозяйстве – старший политрук, а погиб так глупо. Какого чёрта он вылез под пулю снайпера? Что, вокруг бойцов мало, что ли? Вот я кого хотел ставить на

твое место, а тебя выдвигать на дивизию. Недавно созванивался с Мехлисом, он собирается меня забирать к себе – в Главное военно-политическое управление РККА.

При этих словах тут же последовала просьба старшего батальонного комиссара:

– Семён Давидович, вы бы напомнили Льву Захаровичу обо мне. Он в Одессе, в десятом году, принимал меня в нашу рабочую сионистскую партию «Поалей Цион».

– Да не волнуйся ты, Моня, товарищ Мехлис по мнит обо всех своих соратниках. Думаешь, почему никого из нас не коснулась лапа Ежова и Берии? То-то! Ты пока давай гони полк вперёд, нужно любой ценой деблокировать 44-ю дивизию, а то и мы можем попасть под этот каток. Уже сейчас начинают искать «козла отпущения», поэтому нужно самим возглавить эту зарождающуюся чистку. На всякий случай, подготовь материал на каких-нибудь командиров. Ну вот, например, в этом батальоне начштаба, бывший царский офицер – чем не саботажник нашей победы. Если не удастся вытащить 44-ю дивизию, сразу направляй мне на него материал, а то сам можешь попасть под раздачу. Никакой Лев Захарович не поможет. У него и так имеются кое-какие проблемы со Сталиным. Вроде бы не очень серьёзные, но его всё же собираются убирать с политуправления РККА и переводить в Госконтроль – наркомом. Поэтому явно подставляться он не будет. Ладно, Моня, цэу ты получил, теперь пойдём, нечего тут мёрзнуть.

Комиссары зашли обратно в вагончик, а я стоял, мёрз и размышлял над полученной только что информацией. Во-первых, я сразу поздравил себя с тем, что сумел скрыть то, что действовал безо всяких приказов и, даже более того, многие из них я просто игнорировал. При этом прослыл тупым, исполнительным и ограниченным служакой. Во-вторых, меня очень заинтересовали подковёрные игры этих комиссаров, было поучительно узнать и о начинающейся наверху грызне, с целью свалить всю вину за военные неудачи с больной головы на здоровую.

В целом я не имел никакой злобы на комиссаров, в эскадроне нам часто рассказывали о героической гибели многих из них. Тот же самый Мехлис проявил фантастическую смелость и упорство во время уличных боёв в Москве. Ценой своей жизни он и, сформированный из работников Главного политуправления, коммунистический батальон, дали возможность Сталину и членам ЦК спокойно покинуть столицу и эвакуироваться в Саратов. Ни один человек из этого батальона не выжил – безнадёжно окружённые со всех сторон противником, они подрывали себя гранатами.

Поэтому я решил ничего не предпринимать против этих людей. Чёрт с ними, пускай занимаются этой своей вознёй, может без этого они жить не могут, чтобы не плести всевозможные интриги и не организовывать какие-нибудь козни. И всё это для того, чтобы получить следующее по должности звание, а с ним ещё большую власть над другими людьми. Но самым главным было для меня то, что они всё-таки жертвовали своими жизнями ради нашего общего и самого главного, ради нашей Родины. А вот предпринять действия, порочащие их имя, я мог. Память деда без труда предоставила мне информацию: о Троцкистском и других заговорах. Стоило только написать письмо в другой политический лагерь, например, Берии о существовании группы, объединённой общим сионистским прошлым, во главе с Мехлисом. А там уже в НКВД из них выбьют все нужные сведения для организации нового дела. Гораздо опасней для будущего моей Родины была такая личность, как Клопов. Умный, расчётливый предатель, вот кого нужно было обязательно нейтрализовать, пока этот выродок не нанёс непоправимый вред моему народу.

Я плотней укутался в свою утеплённую овчиной шинель и начал по методу тибетских монахов мысленно разгонять свою кровь, чтобы хоть как-то согреться. Но у меня это получалось плохо, всё-таки в эскадроне я был не лучшим слушателем у нашего сенсея. В голову опять полезли мысли о тёплой одежде, о том, какой же я был дурак, что не надел под шинель тёплую, связанную женой (вернее моей бабушкой) безрукавку из собачьей шерсти. Носки

из такой же шерсти я одел, а вот безрукавку не стал – подумал, что она будет только мешать при движении.

Ещё я подумал, что красноармейцы моей роты одеты гораздо теплей, чем бойцы из других рот и, тем более, других батальонов. А всё это благодаря нашему старшине Тарасу Стативко. Все его звали Бульба, по-моему, этим прозвищем он даже гордился, и уже сам часто путал свою фамилию с этим персонажем. Я лично слышал, как он как-то представился – Тарас Бульба. Этот сорокалетний хохол обладал поистине чудесной способностью доставать всё самое лучшее и новое для своей роты. Любимая его присказка была – там, где прошёл хоть один хохол, двум евреям делать нечего. Неведомо какими путями он выбил для всех красноармейцев нашей роты утеплённое овчиной обмундирование. И это было перед самой отправкой нашей дивизии на Карельский перешеек. Он, зараза, как знал, что здесь будут такие крепкие, сибирские морозы. Может быть, именно благодаря его предприимчивости, у нас в роте и не было ни одного обморожения. Хотя с винтовками он перестарался. В 1939 году как раз началось перевооружение. Армия начала получать новые винтовки СВТ-38, взамен трёхлинейек. И, как водится, первыми в нашем батальоне самозарядки получили мы. Когда прибыли на Карельский перешеек, недели через две только ленивый не ругал Бульбу за эти винтовки. Другие роты были вооружены старыми, добрыми, безотказными трёхлинейками. При этом, как говорится – и горя не знали.

Неожиданно в поле моего зрения возник начштаба Пителин. Он явно кого-то искал, подошёл к часовому, и тот показал в мою сторону. Пришлось оторваться от стены и пойти навстречу товарищу капитану. Когда я вышел из-за вагончика, он всё-таки заметил меня в неровном свете костров и пошел навстречу. На улице было уже довольно темно, луна была закрыта облаками, и что-либо разглядеть, кроме темнеющих на белом фоне деревьев, было проблематично. Ещё на расстоянии метров трёх от меня Пителин прокричал:

– Черкасов, ты что так долго?

Потом, перейдя на обычный тон, заявил:

– Я тебя уже полчаса у себя в вагончике жду. Что, отходил после встречи с начальством? Наверное, так захвалили, что у тебя в голове бриллиантовый дым закружился? Небось, стоял и мечтал, как ты, большой военачальник командуешь вверенными тебе войсками? Эх, лейтенант, если бы все обещания, данные начальством, выполнялись! Я тебе, как более опытный человек, повидавший много старших командиров, могу сказать одно. Верь их обещаниям процентов на пять, и знай, начальство всё быстро забывает. Все звания, почести и другие блага обычно достаются тем прощелыгам, которые вертятся перед их глазами и лижут им задницу. А знаешь, почему? Да они сами такие же, и поэтому в первую очередь заботятся о личностях своей породы. В окружении подобных себе им гораздо комфортнее жить. А ты, парень, не такой. Чувствуется в тебе старая, казацкая ещё школа. Видно, что долг и честь для тебя не пустые слова. Я тебе доверяю, Юра, и поэтому хочу по секрету сказать.

Он придвинулся вплотную ко мне и еле слышно начал говорить о наблевшем:

– Как военные специалисты, они собой, как правило, ничего не представляют. Продолжают мыслить категориями гражданской войны, когда можно было дружной массовой атакой опрокинуть малочисленные белые полки. А если не получалось, то отойти и разложить эти полки изнутри. Господи, и этих горе-командиров ничему не научила Польская кампания. Когда плохо обученная армия Пилсудского буквально наголову разбила Тухачевского, с его самыми лучшими частями, которые только были в Красной армии. А всё почему? Да потому, что разложить изнутри поляков не удалось. Солдаты просто четко выполняли приказы своих офицеров. Которые, кстати, были не очень грамотными тактиками. Но поляки тогда проявили элементарную стойкость, а не начали в панике разбегаться, увидев эту дико прущую на них будённовскую лаву. И в итоге, наконец уже полки Тухачевского улепётывали от польских улан. Вот и сейчас мы столкнулись не с бандами Махно или восставшими кре-

ствиями Антонова, а с регулярными войсками. При этом у финнов армия гораздо лучше обучена, чем у поляков. Наши гении стратегии, такие как Ворошилов и Будённый, верные своей идее задавить маленькую Финляндию числом, нагнали сюда кучу неподготовленных войск. Одних танков – более двух тысяч. Которые здесь оказались полностью бесполезны. Это тебе не Монголия, где можно маневрировать, как захочешь. Здесь двигаться на колёсах или гусеницах можно только по дорогам. На метр в сторону отъедешь, и уже всё, по уши в снегу, откапывать технику нужно полдня при двадцатипятиградусных морозах, а вторые полдня её заводить. Так что сильно облажались наши гении. А это значит, что надо срочно искать виновных в этом бардаке. Они же гении, тем более политически правильно подкованные, и не могут быть виноваты в том, что их грандиозные планы извратили и нарушили замаскировавшиеся враги. Наймиты английских или ещё каких-нибудь проклятых империалистов.

Вот и зашевелилась всякая шушера, чувствует, что Хозяин в ярости. Видишь, сколько сразу к нам начальства набежало, вплоть до армейского. А знаешь, почему? Хотят создать впечатление, что они тоже причастны к успеху нашего батальона. Это первая, хоть и небольшая, в масштабах армии, победа, после целой серии неудач. Вспомни хотя бы гибель 163-й дивизии в декабре, потом окружение 44-й дивизии. Все они перестраховываются на тот случай, если и 44-ю дивизию уже уничтожили. Они будут доказывать, что непосредственно принимали участие в пробитии к ней коридора и не жалели для этого своих жизней. Что именно под их руководством был сбит финский заслон. А если дальше пойдёт что-то не так, то эта накипь, чтобы уменьшить досаду Сталина, постарается вместо себя найти замену для жертвоприношения. Но если они думают, что я сгожусь вместо жертвенного барана, то глубоко ошибаются. Всё это я уже проходил. Я ни разу не лез в их игрища и разборки, может быть, поэтому и сижу всё ещё в капитанах. Но живя с этими волками, я привык перестраховываться – на любую, явную глупость командования всегда беру письменный приказ. Даже и сегодня, в ответ на призывы Каневского, вынудил его написать распоряжение с требованием разработать план прямой атаки в лоб на укрепления противника всеми силами нашего батальона. Я к чему тебе, Юра, это говорю – не лезь ты, парень, в эту шакалью стаю. Они могут наобещать тебе рай на земле, но потом так подставят – до смерти не отмоешься. На их поле ты никогда не выиграешь. Ты – боевой командир, вот и будь им, не лезь в политику. Ну, хватит лирики, как говорится – ближе к делу. Там, в моём вагончике, сидят два корреспондента из центральной прессы. Приехали вместе с Клоповым. Сейчас берёшь их и отводишь на место боя, там всё рассказываешь и показываешь. Советую приврать что-нибудь героическое.

Я изумлённо посмотрел на капитана и спросил:

– Как же я им что-то покажу? Уже сейчас почти ничего не видно, а позже совсем будет темно.

– А ты много не показывай, увидят при свете факелов разгромленный штаб, да и хватит им впечатлений по уши. Всё равно они здесь останутся до завтра. Хотят утром ещё снимки поля боя делать, поэтому скажи красноармейцам, чтобы трупы финнов и пулемёты не трогали. Я специально туда трофейщиков не пустил. Видишь, лейтенант, какая оперативность, ещё только несколько часов назад выстрелы отгремели, а уже целая стая воронов тут собралась. Но ты не волнуйся, со всей этой тыловой братией тебе дело иметь будет не нужно. В 21:00 твоя рота, вместе со второй, должна уже выступить. Завтра нужно обязательно пробиться к 44-й дивизии. Так что про сон можно забыть, тем более рядом нет ни одной деревушки, где можно переночевать в тепле. Ближайшая деревня – это Суомуссалми, вот к ней вам и требуется пробиться. В саму деревню не заходи, по данным разведки, там хорошо укреплённые позиции финнов. Штурмовать её будем утром, всем полком. Из дивизии сообщили, что на подходе батальон тяжёлых танков и гаубичный дивизион. Твоя задача – произ-

вести разведку боем и зафиксировать огневые точки. А там, дальше, за этой деревней, уже идёт территория, занятая 44-й дивизией.

Делать было нечего, весь мой план по устранению Клопова летел в тартарары. Прямой приказ начальника штаба я не мог игнорировать и затягивать его выполнение. Я прекрасно осознавал, что судьба тысяч людей из 44-й дивизии зависит от этой ночи.

Если мы срочно не деблокируем окружённую дивизию, то уже завтра финны подтянут подкрепления и полностью закупорят эту единственную дорогу. А без подвоза боеприпасов, продовольствия и топлива дивизия продержится ещё максимум сутки. Прорваться самостоятельно, в такой мороз, по заснеженному лесу, было невозможно – это было что-то из области фантастики. Тем более когда на хвосте у тебя висят финские егеря. Даже для бойцов моего бывшего взвода двигаться по этому лесу было очень нелегко. А это были одни из самых лучших лыжников нашего батальона, и к тому же шинели у каждого были утеплены подкладкой из овчины.

Может быть, во всей 44-й дивизии и можно было набрать человек пятьсот, которые могли бы выжить в такой мороз в лесу. Но что делать с остальными тысячами людей? Что делать с ранеными и, наконец, что делать с тяжёлым вооружением, техникой и обозом? Выход был только один – тупо пробиваться по этой дороге, несмотря на потери. Именно этим дивизия и занималась уже третьи сутки. Но пока итог был плачевным: истрачен основной запас боеприпасов для орудий и положено несколько сотен красноармейцев, а удалось сбить только один небольшой заслон финнов, перед вторым дивизия намертво встала. Оставалось надеяться только на помощь остальной армии.

О ежечасных радиogramмах с просьбой о помощи мне рассказал капитан Пителин. Когда он зачитал мне последнюю радиogramму 44-й дивизии, которую получил от порученца Клопова, я выпрямился, козырнул и не очень громко произнёс:

– Разрешите выполнять!

– Давай, Юра! С корреспондентами долго не возись, готовь людей и выступай. 21–00, это крайний срок, чем раньше успеешь подготовиться, тем лучше. Вторая рота оперативно подчиняется тебе, я уже им с вестовым отправил приказ. Там теперь командиром Сомов Валера, кстати, твой дружок. Помню, как весной вы с ним сидели на губе за дебош, устроенный в ресторане. Хорошо, что тогда из посетителей никто особо не пострадал, а то валили бы вы сейчас лес где-нибудь на Колыме.

– Да вы что, Борис Михалыч, вы же знаете, я водку – ни-ни. Мы с Валерой, наоборот, успокаивали выпившего посетителя, а тут патруль зашёл, ну и увезли нас в комендатуру.

– Угу, успокаивали! зуб у гражданина выбит? Выбит. У его товарища глаз подбит? Подбит. У третьего их собутыльника одежда порвана, кучу мебели поломали. Молите бога, что они приставали к женщине, которая оказалась подругой жены комиссара гарнизона. А то – хрен бы вы отделались двумя сутками губы. Ладно, Черкасов, забыли – это всё было в той, мирной жизни, а сейчас нужно сосредоточиться на выполнении боевой задачи. Так что всё, больше я тебя не держу. Забирай корреспондентов и на санитарных санях выезжай к себе в роту. До крайнего срока выступления – тебе осталось чуть больше трёх часов.

Пителин повернулся и направился в свою теплушку, я поспешил за ним. В штабном вагончике капитан, представив меня этим двум корреспондентам, тут же выпроводил нас за дверь. Корреспонденты были в военной форме, по званию один из них был политрук, а другой младший политрук. Ребята были весёлые и разговорчивые, оба из Ленинграда. Пока ехали, они меня веселили, рассказывая последние анекдоты. Когда прибыли в распоряжение роты, я их, можно сказать, с сожалением передал под опеку моего комиссара Осипа Шапиро.

С Шапиро мы ещё в мою бытность комвзвода были в отличных отношениях. Когда общались друг с другом, я его называл Ося. Хотя в роте и не полагался комиссар, а только политрук, но с моей подачи это звание к нему так и прилипло. Ему это тоже очень нрави-

лось. Он был довольно-таки необычный человек. Конечно, необычный для еврея. Душа-парень – открытый, бескорыстный, заводной и веселый. Очень любил поддать и поговорить по душам. Неравнодушен был и к женскому полу. Ко всему прочему, на этой войне показал себя бесшабашным, будто совсем презиравшим пули человеком. Одним словом, он полностью не вписывался в стереотип еврея, к тому же ещё и политработника. Наедине со мной про политику он даже и не заикался. Когда же рядом появлялись чужие люди, он, как правило, в разговорах просто засыпал их лозунгами.

Когда я знакомил корреспондентов с Шапиро, подумал с некоторым весёлым злорадством: «Ну, сейчас вам Ося быстро мозги набекрень поставит. Ночью уснуть не сможете, сплошные ужасы, и кровавые сцены не дадут. А утром будете с восторгом вспоминать, как вам посчастливилось лицезреть таких невообразимых героев из выдающейся роты».

Перед тем как они, в сопровождении трёх факельщиков отправились осматривать места основных боестолкновений, я окликнул Шапиро и попросил его покрасочней описать им наш героический рейд. И обязательно завести в теплушку, где больше всего лежало трупов скандинавских добровольцев, растерзанных взрывами гранат. Сам Ося уже успел всё осмотреть и подробно расспросить обо всем Шерхана. И теперь очень жалел, что не оказался в моём взводе и не принял участие в нашем рейде.

Пока я отсутствовал, комвзвода-1 Курочкин, при деятельном участии старшины, собрал все трофеи. Также была доставлена захваченная нами ранее теплушка – вместе с Козловым и пленными финнами. И сейчас, уже по второму разу, у моих красноармейцев был обед – теперь похлёбка с большим куском козлятины каждому.

Теперь и у меня был свой штаб, вернее, штабная теплушка, именно так я хотел использовать эту будку на санях. Наконец-то в роте появилось место, где можно хоть иногда отогреться. Не нужно будет при каждом новом переходе, на стоянках, судорожно оборудовать подснежные обогревательные пункты. Я с содроганием вспомнил, как однажды, в конце декабря нам два дня пришлось ночевать в зимнем лесу. Было жутко холодно – температура тогда достигала -30 градусов. С каким напрягом мы делали шалаши и засыпали их снегом. Сколько сил и изобретательности потратили на устройство костровищ и вывода дыма из этих убежищ. Тогда нам очень помог батальонный обогревательный пункт, расположенный в передвижных вагончиках. Раз в сутки каждый из нас хотя бы по два часа проводил в тепле.

Думал я и об использовании теплушек уничтоженных шведов. Но, во-первых, они больше и тяжелее, чем будка финнов, и их было невозможно тащить вручную. Нужно было использовать конную тягу, но в роте большой обоз вроде бы был ни к чему. Он сильно ограничил бы нашу манёвренность. С другой стороны, в этих условиях, когда мы были привязаны к дорогам и дальше, чем на несколько километров от них не удалялись. Было очень важно, после боя или марша, хоть несколько часов побыть в тепле. Второе, что меня останавливало от использования шведских теплушек – это их состояние. После того как мы с Шерханом закидали их гранатами, на эти вагончики без содрогания смотреть было нельзя. Они представляли собой какое-то жалкое зрелище – масса рваных, сквозных отверстий от осколков и пуль, все стены забрызганы, а полы залиты кровью. У трёх теплушек взрывами были перекошены стены и проломлены полы.

Закончив с распоряжениями, которые я раздал взводным перед предстоящим маршем, я наконец решил перекусить и хоть немного отдохнуть. С того самого момента, когда оказался в теле моего деда, ещё не выдалось ни одной спокойной минуты. Положение всё время требовало от меня непрерывных действий. Если прямо сказать, всё, что я до этого делал, было чисто интуитивно, как бы на автопилоте. При этом основной движущей силой была память и опыт деда.

Глава 7

Мой первый в качестве командира роты приём пищи был обставлен поистине с царской роскошью. Во-первых, обедал я в тепле, за столом и в одиночестве. Во-вторых, еды было много – к положенному по нормам и приготовленному в ротной полевой кухне обеду добавилась парная козлятина и целый котелок мясного бульона. В-третьих, у меня, как у большого чина, появился вестовой – можно сказать, ординарец. Им я назначил Шерхана. И не из-за того, что вестовой Потапыча плохо выполнял свои функции, а просто я считал, что человеку, который будет столько времени проводить рядом со мной, нужно полностью доверять. И не только собственные слабости и секреты, а, поскольку он всегда у меня за спиной – значит, и саму жизнь. Из всех красноармейцев абсолютно уверен я был только в Асанове. В сегодняшнем бою понял – этот человек не предаст и выполнит любое приказание, к тому же он весьма сообразителен и шустр.

Вот и сейчас он проявлял максимум заботы и предупредительности, давая мне возможность отдохнуть. Совершенно бесшумно появлялся, меняя котелки с новыми блюдами. Потом зашёл, доложил в печку дрова, вытащил из-под лавки матрас и разложил его на ней. Как бы намекая, что я могу хоть несколько минут полежать и отдохнуть в тепле. Намёк я понял и, не мешкая, воспользовался им. Посчитал, что до 21–00 времени ещё много, и я вполне могу минут двадцать спокойно поспать, отходя от этого сумасшедшего дня. Тем более, было неясно, когда я опять смогу принять горизонтальное положение. Сквозь дремоту я слышал, как снаружи Наиль отбивался от периодически рвущихся в теплушку за дополнительными указаниями командиров взводов, и всё больше убеждался в правильности своей оценки этого хитрого татарина. Несмотря на то что он был рядовым красноармейцем, а пройти пытались командиры, Шерхан очень тактично, не конфликтуя, никому так и не дал войти.

Слышимость была прекрасная, и я улавливал буквально каждое слово, высказываемое взводными. Но все проблемы, с которыми они пытались пробиться мимо Шерхана, не стоили и выеденного яйца. Поэтому я даже и не подумал вмешиваться, прерывая свой отдых. Пускай сами решают эти вопросы. Лезть во все мелкие дела любил Потапыч. Народ к этому привык и теперь даже с вопросом, по сколько гранат выдавать каждому красноармейцу, пытались пробиться к командиру роты. Я же считал, что мелкая опека только вредит делу, убивая в зародыше инициативность и ответственность.

Вскакивать и идти на холод разбираться с небольшими проблемами я решил, только если появится старшина. Бульба, с его куркульскими инстинктами, затеял очень интересное дело. Вот где могли возникнуть какие-нибудь мелкие заковырки, из которых потом могли вырасти крупные неприятности. Во-первых, Стативко не мог смириться с тем, что я собираюсь бросить отбитые у неприятеля вагончики. Проведя их ревизию, он взялся восстановить одну из теплушек, при этом заявил:

– Це ни дило, оставлять такое чудо на потребу этим шакалам – трофейщикам. Товарищ старший лейтенант, шо тут эти полонённые чухонцы просто так мёрзнут и переводят наши продукты? Пусть чуток подвигаются, пока мы их не отправим в тыл. А то хоть и сожрали по котелку гуляша, а носы всё равно посинели. А так попрыгают с молотками и пилами, и нам польза, и им хорошо. А из пары разбитых теплушек можно одну сварганить, лучше прежней. Вот только жалко, сейчас стёкол нема, но покаместь окно можно закрыть плащ-палаткой.

Чтобы меня окончательно убедить, Бульба начал описывать все достоинства этих теплушек:

– Представляете, стены у них многослойные, между двух тонких досточек проложен толстенный слой войлока, а поверх него – фольга. Я уже видел такие стены в местных бань-

ках. Теплоты они неимоверной, в бане с такими стенами можно с несколькими охапками дров – пропарить целую роту. Да и лёгкие эти теплушки, по размеру они такие же, как и вагончики в батальоне, которые тащат по четыре коняги, с этой же спокойно справится и одна лошадка, ну в крайнем случае, две. А лошадей у нас сейчас, вашими стараниями, много.

Он тяжело вздохнул и добавил:

– Всё равно лишних лошадей в батальон заберут. У них от таких морозов половина своих коняг погибла. Чтобы тащить обоз, уже два раза новых пригоняли. Странно, как ещё интендант сам сюда не примчался за трофейными лошадьми. Не иначе его Сипович куда-то отослал. Вот, пока его нет, нужно всё пристроить к делу.

Всё, что будет отложено про запас и не пойдёт непосредственно на повышение боеспособности роты, этот жучило отберёт на батальонные нужды. Одним словом, старшина меня уговорил заняться восстановлением одной теплушки. То, что будем использовать для этого труд военнопленных, меня совершенно не беспокоило. Наоборот, я, со злорадством упиваясь классово непримиримыми чувствами своего деда, подумал – вот вам, проклятые буржуи, будете знать, как исключать Советскую Россию из Лиги Наций. Тарас также убедил меня взять станковые пулемёты «максим». Правда, из всех уничтоженных нами пулемётных точек только в трёх «максимы» не пострадали от гранатных осколков. И уж совсем старшина добил меня предложением захватить шведские пушки. Подавляя смех, я спросил:

– Бульба, не спутал ли ты нашу роту с батальоном, а себя с техником-интендантом первого ранга? А может быть, ты смотришь выше и замахнулся уже сразу на полк? Если следовать всем твоим пожеланиям, наша рота скоро превратится в большой обоз. Где все до одного будут ездовыми саней, набитых вещами, крайне необходимыми для успешного ведения боёв. Вот только интересно, кто будет воевать? К тому же для стрельбы из орудий нужны специалисты. Или ты сам будешь за наводчика? Тогда для подвоза снарядов, чтобы ты попал по цели, потребуется снимать с фронта ещё пару рот и использовать красноармейцев как ездовых и грузчиков.

Старшина усмехнулся в свои побелевшие от морозов усы и произнёс:

– Та шо, запас, он карман не тянет! А если финн прижмёт, то всё это хозяйство не подотчётно, можно его спокойно и бросить. А пока чухонцы будут рыться в саниах, ударить по ним из леса.

Неожиданно в поддержку старшины выступил наш политрук Шапиро.

Он, возбуждённо размахивая руками, начал почти что выкрикивать:

– Черкасов, ты представляешь, в нашей роте можно организовать целый пулемётно-артиллерийский взвод! Не в каждом батальоне имеется столько тяжёлого вооружения! А пулемёты на саниах, это же чистые тачанки, можно сказать, их зимний вариант. Да и для перевозки орудия есть специальные сани. А что касается специалистов, то в третьем взводе красноармеец Сизов, из недавнего пополнения, почти что окончил артиллерийское училище. Он что-то там напортачил – вылетел из училища с треском и был направлен в действующие войска. Парень неплохой, политически грамотный, а в училище просто дал какому-то преподавателю по физиономии. Говорит, что тот оскорбил женщину. Сам понимаешь, дело это молодое, может быть съездил по морде и за дело. Иначе бы этот вопрос тихо не прикрыли. А так, получается – просто спихнули парня на фронт и всё, биография пошла с нуля.

Слова старшины о том, что всё это вооружение неподотчётно и его в любой момент можно списать, не заполняя никаких бумажек, решило дело. Не мешкая, мы в присутствии командиров взводов немного реорганизовали структуру роты. После всех боёв в роте сейчас было сто пять человек. И это, включая кашеваров, санитаров с военфельдшером, ездовых и вестовых. До захвата трофеев у нас был один станковый пулемёт «максим», два ручных

пулемёта и ротный миномёт. Все красноармейцы были вооружены винтовками СВТ-38 и гранатами РГД-33.

После недолгих обсуждений я решил, что каждый взвод будет состоять из трёх отделений по семь человек и расчётом из двух человек с ручным пулемётом. Всего вместе с комвзводом получалось двадцать четыре человека. Каждый командир взвода и отделения должен был вооружиться автоматом «Суоми» и получить бинокль. В первом взводе в одно из отделений были отобраны лучшие стрелки. Они должны были получить трофейные, снайперские винтовки. Остальные трофейные автоматы было решено выдавать красноармейцам по мере их обучения владению этим оружием. Сейчас перевооружать всех бойцов автоматами было нецелесообразно. К самозарядкам они уже худо-бедно привыкли, а в предстоящих боях это было немаловажно. Кроме этого, из имеющегося и трофейного вооружения создаётся пулемётно-артиллерийский взвод. Это четыре пулемётных расчёта на санях, миномёт и одна автоматическая зенитная пушка «Бофорс», по наземным целям она могла прицельно стрелять на четыре километра. Весь этот взвод должен передвигаться на восьми санях и состоять из двадцати одного человека. Командиром этого подразделения становился политрук Шапиро. Военфельдшер имел в команде только двух ездовых на санитарных санях. Он лишался подчиненных санитаров, их функции во время боя должны были выполнять оставшиеся люди из команды старшины. А у него в хозяйстве осталось только шесть человек, два кашевара и четыре ездовых нашего обоза. Самому Бульбе придётся тоже стать ездовым, он будет управлять санями с одной из теплушек.

Больше всех был рад этой реорганизации Шапиро. Наконец исполнилась его мечта – стать настоящим боевым командиром. После того как мы закончили это совещание на морозе, Осип немедленно направился организовывать свой взвод. Из всех присутствующих никто не промолвил ни слова о нарушении устава. Все эти изменения происходили как раз перед тем, как мне отправиться с докладом в штаб батальона.

Когда я вернулся в расположение роты, работы по ремонту теплушки и переоборудованию саней были в самом разгаре. Я предупредил Бульбу, что на всё про всё у него осталось два часа. В 20–40 обоз должен быть сформирован и готов к маршу. Тогда же я встретился и с командиром второй роты Валеркой Сомовым. Мы обнялись, погоревали о погибших товарищах, поздравили друг друга с назначениями нас командирами рот, а потом начали обсуждать насущные дела. Валера уже знал, что его рота оперативно подчинена мне, но никакой обиды по этому поводу он не испытывал. Наоборот, был даже рад, что в первой ответственной операции в качестве ротного ему полагалась роль подчинённого. Тем более Валера меня хорошо знал и доверял. По этому поводу он заявил:

– Юрок, я даже рад, что сейчас ты главный. Пожалуй, во всём батальоне только я знаю, какой ты мужик. Тебе, мля, палец в рот лучше не класть – тут же откусишь. Помнишь? Из каких только безнадежных ситуаций мы с тобой не выбирались. Ты ни разу не подвёл, и из такого дерьма меня вытаскивал. Думаю, и сейчас финны тебя не проведут, не заманят в засаду. Ты ведь задницей чувствуешь, когда дело пахнет керосином и, как обычно, вовремя извернёшься. Сипович, он мужик ушлый – знает, кто может вытащить батальон, и чтобы он потом выехал на белом коне. Поэтому, не парься насчёт моей роли, не в этом, как говорится, счастье, сейчас главное – не попасть под пули снайпера и всё-таки пробиться к ребятам из 44-й дивизии.

Окончательно прояснив для себя отношение к роли ведомого командира второй роты, поняв, что он ни в коей мере не будет мешать и тянуть одеяло на себя, я расчувствовался и пообещал Валерке передать в его роту один из пулемётов «максим», вместе с парой лошадей и санями. Правда, при этом предложил на время проведения рейда откомандировать в мою роту двух человек. По моим агентурным данным (об этом сказал Шапиро), у него в роте обычными красноармейцами служат неплохой пулемётчик и наводчик орудия. Оба

этих бойца прошли Халхин-Гол и были недавно призваны из запаса. Немного поломавшись, Сомов согласился с моим предложением, при этом он пошутил:

– Да, Юрка! Ну и поднабрался ты у своего Бульбы! Вот уж – с кем поведёшься... Этот твой хохол с живого не слезет, пока не получит своего прибитка. Уже весь батальон обобрал, всё тащит в свою роту.

Я хмыкнул и, поддерживая его шуточный тон, заявил:

– Ха, если бы один батальон, подожди, он скоро и до дивизии доберётся. Но зато каких он поваров подбирает? О-о-о, они такие блюда кашеварят, пальчики оближешь. Небось, раньше нэпманов кормили. Пойдём, покажу тебе мой новый штаб, заодно попробуешь, какой они сегодня гуляш сделали. Штаб у меня не хуже, чем у Сиповича, может и поменьше чутков, но ведь и мы не батальон.

Валера от моего предложения решительно отказался, объясняя это тем, что недавно перекусил, что у него сейчас полно дел, он ещё толком и не вступил в командование ротой, а нужно срочно готовить людей для ночного марша. Его рота только недавно закончила прочёсывание роши.

Пожав друг другу руки, мы разошлись по своим делам. Сомов направился накручивать своим взводным хвосты, чтобы всё было готово к предстоящему рейду. Я направился в свою теплушку перекусить и хоть немного отдохнуть. У меня была полная уверенность, что мои взводные без моего вмешательства выполнят всё, что полагается. Единственное, о чём я беспокоился, так это о положении дел во вновь формируемом пулемётно-артиллерийском взводе. Шапиро сейчас был вынужден заниматься корреспондентами, а заместителя у него ещё не было. Но потом я подумал, что всё равно их боевые сани ещё не доделаны и полюбому вся боеспособность взвода будет зависеть от пулёмтных расчетов. А командирами в них были подобраны опытные люди. Орудийным же расчётом будет командовать без пяти минут лейтенант.

Кстати, когда мы обсуждали с Сомовым порядок движения и способы связи, я у него выяснил положение дел во второй роте. В первой атаке на эту рошу рота понесла потери даже большие, чем наша. Сейчас в наличие там было девяносто восемь человек. У них тоже был миномёт и один станковый пулемёт. Мы договорились, что кроме двух бойцов, Валера временно передает в моё распоряжение миномёт с расчётом из двух человек. Таким образом, у меня под командованием образовывалась чуть ли не миномётная батарея. Конечно, калибр у этих миномётов был маловат. Я немного посокрушался, что ребята Рябы полностью вывели из строя шведские миномёты. Их калибр был гораздо существеннее, чем у наших ротных.

Потом мои мысли опять вернулись к шведским зенитным пушкам. Я уже сталкивался с их действием. В начальный период войны, поддерживая танковый батальон, мы атаковали небольшую деревушку. Как потом выяснили, оборону там держал всего-то взвод финнов, но у них было две такие пушки. Так вот эти зенитные орудия так расколошматили танковый батальон, что в нём осталось хорошо если половина танков Т-26. А ведь тогда, по мёрзлой, слегка припорошенной снегом земле, у танкистов было сколько угодно места для манёвра. Но я лично видел двенадцать подбитых танков.

Да и нашей роте тоже хорошо досталось. Например, одно отделение из третьего взвода попало под снарядную очередь – из одиннадцати человек осталось двое. У финнов к этим орудиям имелись бризантные снаряды. При попадании такого снаряда в ствол дерева эффект был как от взрыва мины. А тут, практически одновременно, целая серия из пяти снарядов.

Селение мы, конечно, взяли, но только после того, как целый гаубичный дивизион полчаса долбил по этой деревушке. Стреляли они с закрытых, удалённых на семь километров от линии фронта позиций, из 122 мм гаубиц. Тогда я удивлялся, что могут сделать какие-то две небольшие пушечки. Но эти 40 мм зенитки, на сутки затормозили движение целой дивизии и весьма сильно потрепали танковый батальон.

Теперь я сам мог стать обладателем этого оружия. Ещё раз прокрутив в голове весь наличный состав моей роты, я всё-таки решил забирать и второе трофейное орудие. Тем более Валерка передаёт нам одного бывшего наводчика. К тому же никакой подготовки саней к перевозке пушек не надо. Прямо возле оружейных позиций стояли уже специально изготовленные для них сани. Лошадей мы захватили достаточно, хватит перевезти хоть дивизион таких орудий.

Все эти мои рассуждения и планы нарушил ворвавшийся в теплушку Шапиро. Даже непробиваемая оборона Шерхана не смогла устоять перед политическим напором пламенного коммуниста. Политрук был возбуждён и, как мне показалось, слегка поддат. Как только он вошёл, я сел на свою лежанку и спросил Осю:

– Ну, как там корреспонденты, ухайдакали тебя своими вопросами? Смотрю, после их посещения ты принял дозу успокоительного из горячительных запасов Бульбы.

– Да ладно тебе, Черкасов! Замечательные ребята, и поговорили мы хорошо. Даже нашли общего знакомого. Это Ванька. Мы с ним учились в одной группе в пединституте. И, представляешь, он теперь тоже корреспондент и уже старший политрук по званию. Во как там растут люди! А тут, бегаешь по снегу, как лось, а в итоге, вон, как Каневский, попадаешь под пулю снайпера. Эх, жизнь – копейка, а судьба – индейка. Кстати, Юр, я тут тебе тоже принёс на сугрев шведского пойла – «Абсолют» называется. Представляешь, никто из наших в этих вагончиках не заметил водку. Даже Бульба побрезговал трогать трупы. А эти корреспонденты, про которых ты говорил, что они ночь спать не будут, видя столько крови и растерзанных тел, спокойно зашли в вагончик, где было больше всего трупов, и, чтобы придать больше драматизма картинке для завтрашней фотосъёмки, начали кантовать эти тела. Вот под одним из тел и нашли баул с тремя бутылками шведской водки. Ну, одну мы, конечно, там и употребили, уж очень морозит на улице, все просто задубели, пока там ковырялись. Ещё одну ребята взяли себе, ну а третья – тебе. Презент, так сказать, за предоставленную возможность получить хорошие фотоснимки. Очень им понравилась и раздолбанная нами миномётная батарея. Сказали, что картинка получилась очень эффектная.

Высказавшись, Осип снял варежки и вытащил из кармана запотевшую бутылку. Выглядела она довольно странно, на ней не было даже этикетки. Прямо на стекле проступали латинские буквы ABSOLUT. Я встал, взял у него бутылку, внимательно её осмотрел и засунул в шкафчик при входе. После чего хмыкнув, пошутил:

– Слушай, Ося, а выгодное это, оказывается, дело – шведов валить. Мало того что сами кучу трофеев набрали, так ещё и пресса подарочки подкидывает. Если дело так дальше пойдёт, никто уже нашу махорку курить не сможет, все на англосакские сигареты подсядут. Сейчас уже смотрю, все красноармейцы «Данхил» смолят.

Я искоса посмотрел на Шапиро и уже серьёзным тоном продолжил:

– А что касается этой водки, то мы её с тобой, товарищ политрук, обязательно выпьем, но только после того, как пробьёмся к 44-й дивизии. А пока – сухой закон. Воевать нужно на трезвую голову – это умирать можно и пьяным, чтобы было не так страшно. Нам сейчас, чтобы победить, нужна ясная голова. А погибать я не собираюсь, да и вам не дам.

Захихикав и погрозив мне пальцем, Осип произнёс:

– И это ты мне говоришь – коммунисту с трёхлетним стажем? Какой-то комсомолец, даже ещё не кандидат в партию, поучает старого партийца! Да-а... Куда мы катимся? Уже яйца начинают учить курицу!

Затем, вдруг нарочито набычившись, он спросил:

– Ты что, партию не уважаешь?

И сам же ответил на свой вопрос:

– Да знаю, хорошо ты к партии относишься, и она к тебе тоже неплохо. Можешь судить по мне, я тебя, можно сказать, люблю и уважаю. Хотя ты, бывает, и погибаешь не туда. Ты

хоть знаешь политику партии в этом вопросе? Вот, вижу, что не знаешь. А, между прочим, после Великой Октябрьской революции именно большевики отменили царский сухой закон. Именно ВКПб вернуло народу право свободно пить водку. Это надо же, царские недоумки в Первую мировую войну ввели сухой закон.

И где теперь эти радетели здоровья нации. Кто выжил, в Париже подметает улицы. Между прочим, сейчас есть негласное указание, каждому красноармейцу выделять в день по сто грамм водки. Как это начали делать, количество обморожений резко уменьшилось. Да и в атаку стали веселей ходить. Да ты и сам в курсе этого дела. И, заметь, после введения этой практики, пьяных нет. Водка моментально усваивается и сгорает от таких морозов.

Шапиро так разошёлся, что я смог вставить в его речь только одну фразу, а именно вопрос:

– Слушай, Ося, а что же будет с людьми после войны? От регулярного употребления водки они же сопьются и превратятся в алкоголиков. Не завидую я их детям.

Политрук, даже не задумываясь, ответил:

– А дальше будет мировая революция, и что значат перед таким событием судьбы каких-то алкашей. Когда она свершится, такая большая армия нам будет уже не нужна. В ней останутся вот такие, как ты – настоящие бойцы. И будешь ты заниматься только подавлением буржуйско-кулацких мятежей. А это, согласишься, уже совершенно другая война – без этого дикого сверхнапряга.

Чтобы как-то закончить эту неприятную для меня тему, я встал по стойке смирно и прокричал:

– Слава великому Сталину!

Шапиро замолк на полуслове и удивлённо вытаращил глаза. Я похлопал его по плечу и с тем же пафосом произнёс:

– Чтобы мировая революция свершилась, нам нужно сейчас свернуть башку этим наймитам мирового империализма. А для этого нужно действовать, а не объяснять друг другу прописные истины. Давай-ка, друг ситный, займёмся нашими делами, а не пустой болтологией. Ты же теперь сам стал боевым командиром и лично отвечаешь за вверенный тебе взвод. А это тебе не лозунгами сыпать, ссылаясь на великих людей. Тут нужно конкретных красноармейцев обеспечить оружием, питанием и тёплым ночлегом. И при этом точно выполнить все поставленные боевые задачи. Вот меня, например, интересует, оборудованы ли сани для стрельбы с них из пулемётов? Как обстоят дела с формированием новых пулемётных расчётов?

У Осипа прямо на моих глазах лицо начало преображаться из восторженно-боевого в серьёзное и задумчивое. Признаки опьянения быстро куда-то исчезли. И он уже совершенно другим тоном, по-деловому и официально начал докладывать:

– Я, перед тем как идти к тебе, проверил ход переоборудования саней. Три единицы уже готовы, и там устанавливаются трофейные «максимы». Остальные будут готовы через двадцать минут. Миномёт размещён на санях, так что в любой момент из него можно начинать метать мины. С орудием тоже всё нормально, оно уже загружено, и расчёт занят его изучением и боевой тренировкой. Эти шведские сани позволяют вести огонь из пушки, не устанавливая её на землю. Можно стрелять по воздушным и наземным целям даже на ходу, только приходится останавливаться, чтобы менять магазин со снарядами. Проблема есть только с одним «максимом» – нет опытного пулемётчика, но, в принципе, я смогу с ним управиться. На сборах несколько раз стрелял из такого пулемёта. Так что, товарищ старший лейтенант, пулемётно-артиллерийский взвод, как и было, приказано, в 20–30 будет готов выступить.

Я опять хлопнул Шапиро по плечу и сказал:

– У-у-у, какой ты стал официальный! Ося, расслабься, здесь все свои! Ты молодец, мужик, редко кто может всё кругом успеть. И дело сделать и с другими людьми пообщаться, да так, что вот они уже и хорошие друзья, и будут теперь перед начальством стоять за нас горой. Что уж тут говорить – хвалю и завидую такому таланту! Кстати, хочу тебя, обрадовать или огорчить, не знаю – я у комроты-два Сомова выбил на время опытного пулемётчика. Так что, самому тебе стрелять из него уже не потребуется. И ещё, Осип, твой взвод ещё больше усиливается. Вторая рота нам передаёт свой миномёт, а также будем забирать и вторую пушку – наводчика, опять же, выделит Сомов. Правда, расчёты у этих орудий теперь будут совсем маленькие, всего по три человека. Но делать нечего, людей больше брать неоткуда. А если поднапрячься – то трёх человек на эту зенитную пушку вполне хватит.

Услышав сообщённые мной новости об усилении его взвода, лицо Шапиро опять начало принимать восторженное выражение. Чтобы остановить вновь намечающееся извержение словесного вулкана, я в третий раз хлопнул Осю по плечу и предложил:

– Ну что, товарищ политрук, пошли посмотреть твоё хозяйство. Да и остальные взводы мне нужно проинспектировать, а тебе постараться возбудить в красноармейцах пролетарскую ярость к врагу. Ведь никто с тебя обязанности политрука роты не снимал. С Сомовым я договорился, что движение начинаем в 20–50, у нас осталось всего сорок пять минут.

Когда мы вышли из теплушки, то Шапиро направился в первую очередь на оружейные позиции командовать, чтобы начинали устанавливать на сани вторую пушку. А я решил проверить, как справляется с делом старшина.

На лыжах, до места работ я добрался буквально за минуту. Возле шведского вагончика не наблюдалось никакого движения, а из трубы валил сильный дым.

«Вот это Бульба, – подумал я, – неужели уже всё отремонтировал». Первым у дверей оказался Шерхан. Когда он их открыл, я увидел, что всё помещение забито людьми. Там были размещены все наши пленные, они сидели на лавках со связанными за спиной руками. Охранявший их красноармеец Козлов закидывал в открытый зев печки дрова. Зайдя в помещение, я внимательно осмотрел места ремонта. Расчетливый Бульба сделал всё просто и без затей. На пробитые места были наложены заплатки из тонких досок, выломанных из стоящего рядом трофейного вагончика.

Старшина как будто знал, что я пришёл инспектировать его работу. Не прошло и двух минут после нашего появления, как он нарисовался в дверях теплушки. Прямо от дверей он начал рапортовать о проделанной работе:

– Товарищ старший лейтенант, задание выполнено, вагончик полностью отремонтирован, следы крови высоблили и промыли всё помещение. Все пробоины заткнули войлоком и сверху ещё набили доски. Тепло помещение держит очень хорошо, гораздо лучше, чем батальонные теплушки. Хотя тут нет даже стёкол, просто на оконный проём набили с двух сторон трофейные маскхалаты.

– Молодец, старшина, чувствую, что тепло. Правда, видок, конечно, не тот, но нам, в конце концов, тут делегаций не принимать. А ночь перекантоваться очень даже ничего. Слушай, Бульба, если тебе пленные больше не нужны – то давай отправляй их в батальон. Нам через сорок минут выступать, а отвлекать людей на их охрану мы не можем. Вон, даже повредившего ногу Козлова сажаем ездовым на пулемётные сани. Пителин обещал прислать людей, чтобы их конвоировать, но что-то никто так и не появился. И ещё скажи мне, Тарас Иванович, как там обстоит дело с нашим обозом – готов он выступить через сорок минут?

– Усё готово, можно выступать хоть через пять минут. Сейчас распоряжусь, шоб этих гавриков на санитарных санях увезли в батальон. Ещё будут какие-нибудь приказания?

– Да нет, старшина, всё вроде нормально. Люди накормлены, сейчас передохнут ещё полчаса в своих снежных пещерах, и можно трогаться. Ты, кстати, водочного довольствия без моего приказа не выдавай, вот выполним задание, тогда можно.

– Как можно, Юрий Филиппович, я порядок знаю. Горилка, она хорошо, когда за столом, под добрый шматок сала, а сейчас, в дорогу, может нанести только вред.

Высказавшись, Бульба козырнул, повернулся и вышел из вагончика. А следом за ним и я с Шерханом. Затем мы поехали к месту формирования нового взвода, это было на позиции бывшей артиллерийской засады шведов. Там заканчивалась установка зенитной пушки на сани. Все пулемёты и миномёты уже были установлены.

Здесь уже находились комроты-2 Сомов и прибывшие с ним бойцы, поступающие в моё распоряжение.

Мы вместе с Валерой осмотрели получившиеся боевые сани. Я переговорил с экипажами этих мобильных огневых точек. Потом пригласил Сомова и Шапиро на последнее перед выходом совещание в моём штабе. Шерхана отправил собирать туда остальных командиров взводов. После чего мы уже втроём направились в мою теплушку.

Глава 8

Выступили мы ровно в 20–50. На последнем сборе командиров взводов и комроты-2 был определён порядок движения. Первыми в боевом охранении шли лыжники из первого взвода. За ними двигались остальные подразделения роты, замыкающим был огневой взвод Шапиро. Потом катили бойцы второй роты. Последним в этой длинной колонне передвигался наш объединённый обоз, под командованием старшины Стативко. Я, стоя у дороги, пропустил наши основные боевые силы, и, когда на дороге показались сани обоза, вместе с Шерханом быстро покатыл в голову колонны.

Самыми первыми, выдвинувшись на триста метров, в боевом охранении, ехали наши лучшие следопыты из отделения Якута. Я специально собрал в одно отделение бывших охотников и лучших стрелков роты. Все они были вооружены трофейными снайперскими винтовками. На это отделение я даже выделил три бинокля. И в дальнейшем планировал использовать этих красноармейцев только как разведчиков и снайперов. Где-то через километр мы с Наилем догнали взвод Рябы. Пристроившись рядом с комвзвода-1, продолжили движение уже в порядках его взвода.

Минут через десять этой неспешной езды на лыжах весь взвод вдруг резко остановился. К Рябе подкатил связной от Якута. Он явно спешил и был несколько взволнован. Увидев меня рядом с командиром взвода, он обратился сразу к нам обоим. Из его доклада я понял, что Якут наткнулся на чужую лыжню, она шла параллельно дороге. По мнению охотника, люди там прошли часов шесть назад, их было не меньше шести человек, и они пытались маскировать этот лыжный след. Маскировали они его, волоча сзади себя еловый лапник. По всем повадкам, это были опытные охотники.

Я решил сам проверить эту лыжню и доехать до Якута. Конечно, мне внутренний голос говорил, что не дело командиру роты заниматься разведкой. Даже моё нахождение в головном взводе было неоправданно. Всё-таки я был не просто командир роты, а являлся руководителем всей операции. От успешного проведения этого рейда в конечном счёте зависели жизни тысяч людей. Всё это я прекрасно понимал, но сделать с собой ничего не мог. Командирская память деда заставляла меня расположить свой штаб в середине колонны и оттуда холодно оценивать всю поступающую информацию. И, уже исходя из неё, направлять нужное количество красноармейцев для решения возникших проблем. Но, с другой стороны, в моей груди билось сердце молодого боевика, который сам привык решать все поставленные задачи. И даже более того, решать эти задачи не традиционными методами войсковой операции, а действиями, больше похожими на диверсию, или партизанское нападение.

Вот и сейчас, задавив память деда, кричащую о неправильности моих действий, я покатыл в сторону передового дозора.

Следом за мной немой тенью скользил Шерхан. Его я не останавливал, мне было приятно ощущать защищённость своего тыла. Перед тем как уехать, я приказал, чтобы передали остальным взводам – остановиться и не шуметь, просто затаиться.

Добравшись до Якута, который расположился возле неровной полосы немного вдавленного снега, я сразу задал ему вопрос:

– Охотник, а ты уверен, что здесь была лыжня? Если бы тут прошло несколько человек, то они бы так вдавили снег, что лыжню хрен заметишь.

Кирюшкин, немного обиженный сомнениями в его профессионализме, ответил:

– Однако тут шли опытные охотники. У них широкие лыжи, и шли они тремя колоннами, по два-три человека. Последние двое тащили за собой охапки лапника. Снег шёл шесть часов назад, поэтому следы ещё можно разглядеть. Вон, всё ещё кое-где валяются еловые иголки. И к тому же, командир, пойдём, посмотришь сам.

Якут проехал метров десять вдоль этой полосы и остановился. Я подъехал к нему и, присев, начал осматривать указанные им углубления в снегу. Несомненно, это были следы от лыжных палок. По-видимому, лыжник в этом месте оступился и, чтобы удержаться на месте, помогал себе лыжными палками. И нечаянно упёрся ими в незамаскированную полосу движения. Эти следы можно было чётко увидеть даже при лунном свете.

Итак, мы явно обнаружили следы финской воинской группы. А если они шли не на стандартных, а на широких охотничьих лыжах и пользовались методами маскировки следов, то группа эта была непростая. Скорее всего, это снайперская группа, состоящая из бывших охотников, такие группы, как мне было известно, у финнов были не редкость. Они состояли из бойцов добровольческих отрядов местной самообороны. Их обычно называли шюцкоровцами. Вооружение у них, как правило, было слабым, в основном это винтовки Мосина. Но, даже используя это старьё, они наносили нам весьма ощутимый вред. Нападали они из засад и стреляли очень метко. В основном из-за них отвлекались большие силы, чтобы охранять дороги. Бывало, в тридцатиградусные морозы приходилось прочёсывать целые лесные массивы, чтобы обнаружить брошенную лежанку снайпера. Как правило, он делал четыре-пять выстрелов, убивал нескольких рядовых красноармейцев, а бывало, и командиров, и исчезал в лесах. После таких прочёсываний обычно несколько десятков красноармейцев оказывались в госпиталях с обмороженными руками и ногами.

Исходя из того, что эта, еле заметная полоса потревоженного снега располагалась вдоль дороги, становилось понятно, что группа местных партизан, скорее всего, устроила засаду по трассе нашего движения. И засада эта организована часов пять назад, в нескольких километрах от деревни Суомиссалми.

Все эти мысли пронеслись в моей голове буквально за секунду. И когда я выпрямился, то начал отдавать конкретные команды. Я решил, что этих шюцкоровцев нужно попытаться захватить живыми. Наверняка они ночью не ожидают нашего появления и, тем более, со стороны леса. У этих партизан уже было вбито в мозги на уровне инстинктов, что русские, чтобы их нейтрализовать, нагонят кучу солдат и устроят большую воинскую операцию. Поэтому нашего ночного налёта они вряд ли опасаются, и спокойно себе спят в какой-нибудь снежной норе, выставив в дозор всего одного часового.

Я скомандовал Якуту выдвигаться вперёд метров на десять, и мы покатили прямо по этой полосе в сторону деревни. Все красноармейцы приготовились к встречному бою, сняли оружие с предохранителей, переложили по две гранаты в карманы маскхалатов. За Якутом двигались мы с Шерханом. Я посчитал, что если произойдёт встречный бой, то на близком расстоянии, в лесу, наши два автомата будут по воздействию гораздо весомее, чем все винтовки наших снайперов. А в том случае, если противник отдыхает, выставив одного часового, лучше Якута этого финна вряд ли кто-нибудь снимет. Подобраться вплотную к часовому, бывшему охотнику, я даже и не рассчитывал. Всё равно его не обмануть, и он внутренним чутьём поймёт, что на него охотятся.

Даже несмотря на звуки отдалённых выстрелов и канонаду, опытный, специально стоящий на часах охотник услышит посторонние шорохи и будет стрелять на звук, и вряд ли он при этом промахнет. Поэтому я приказал Якуту, как только он заметит часового, сразу же брать его на мушку. Я не сомневался, что укрытие с другими финнами находится неподалёку, и мы с Шерханом должны были взять его на себя. Как только Кирюшкин возьмёт в прицел шюцкоровца, мы начинаем выдвигаться к этой берлоге. Если при этом часовой насторожится, Якут из снайперской винтовки должен тут же его ликвидировать. Остальные шестеро красноармейцев располагаются цепью и начинают вести огонь только при появлении каких-нибудь человеческих силуэтов или выстрелов со стороны финнов. Я допускал с большой долей вероятности, что сонные финны могут и не отреагировать на одиночный выстрел. Всё-таки они выставили часового и сейчас находятся в расслабленном состоянии в

укрытии. А ещё он мог запросто заглушиться звуками непрекращающейся канонады, доносящимися со стороны окруженной 44-й дивизии.

Запах дыма я уловил даже раньше, чем увидел поднятую руку Якута. Это означало, что он увидел часового. Когда он лёг, выставив вперёд ружьё, пришло время действовать нам с Шерханом. Метров через десять, после того как мы проехали залёгшего Кирюшкина – раздался выстрел.

Сначала я услышал, а потом и увидел часового, в которого стрелял Якут. Услышал я треск веток, а увидел продолговатое чёрное образование, висящее на ветвях большой ели метрах в семидесяти от нас. Примерно оттуда тянуло и дымом костра. Эта ель находилась метрах в трёхстах от дороги. Прибавив ходу, мы с Шерханом через минуту уже стояли под этой елью. Всё было тихо, никто не бегал, не кричал, не стрелял.

Местоположение финского укрытия я определил довольно быстро – к нему вела хорошо различимая лыжня. Здесь её никто и не пытался маскировать, и она упиралась прямо в снежный холм, находящийся метрах в сорока от этого дерева. Правда, пока я стоял и рассматривал этот холм, луна скрылась за облаками, и стало ничего не видно. Но мы с Шерханом, точно по лыжне, подъехали прямо к входу в это строение. Это был небольшой блиндаж, выступающий максимум на полметра над землёй и присыпанный сверху снегом. Вырыт он был, по-видимому, давно – комьев земли и пеньков от срубленных деревьев рядом не наблюдалось. Перед входом был вырыт не очень глубокий окоп, из него в сторону дороги смотрело дуло ручного пулемёта.

Когда мы добрались до блиндажа, передо мной встала дилемма, что делать. Дедовский опыт говорил, – не рискуй понапрасну, кинь в трубу пару гранат, а потом спокойно заходи внутрь блиндажа. Кто-нибудь, может быть, выживет, вот его и допросишь, а если никто не выживет, то и чёрт с ними. А другая моя сущность упрямо твердила: от взрывов гранат в этом небольшом помещении вряд ли кто-нибудь останется цел. А при благоприятном варианте уцелевшие будут находиться в таком шоке, что в течение часа, а может быть и больше, они станут совершенно бесполезны как «языки». Очень долго возиться с пленными было нельзя. За ночь нужно было выйти к деревне и провести разведку боем. Как пленные, они были мне нужны только в том случае, если обладали сведениями об организации системы обороны деревни. Если они об этом ничего не знают, то тогда, конечно, лучший выход – гранаты в трубу или приоткрыть дверь в блиндаж и закинуть туда несколько гостинцев.

Подумав несколько секунд, я всё-таки решил обойтись без гранат. Меня же в эскадроне обучали, как нужно захватывать пленных в подобных блиндажах. А тут, можно сказать, возникли идеальные условия для пленения противника. Всё-таки там сидели далеко не волки, эти лохи даже не услышали прозвучавший неподалёку выстрел. Наверное, плотно пожрали, а теперь лежат в тепле и видят розовые сны – как они безнаказанно многими десятками отстреливают русских солдат.

– У-у-у, сволочи, – прошептал я, окончательно вгоняя себя в боевой транс. Кивнул Шерхану, чтобы он распахнул входную дверь, и с диким криком ворвался в блиндаж. По сравнению с улицей здесь было гораздо светлее – горела керосиновая лампа. Недалеко от входа, по правой стороне находилась печка-буржуйка, по левой – пирамида с винтовками, а вдоль стен в форме буквы П были двухъярусные нары. Между этих лежанок стоял грубо сколоченный стол. Все места на нарах были заняты спящими людьми. В помещении раздавались мощные рулады разнообразного храпа. В блиндаже было тепло и сухо, вкусно пахло чем-то мясным. Одним словом, не ночлег в боевых условиях, а курорт.

Когда я ворвался в помещение, то своим воплем разбудил не всех. Окончательно финны проснулись, только когда я начал стрелять из автомата. Первую очередь выпустил по чухонцу, спавшему на нижней правой полке. Он, когда проснулся, подскочил и попытался дотянуться до кобуры, висевшей на гвозде, вбитом в стойку нар. Более длинную очередь

отстрелял по потолку, прямо над верхними полками. После моих выстрелов храп прекратился, но тише не стало. Пронзительно выл подстреленный мной человек. Он свалился на земляной пол и теперь там катался, руками обхватив колени, при этом дико кричал. Своими резкими движениями он даже сдвинул стол. Целил я по ногам и попал, судя по непрерывным крикам, по коленной чашечке. Этот, как мне показалось переходящий уже в ультразвуковой диапазон визг меня полностью достал, и я короткой очередью, в три пули, прекратил мучения подстреленного мной человека.

Оставшиеся в живых финны, потрясённые неожиданностью происходящего, забились в глубь своих лежанок, пытаясь всем телом вжаться в стену. Громко, по-фински, я прокричал, чтобы все слезли со своих мест, встали ко мне спиной и, широко расставив ноги и вытянув руки, упёрлись ими в потолок. Высота помещения была чуть больше двух метров. Финны, бестолково суетясь, выполнили это приказание. После этого в дело вступил Шерхан, он ремнями, снятыми с ружей, стоящих в пирамиде, связывал пленных. Небольшая заминка у него вышла с последним финном. Это был настоящий гигант, головой он почти доставал брёвна перекрытий. Отойдя от шока, он попытался было сопротивляться Шерхану. Но тут подскочил я и со всего маху стукнул его стволом автомата в район почек. По-видимому, это было очень болезненно, он громко охнул и согнулся буквально пополам. После этого Наиль уже беспрепятственно связал ему руки.

Итак, все пленные были благополучно стреножены, всего их было пять человек. Спали они одетыми, только что без тулупов и без своих унт. У всех была гражданская одежда.

«Неплохо, неплохо, – подумал я, – но расслабляться нельзя, нужно в темпе раскручивать этих хуторян. Может, они всё-таки знают, сколько финских войск в деревне и где расположены огневые точки».

Прислонив автомат к пирамиде с ружьями, я сел за стол. Чтобы поместиться на нижней полке нар, мне пришлось отпихнуть одного из пленных к его соплеменникам. Потом я приказал им сесть на другие нары и начал в быстром темпе опрашивать их, одного за другим.

По их словам, а показания каждого были один в один похожи, выходило – они мирные охотники, и здесь их охотничья заимка. Они всю жизнь останавливались в этом месте, когда ходили на охоту. Я ехидно поинтересовался:

– Может быть, у вас тут столько зверья, что мосинские пятизарядки перегреваются? А снайперский прицел на ружье вашего часового это, наверное, для того, чтобы подстрелить какого-нибудь медведя, передвигающегося исключительно по расчищенной близлежащей дороге.

В ответ – лишь невнятные фразы. Умом эти горе-диверсанты явно не блистали. Из всех их ответов, меня порадовал только один, они все проживали в деревне Суомиссалми. Придумать себе для проживания другое место не хватало мозгов. Ни криком, ни крепкими затрещинами я ничего не добился, они опять в один голос утверждали, – из деревни на охоту выбрались очень давно и совершенно не знают, что в их посёлок вступили финские войска. Наконец, мне вся эта белиберда надоела, и я, поднявшись со своего места и направляясь к выходу, сказал Шерхану:

– Наиль, давай готовь вон того, здорового и самого борзого к допросу. Даже не к допросу, а к жесткой экзекуции. Времени нет, поэтому миндальничать не будем. Ломать их будем самым наглядным для всех методом. Придётся тебе опять крутить мошонку вон тому борову. Рот ему затыкать не будем, пусть сумасшедший визг этого, самого здорового из них, продерёт остальных чухонцев до костей. Думаю, уже после этого они свои тупые сказки мне рассказывать не будут. Пока ты всё тут приготовишь, я пойду предупрежу ребят.

И я вышел из блиндажа. Надев лыжи, быстро добрался до красноармейцев. Там, отослав самого шустрого с инструкцией для наших двух рот, приказал Якуту с тремя бойцами очень осторожно следовать вдоль дороги. При подходе к деревне остановиться и ждать

нашего появления. При более раннем обнаружении противника посылать связного. Оставшимся двум красноармейцам поручил внешнюю охрану захваченного логова щюцкоровцев. Колонну я предупредил, что остановка продлится не менее полутора часов, и поручил Шапиро организовать посменный обогрев личного состава в обеих теплушках.

Дождавшись, когда красноармейцы, получившие приказания, разъедутся, я, с двумя оставшимися, добрался до окопа у блиндажа. Там расставил бойцов на самые, по моему мнению, выгодные для наблюдения места. Затем направился на экспресс-допрос захваченных финнов.

В помещении Шерхан уже всё подготовил к проведению этого мероприятия. Антураж блиндажа был весьма зловещ. Тускло светила керосиновая лампа. Пахло кровью, жжёным порохом и мочой. На этом фоне периодически возникающие и из-за приоткрытой дверцы топки печки красные блики пламени, только усугубляли царившую здесь атмосферу ужаса и страха. Зловеще подсвечивая лежащий прямо у входа труп застреленного мной финна. Из его тела всё ещё продолжала сочиться кровь, не впитываясь полностью в землю, она собиралась в небольшую лужицу. Шерхан как-то неудачно отодвинул это тело, и при входе пришлось ступить в эту кровавую лужу. Наиль своим внешним видом как нельзя лучше вписывался в эту жуткую обстановку. Он снял маскхалат и шинель и сейчас стоял в одной, весьма грязной гимнастёрке, с засученными по локоть рукавами. Один только вид его рук вызывал трепет, а уж если поднять взгляд выше и посмотреть на лицо героя, то можно было бы и не проводить никаких спецмероприятий, финны и так бы всё рассказали.

Всю эту жуть дополняла картина опрокинутого стола с привязанным к нему человеком. Наиль ножом буквально располосовал штаны пленного, ставшие похожими на бесформенные тряпки, и сдёрнул их вниз, к коленям. Лицо у здоровяка было всё красное, а под правым глазом уже расцвёл громадный фингал. Намечающиеся синяки были и у двух других из оставшихся четырёх финнов, сидящих напротив этого, с голой задницей. Я заметил, что у Шерхана слегка покраснели фаланги пальцев правой руки, сжатой в кулак. Глядя на эту картину, мне почему-то вспомнились слова одной из поэм Блока: «Да – скифы мы, да – азиаты мы».

И ещё я подумал: эти щюцкоровцы уже всё, готовы, спеклись болезные. Можно обойтись и без радикальных мер. Даже у этого здоровяка уже пропал весь запал и наглость. Наверное, он первый раз в своей жизни испытал такое унижение, помноженное на полное бессилие. Его, такого здорового и, наверное, самого сильного в своей деревне, вдруг на раз-два заломали, побили, привязали к столу и зачем-то сняли штаны. И это ещё не всё, что ему предстоит испытать. Этот страшный рыжий человек приготовил для него какую-то ужасную, запредельно-кошмарную пытку.

Я быстро оценил создавшуюся ситуацию и моральное состояние наших пленных. Но чтобы уж наверняка отбить у них охоту мне врать, решил всё-таки начать допрос с помощью метода, апробированного Шерханом. В прошлый раз он прекрасно зарекомендовал себя. За счёт пытки одного пленного у других развязывался язык так, что приходилось просто задавать им наводящие вопросы. Ценные сведения из финнов лились тогда, как из ведра. Но сейчас я хотел просто окончательно запугать чухонцев нашими методами и показать, что шутить мы не намерены. И что их нежелание сообщать сведения, интересующие меня, чреваты самыми страшными последствиями. Для нужного воздействия мне показалось достаточным, если Шерхан только разрежет штаны у щюцкоровца и раза три крутанёт его мошонку.

Подойдя вплотную к подготовленному для пытки здоровяку, я ладонью слегка шлёпнул его по лицу и задал вопрос о местах размещения финских войск в деревне. В ответ получил какой-то сумбурный, непонятный ответ, из которого ясно было только одно, что он был на охоте и ничего не знает. Выслушав это, я, повернувшись к другим финнам, сказал:

– Что-то ваш товарищ стал очень косноязычен. Не хочет прямо и коротко отвечать на мои вопросы. Тем хуже для него! Сейчас ему будет немножко больно, если это не поможет, то ему будет совсем больно. Потом он станет мне уже совсем неинтересен, а мучения его будут ужасными. Придётся его выкинуть на улицу, чтобы своими воплями не мешал слушать следующего. Если же кто-нибудь вздумает обмануть и дезинформировать меня: назовёт не то количество финских солдат или наврёт о местах их размещения, то он пожалеет, что вообще родился на свет. Мы все сведения проверим, и, если погибнет хоть один русский, то обязательно вернёмся в эту берлогу и продолжим наш разговор. Здесь довольно-таки тепло и уютно, и можно не спеша, по-мужски разобраться с врунами.

После этого, кивнув Наилю, произнёс:

– Шерхан, ты сильно не сжимай и не крути его мошонку, пару-тройку лёгких движений, и всё. Пойманным селянам для прочистки мозгов уже даже намёка достаточно. Да и этого борова жалко окончательно уродовать – ему ещё землю пахать да детей растить. Думаю, после этой ночи они даже косо посмотрят в сторону русского солдата побоятся.

Наиль хмыкнул, согласно кивнул и, повернувшись к пленным, оскалившись, поднёс свой кулак поочередно к носу каждого из сидевших финнов. Потом повернулся к здоровяку, схватил его за причинное место и сдавил его. Раздался громкий вскрик. Шерхан, гаркнув, сдавил второй раз. Жуткий вопль огласил всё помещение блиндажа. Наиль, войдя прямо-таки в инквизиторский азарт, яростно прокричав что-то по-татарски, сделал это в третий раз. Несмотря на дикие вопли здоровяка, Наиль разошёлся не на шутку и уже собирался начинать крутить мошонку, но я перехватил его руку. Повернув Шерхана к себе, я сначала его сильно встряхнул, а потом гаркнул прямо ему в лицо:

– Красноармеец Асаенов, почему приказы не выполняете? Тебе было приказано – сдавить три раза, значит, три, и не хрен тут самодеятельностью заниматься. Сейчас давай реанимируй этого дылду и больше, без моего приказа, даже пальцем этих пленных не касайся. Ишь, какой потомок Чингисхана выискался!

После этих слов Шерхан будто опомнился и опять превратился в простого, немного флегматичного, дисциплинированного красноармейца. Взглянув на меня прояснившимися глазами, он произнёс:

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

Потом повернулся к финну и начал шлёпать своими громадными ладонями ему по щекам. Раздался пронзительный вскрик пленного, и тут же стало тихо. Здоровяк окончательно потерял сознание. Когда мы, вдвоём с Наилем, начали его вытаскивать на улицу, чтобы шюцкоровец там пришёл в себя, я обратил внимание на кровь, обильно льющуюся у него изо рта. Наш клиент от невыносимой боли почти откусил себе нижнюю губу.

Закончив вынос тела, Шерхан, уже в одиночку, отконвоировал трёх финнов из блиндажа и остался там их караулить. Я решил допрашивать пленных по одному. Совсем ни к чему было, чтобы они знали, что говорит их товарищ. Так же, как и в прошлый раз, допрос превратился в чистую формальность. По каждому вопросу я получал подробный и ясный ответ. Ни один финн даже и не пытался запертаться.

Узнав численный состав финских войск, места расположения огневых точек и блокпостов, я задумался. Получалось, что в деревне находилось больше трёх батальонов пехоты и ещё к тому же девять танков. Артиллерии тоже хватало, кроме трёх тяжёлых артиллерийских батарей с 120 мм орудиями, было две батареи дивизионных пушек и 18 зенитных автоматических пушек «Бофорс». Всё это скопление войск окружало восемь блокпостов. На каждом блокпосту находилось по взводу егерей, по два станковых пулемёта «максим», и кроме этого, были установлены по два «Бофорса». Правда, это были не зенитные автоматические 40 мм пушки, а 37 мм противотанковые орудия.

Одним словом, от этих сведений у меня волосы на голове зашевелились. Такие силы были явно не по зубам нашему полку, да что там полку – вся дивизия застряла бы у несчастной деревни не меньше чем на неделю. Да и то не факт, что за это время, по такому снегу, она сбила бы заслон финнов. Оборона у финнов была хорошо подготовлена: выкопаны окопы, блиндажи, оборудованы огневые точки. Я был удивлён и наличием у них танков. По слухам, ходившим среди командиров, у Финляндии всего-то было сто танков. В основном это были устаревшие «Рено», правда были и «Виккерсы». Финны оснастили их 37 мм пушкой «Бофорс», а вместо пулемётов «Гочкисов» были установлены ПП «Суоми». Вот именно эти танки и находились в деревне. Исходя из полученных данных, 44-й дивизии оставалось существовать не более двух суток и то, если повезёт и не вдарят сильные морозы. Финнам для уничтожения дивизии и делать-то особо ничего не надо, мороз всё сделает за них.

Финские войска были хорошо отдохнувшие, и все размещались в тёплых помещениях. Деревня была довольно большая, можно сказать, скорее даже посёлок, в котором были: мебельная фабрика, школа, магистратура и прочее. Вот в таких больших помещениях и располагались основные силы финнов. Штаб всей обороны находился в кирхе. Все блокпосты и основные узлы обороны были связаны проводными телефонами со штабом.

Хотелось буквально выть от бессилия, когда я разглядывал схемы расположения финских войск. Присутствующая во мне дедовская сущность давно уже покорно сложила лапки. Рекомендация была только одна – полностью довериться начальству и постараться как-то выжить во время атак. Однако личностная сущность, воспитанная в эскадроне, не хотела мириться с этой безысходностью. Тех, кто не был готов бороться до конца, там просто не держали. Безвыходных ситуаций в эскадроне тоже не признавали. Если бы это было не так, то при тотальном превосходстве немцев никакого бы сопротивления просто не существовало.

Сидя у печки, я тупо разглядывал, установленные в пирамиде винтовки Мосина. Потом мой взгляд остановился на штыках к ним. Они были свалены в углу. Я почему-то начал размышлять, зачем этим шюцкоровцам штыки? Потом пришёл к выводу, что этим крестьянам их вручили, когда выдавали винтовки, а они их сняли и бросили здесь в углу. Остановился взгляд и на добротных тулупах, вот они наверняка их собственные, вряд ли такие можно получить у властей. Все эти мысли ни о чём вдруг озарились ясным решением. Я ещё раз оглядел схемы и карту. Потом встал, облачился в шинель и маскхалат и вышел из блиндажа.

Глава 9

В окопе было тесно от большого количества собравшихся там людей. Пленные сбились в одну кучу, стараясь согреться. Шерхан вывел их на улицу без верхней одежды, и они уже порядком намёрзлись. Я с удовлетворением увидел, что даже здоровый финн очухался и стоит вместе с другими пленными.

«Значит, мы его не так уж и изуродовали», – подумалось мне.

Приказав Шерхану вместе с ещё одним красноармейцем завести пленных в блиндаж, дать им одеться, а потом вывести на улицу, я с наслаждением закурил трофейную сигарету. На мой вкус они были похуже, чем мой любимый «Казбек», но всё же лучше, чем обычная махорка. Последнее время приходилось крутить козьи ножки с этим горлодёром. Папиросы обещали завести не раньше чем через неделю. Поэтому я с таким энтузиазмом и конфисковал у финских егерей три пачки американских сигарет. А если сказать прямо, не удержался и реквизирует у их командира ещё и швейцарские часы в золотом корпусе. Их я был намерен переслать жене. Видел, как и Шерхан забирал у егерей самые ценные вещи. Я не протестовал, в моём эскадроне позволялось некоторые добытые вещи забирать себе, там это называли хабаром.

Тем временем финнов вывели на улицу, они надели лыжи, затем мы их связали в одну цепочку и начали загружать трофеями. Складывали всё в их же рюкзаки, туда загрузили найденные продукты, боеприпасы и бутылки с зажигательной смесью. В блиндаже этих бутылок обнаружилось довольно много, целых семьдесят две штуки. Эти бутылки с зажигательной смесью несколько отличались от тех, которые я видел раньше. Вместо прикреплённых к горлышку двух долгогорящих спичек, внутрь бутылки была вставлена длинная хрупкая ампула. Как пояснили пленные, в ампулу была залита самовоспламеняющаяся жидкость. И теперь, как они выразились, «полторулло» не нужно было поджигать. Достаточно было просто кинуть бутылку – когда она разбивалась, жидкость сама воспламенялась. Винтовки и штыки я поручил везти красноармейцам, а пулемёт Шерхану. Когда мы в таком виде отправились обратно к нашей колонне, это зрелище очень напоминало невольничий караван, я в нём шёл замыкающим.

Добравшись до роты, первым делом разослал связных с приказом, чтобы все командиры взводов прибыли в мой штаб. Во вторую роту, Валере Сомову, тоже направил красноармейца с приглашением срочно прибыть с взводными ко мне на совещание. После этого написал донесение в штаб батальона. Его я собирался отправить вместе с пленными, но только после того, как мы начнём выполнять возникший в моей голове план. Боялся, что командование ни за что не решится одобрить эту авантюру.

Еще бы, ведь я собирался двумя неполными ротами напасть на, считай, прилично усиленный полк. К тому же финны находились на заранее подготовленной позиции, хорошо знали местность и наверняка пристреляли все ориентиры. По всем военным канонам, как пыталась меня вразумить память моего деда, это был бред сумасшедшего. Для штурма этого посёлка нужно было не меньше дивизии, усиленной парой арtpолков и танковым батальоном. А тут – двести измученных холодом и недосыпанием мужиков собираются порвать более трёх тысяч хорошо подготовленных, сытых и хорошо отдохнувших в тепле финских бойцов. При этом если сравнивать наше вооружение и его качество с финским, становилось совсем тошно. У финнов пулемётов было больше, чем у нас винтовок СВТ. Любому нормальному человеку становилось ясно – эта операция невозможна и самоубийственна. Как говорится – безумству храбрых поём мы песню, и эта песня – реквием.

Но я думал иначе, опыт Русского сопротивления говорил, что неожиданный удар по самым важным пунктам обороны может оказаться успешным, несмотря на громадное пре-

восходство противника. В эскадроне все военные операции были именно такими. Численность немцев в десятки, если не в сотни раз превосходила наши силы, но мы нередко побеждали, или, по крайней мере, наносили очень ощутимый урон противнику. Все эти операции носили диверсионный, партизанский характер, никогда эскадрон не шёл на прямое, линейное боестолкновение с противником. Тем более когда у него было тяжёлое вооружение. Сейчас нашим ротам вполне можно было воспользоваться теми методами.

О нас финны ничего не знали, значит, элемент неожиданности присутствовал. Нашим ротам нужно было незаметно проникнуть в расположение противника и неожиданным ударом по сонным финнам постараться уничтожить их как можно больше. Кроме костёла и фабричного здания, все строения, где на ночь были размещены финны, были деревянные, а значит, хорошо горели. Да и у фабричного здания перекрытия были деревянные. К тому же это была мебельная фабрика, и наверняка внутри оставалось много дерева и лакокрасочных материалов. У нас же теперь было много бутылок с зажигательной смесью, а также пулемётов и автоматов. То есть мы вполне могли устроить для финнов несколько хороших крематориев, а после поджога зданий автоматическим огнём не дать им оттуда выбраться.

Я собирался все крупные места расположения финнов окружить, установить там по два пулемёта и закидать окна гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Чтобы создать большую плотность огня, был намерен раздать все трофейные автоматы красноармейцам моей роты. Они, по крайней мере, за время стоянки научились их перезаряжать, нажимать на курок и снимать с предохранителя. Большой меткости при стрельбе по зданию и не требовалось. Для уничтожения противника в каменных зданиях был намерен использовать наши трофейные пушки.

Сил было мало, поэтому я решил на войска, расположенные в частном секторе, не обращать внимания. Просто на перекрёстках поставить по несколько стрелков, которые должны были открывать огонь вдоль улиц, если заметят какое-нибудь шевеление. Ещё по частному сектору могут постреливать и миномёты, но основная их цель – это артиллерийские позиции. Все ориентиры, где находились батареи, я, по показаниям пленных, тщательно зафиксировал.

Основные опасения в этом ночном бою у меня вызывали егеря, расположенные на блокпостах, и танки. И у тех и у других были ночные часовые. Егеря были самыми подготовленными бойцами у финнов и, в принципе, всегда находились в полной боеготовности. Танковая часть состояла из финнов с немалой примесью немцев. Командовал этой танковой ротой бывший обер-лейтенант немецкой армии, и он просто тупо выполнял свои уставы, не доверяя финской охране. Охрана же всего этого воинского контингента была построена на системе блокпостов. Именно егеря осуществляли охрану всех подходов к посёлку. В самой деревне круглосуточный пост был только у костёла, именно там располагался объединённый штаб.

Весь мой план строился, опираясь именно на эту схему охраны. Я хотел небольшой группой, переодетой в шюцкоровцев, проникнуть на один из их блокпостов. Там потихому уничтожить всех финнов и обеими ротами просочиться в деревню. Зона ответственности каждого блокпоста составляла четыре километра. Поэтому, уничтожив один пост, можно было спокойно попасть в деревню, и никто больше не поднял бы тревоги до самого момента открытия огня. Могут среагировать часовые у штаба и на площади у местной пивной, где располагались танкисты. С этими часовыми, которые находились совсем недалеко друг от друга, я решил разобраться при помощи снайперов. Подкрасться к ним незаметно, чтобы взять на нож, было очень проблематично. А единичные выстрелы могли быть и не замечены, так как расположенные совсем недалеко гаубичные батареи вели непрерывный, беспокоящий огонь в сторону прорывающейся 44-й дивизии.

Весь этот план возник у меня в голове в блиндаже у шюцкоровцев. Первоначально, когда я проанализировал все известные факты, у меня наступило оцепенение. Потом это состояние сменилось яростью и диким протестом – я совсем не хотел идти на заклание. А именно сопоставление всех деталей сложившейся обстановки говорило о том, что и наша дивизия движется к полной гибели, следом за сорок четвёртой.

Главной задачей 44-й дивизии была – деблокировать 163-ю стрелковую дивизию. Но её бойцы, спешащие на помощь товарищам, так же, как и мы, наткнулись на сильно укреплённый опорный пункт. Финны дали 44-й дивизии возможность спокойно двигаться по дороге на Раате. Когда она растянулась на этой дороге более чем на двадцать километров – мышеловка захлопнулась. Фланговыми ударами финны разделили 44-ю дивизию на пять частей и методично начали их уничтожать.

Примерно то же самое осуществлялось и сейчас. На нашем пути к 44-й дивизии держали оборону крупные воинские контингенты регулярной армии финнов, а также шюцкоровцы. Кроме того, формировался мощный отсечный опорный пункт. Оставалось только заманить нашу дивизию к деревне, связать её боями, а затем перекрыть силами Скандинавского корпуса единственную дорогу. Свободных сил у армии, чтобы выручать нас, уже не было, а пока подойдут свежие войска из Ленинграда, мы уже при таком холоде вымерзнем, как мамонты. Этот вывод я сделал из следующих данных.

Во-первых, это, конечно, сведения, полученные от пленных. Меня первоначально несколько удивило задание, полученное шюцкоровцами. А именно – они должны были в течение суток беспрепятственно пропускать русские военные колонны. Потом, активизировавшись, не только заняться снайперским отстрелом красноармейцев, но и внезапным ударом постараться уничтожить технику, чтобы перекрыть дорогу. Для этого им и выделили так много бутылок с зажигательной смесью. Они должны были рассредоточиться вдоль дороги и закидать этими бутылками какую-нибудь автомобильную колонну. В бутылки была залита самовозгорающаяся жидкость, никаких фитилей поджигать было не надо. Таким образом, получалось, что мы должны были беспрепятственно пройти до самой деревни, и только моя маразматичная подозрительность и охотничьи навыки Якута позволили нам на них наткнуться.

Во-вторых, при осмотре позиций разгромленной нами шведской роты меня удивило наличие хорошо оборудованных позиций со стороны деревни Суомиссалми. Тогда я считал, что всё это подготовлено на случай окружения шведов и с учётом прибытия подкреплений. О скором появлении новых частей Скандинавского корпуса рассказывали пленные финские егеря. Сейчас я думал немного иначе. Скорее всего, готовился мощный опорный пункт для отражения атак, как со стороны нашей дивизии, так и со стороны советских войск, пытающихся нас деблокировать. Жалко, что не удалось захватить для допроса командование этих шведов. Наверняка у них тоже был приказ, беспрепятственно пропускать в течение суток все войска,двигающиеся в сторону Суомиссалми.

Опять получалось, что эта засада была не против нашего батальона. И обнаружена она мной совершенно случайно. При обычном движении наших колонн боковое охранение осуществлялось на расстоянии метров ста от трассы. И если бы тогда я не залез в глубь леса, мы бы спокойно проехали мимо шведов. Лесной массив, где располагалась эта засада, отстоял от дороги примерно на триста метров. Причина, которая тогда меня заставила углубиться в лесной массив – какое-то смутное беспокойство и ощущение, что за мной наблюдают. Ещё я, как мне тогда показалось, уловил отблеск, как бы отражённый от стекла, и у меня сразу же возникло подозрение, что в рощице на краю поля засели финны. Поэтому и решил не пытаться переть напрямик, а зайти со стороны леса, чтобы проверить своё предположение.

Когда у меня созрело понимание того, что мы всей дивизией сами залезаем в мешок, я начал судорожно искать выход. Успокаиваться тем, что мы ликвидировали крышку от намечающегося нас захлопнуть котла, не стоило, ведь было неизвестно – единственный ли это опорный пункт. Мы вполне могли пройти мимо и не заметить аналогичные засады. Например, из допроса шюцкоровцев я выяснил, что из их подразделения на эту дорогу с таким же заданием вышло ещё пять групп.

За те десять минут, которые я в одиночестве провёл в блиндаже, разглядывая амуницию шюцкоровцев, в моей голове полностью сформировался план нашей атаки. А разглядывая тулупы финнов, я понял, как незаметно приблизиться к часовым егерского блокпоста. Тем более я узнал сегодняшний пароль на проход. Нужно переодеться в одежду шюцкоровцев, под этим прикрытием приблизиться вплотную к часовому и холодным оружием его уничтожить. А потом уже вырезать остальных сонных финнов.

Во всём этом плане была масса прорех, например, у блокпоста наверняка находится не один часовой, а гораздо больше. Всё-таки зона ответственности у каждого блокпоста составляла четыре километра. Чтобы надёжно перекрыть всю эту линию, нужно было не менее двух-трёх постов. И к тому же это были профессионалы, и охрана на каждой точке, как можно было предположить, осуществляется парой егерей. Людей там для организации круглосуточной охраны тремя парами вполне достаточно. Переодевшись и притворившись шюцкоровцами, мы могли, конечно, уничтожить один пост, да и то только потому, что они сами к нам выйдут, хотя бы для того, чтобы спросить пароль, ведь официального КПП там не было. Был только коридор, рекомендованный для прохода возвращающихся с задания диверсионных групп.

А где мы в этом ночном лесу будем искать другие посты егерей? Это был вопрос и, как я ни старался, но ответа на него никак не мог найти. А от этого зависел успех всей операции, ведь при малейшем шуме или намёке на опасность оставшиеся часовые своей стрельбой наверняка поднимут тревогу в деревне. И тогда весь мой план летел в тартарары. Нам удалось бы только уничтожить всего один блокпост и всё. Остальная группировка была бы нам не по зубам.

На случай такого развития ситуации оставалось только попытаться пробиться к расположению танков и артиллерийских батарей, в надежде их уничтожить. В темноте, при сонной неразберихе и бардаке вариант такой был. Кто-нибудь из нас мог выжить, добраться до этих объектов и закидать их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Кто же попадёт под финскую пулю – тому вечная память. Всё нашей дивизии будет легче сбить этот заслон и прорваться к 44-й дивизии. К тому же если наши роты уничтожат хотя бы один блокпост и вызовут на себя огонь со стороны деревни, то, значит, мы полностью выполним приказ командования. Успокоив этими мыслями все свои тревоги, я и начал действовать.

Когда в моей теплушке собрались все командиры взводов, я никому не стал ничего объяснять, делиться своими сомнениями и советоваться. Просто по карте и по нарисованным мной схемам начал ставить задачи для каждого взвода. На правах командира второй роты Валера Сомов попытался что-то сказать про гигантское численное превосходство финнов и про то, что эту деревню нужно штурмовать, по крайней мере, полком. Но я его оборвал, заявив:

– Товарищ Сомов, ты понимаешь, что твои рассуждения хороши где-нибудь в тёплой аудитории военной академии. А у нас есть приказ, пробиться к 44-й дивизии любой ценой. Там ребята уже целую неделю на морозе спят по несколько часов в день в подснежных берлогах, пробиваясь сквозь финские кордоны. Сил и боеприпасов у них практически не осталось. Теперь только от нас, а именно от решительного действия наших рот зависит, выживут они или нет. Поэтому, на мне, да и на каждом из нас висят жизни нескольких тысяч наших

братьев. Когда здесь соберутся все части нашего полка, будет уже слишком поздно. Умрём, но спасём замерзающих красноармейцев 44-й дивизии.

Моё заявление больше всего понравилось Шапиро. Он даже встал и патетически произнёс:

– Ты прав, командир! Смерть буржуям!

После этого ставить под сомнение мои выкладки желающих не нашлось. Вся моя затея, конечно, отдавала полной партизанщиной, но по большому счёту делать было нечего. Нужно было любыми путями спасти людей, ну в том числе, конечно, и себя от верной гибели. Я рассуждал так, если даже ситуация пойдёт по неблагоприятному сценарию, лучше всего – активно действовать. В противном случае предстояли мучительные ночёвки при всё более понижающейся температуре и непрерывные, бессмысленные атаки на пулемётные точки финнов. Гибель друзей и в конечном итоге собственная смерть. Другие варианты, если действовать по правилам и по уставу, были нереальны. Конечно, эти мысли я никому не высказывал. Все думали, что я подчиняюсь распоряжениям вышестоящих командиров.

После обсуждения действий штурмовых отрядов был определён их количественный состав. Кроме формирования этих отрядов, из роты Сомова было выделено четыре отделения, для создания шести групп. Они должны были оседлать все перекрёстки посёлка, все группы были усилены автоматчиками из взвода Кузнецова. Каждый штурмовой отряд был снабжён бутылками с зажигательной смесью. Самое большое количество бутылок получил отряд, направляемый на уничтожение танков – по две бутылки на каждый танк. Командовать этим отрядом должен был я. Обстановка так складывалась, что мне, вместо того чтобы сидеть на наблюдательном пункте и дирижировать ходом боёв, приходилось лезть в самое пекло. Даже в передовой группе, которая должна была ликвидировать охрану блокпоста, я должен был присутствовать, ведь только я знал финский язык и мог на нём объясняться. Правда, его понимал ещё один красноармеец моей роты, но что-нибудь связное произнести по-фински он не мог.

Когда мы закончили обсуждения, и все присутствующие перерисовали схемы нахождения своих объектов атаки, время на моих часах подошло к половине первого ночи. Пора было начинать наше движение. Исходя из дедовского и своего опыта, я посчитал, что лучшее время нападения на финский гарнизон, четыре часа утра. А нам нужно было ещё добраться до блокпоста, обезвредить егерей и незаметно пробраться в деревню. До первых часовых придорожного, самого крупного блокпоста нам оставалось проехать чуть меньше пяти километров. Этот блокпост был в два раза крупнее, чем другие. В шести больших блиндажах располагались два взвода егерей, четыре расчёта пушек «Бофорс», пулемётчики четырёх станковых «максимов» и два расчёта ротных 50-мм миномёта. В принципе, только один этот блокпост мог остановить весь наш батальон и не на один день.

Формирование и довооружение штурмовых групп заняло больше часа. Первая группа, состоящая из шести человек, во главе со мной, тронулась в путь только в половине второго ночи. Количество бойцов, входящих в эту группу, соответствовало числу шюцкоровцев, обезвреженных нами. Для более точного зрительного совпадения в состав передового отряда мною был включён красноармеец из третьего взвода нашей роты Будкеев. Это был самый здоровый и высокий боец во всех двух ротах. Его рост составлял два метра семь сантиметров. Издали он очень напоминал здоровяка финна. Я считал, что в темноте, когда лица различить почти невозможно, его фигура выгодно будет приковывать внимание. Ведь в проходившей недавно через этот пост группе шюцкоровцев здоровяка наверняка запомнили. И теперь часовые уже автоматически будут воспринимать нас как своих и подпустят на близкое расстояние. А там уже, как говорится – дело техники (ножа, штыка, лыжных палок или страшных рук Шерхана).

На меня произвело очень большое впечатление, когда Наиль одним ударом кулака вырубил финского егеря. Поэтому в этом рейде я на него очень полагался, и он ехал непосредственно за мной. Первым в нашей небольшой цепочке двигался я, именно мне предстояли разговоры с финскими часовыми. В карманах трофейного маскхалата у меня лежали заранее приготовленные средства нападения – трофейный финский нож, наган и две гранаты Ф-1. За плечами болталась винтовка Мосина с примкнутым штыком.

Этими трофейными винтовками и была вооружена наша группа, и ехали все с примкнутыми штыками. Как я узнал у пленных, именно в таком виде они проезжали блокпост. Штыки сняли только в блиндаже, так как в штыковую атаку никто ходить не собирался. Раньше, после получения винтовок, бойцы вынуждены были ходить с примкнутым штыком. Это было связано с личностью командира их добровольческого батальона. В прошлом он был офицером царской армии и являлся большим фанатом штыкового боя, и в процессе обучения добровольцев процентов сорок времени было занято отработкой его приёмов.

Сейчас я был только благодарен этому бывшему царскому офицеру за такой подарок. Наличие примкнутого штыка снимало кучу проблем по бесшумному уничтожению часовых. Единственное, что вызывало опасение, это момент снятия винтовки с плеча. Везти же её всё время в руках было весьма чревато. Часовой, автоматически насторожится, увидев в руках оружие. Другое дело, вид бойцов с винтовками, висящими за плечами, это должно в какой-то мере расслабить часового. Он, может быть, уже не будет так пристально следить за руками приближающихся к нему людей и за тем, что в них появится. Поэтому я решил обезвредить часового с помощью ножа, а Шерхан вез с собой завёрнутый в мешковину топор. Как он сказал:

– Мне, товарищ лейтенант, как-то сподручнее действовать топором, чем ножом. Даже вблизи, ножом, хрен проткнёшь финский тулуп, а по горлу в спешке, попробуй попади. А если уж на расстоянии, то нож, вообще, бесполезная игрушка, а топором я метров с десяти заеду прямо в голову, если уж не остриём, то обухом, точно. Финну, я думаю, будет всё равно, в любом случае, он направится дорогой мёртвых прямо в свой буржуйский ад.

Я не стал с ним спорить и настаивать, чтобы выбрал другое оружие. Тем более топор, закрытый мешковиной, совершенно не походил на оружие и не вызывал никаких опасений.

Скорость движения у нас была приличная. Ярко светила луна, и для ночного времени видимость была прекрасная. Было не очень холодно, по моим ощущениям, температура была в районе десяти градусов ниже нуля. Минут через двадцать пять с начала нашего движения раздался свист, и со стороны деревьев возникла фигура человека в маскхалате. Я притормозил и уже не спеша подъехал к появившемуся перед нами финну. Он стоял на лыжах, без лыжных палок, на груди у него висел автомат «Суоми», направленный прямо на нас.

Остановившись от него на расстоянии метров пяти, я, не дожидаясь вопросов, назвал сегодняшний пароль. Финн принял это как должное, сплюнул и, как старый знакомый, спросил:

– А что вы возвращаетесь так рано? Только днём уехали, и уже обратно. Уже загрузились скальпами краснопёрых? Везёт же добровольцам – выехал на несколько часов, набил сколько надо русских и домой, на печку. А тут, как привязанный, стоишь на холоде и только и делаешь, что провожаешь счастливых. Женского тела уже месяц не нюхал. Раньше хоть спали в нормальных условиях, а сейчас уже несколько дней живём, как дикари. Загнали в тесные берлоги, где постоянно воняет потом, и нужно затыкать уши, чтобы не слышать этот ужасный храп. Скорей бы как следует надавать по морде этим азиатам и получить свои деньги.

Я, приблизившись к этому часовому почти вплотную, ответил:

– Да нет, русских мы даже не видели, какие уж тут скальпы. Встретили шведов из Скандинавского корпуса. Но их главный, капитан Андерсон, чтобы не мешались, отправил

нас обратно. Также приказал отвезти его письменный доклад в штаб. Кстати, у него встретили наших егерей, их командир, Кайконен, кажется, попросил передать на въездном посту свой проигрыш.

Я вытащил из кармана две пачки американских сигарет и протянул часовому. Тот, с небольшой заминкой, протянул руку и забрал пачки. А я между тем продолжил:

– Он какому-то Матти проиграл, с вашего блокпоста. Тебя случайно не Матти зовут?

Часовой отрицательно покачал головой. А я задал следующий вопрос:

– Может быть, это твоему напарнику полагается?

Часовой на это моё предположение ответил:

– Да нет, его Тайво зовут – Тайво Лехтинен. Матти с Арво сейчас дежурят вон у той высокой сосны.

Часовой указал рукой с зажатыми в ней сигаретами на верхушку сосны, еле виднеющейся вдалеке. Я между тем, как будто что-то вспоминая, повторил:

– Тайво Лехтинен...

Потом стукнул себя по голове снятой vareжкой и воскликнул:

– Ну точно, Тайво Лехтинен! Урхо Кайконен и ему просил передать одну вещь, правда, я не заглядывал в этот свёрток, не знаю, что там.

В этот момент метрах в десяти от нас материализовалась ещё одна фигура человека. В руках у него тоже был автомат, направленный на нас. Остановившись около одного из деревьев, он крикнул:

– Армас, что нужно этому шюцу? Какого чёрта он выкрикивает моё имя?

Стоящий рядом со мной часовой ответил своему напарнику:

– Да тут капрал из третьей роты, помнишь его, Урхо Кайконен, крепкий такой мужик, ещё его группу подчинили капитану Андерсону, вот он передаёт свой картёжный долг. Странно, правда, как он мог проиграть такому раздолбаю, как Матти, но – пути Господни неисповедимы. Урхо, как настоящий мужчина, перед боем раздаёт все свои долги. Этот шюц-коровец привёз и для тебя какой-то пакет.

Чтобы финны не начали выяснять, почему одному из них полагается какой-то свёрток, я громко воскликнул:

– Тайво, капрал просил передать свёрток тебе лично в руки.

Потом, повернувшись к Наилю, тоже по-фински громко произнёс:

– Шерхан, иди передай господину егерю свёрток, который тебе вручил капрал.

Слово шерхан было командой Наилю, что пришло время действовать. И что он должен обезвредить второго финна. Шерхан, оставив лыжные палки, достал свёрток и направился к дальнему часовому, который, явно удивившись сложившейся ситуации и потеряв дар речи, сделал несколько шагов прямо к приближающемуся к нему шюцкоровцу. Любопытство и жадность победили осторожность, и он, как удав на кролика, смотрел на приближающийся к нему свёрток.

Я не досмотрел окончания этой драмы, дождался только момента, когда Шерхан, приблизившись, скинул мешковину с топора. Я только краем глаза уловил отблеск стали, затем выхватил из кармана финский нож и, снизу вверх, точно под подбородок ударил им стоявшего рядом со мной часового. Потом выпустил из руки нож и оттолкнул финна от себя, чтобы брызнувшая струя крови не запачкала мой маскхалат. Глянув на слегка дёргающееся тело, я обернулся в сторону второго часового. Там тоже было уже всё кончено. Когда я подъехал к Шерхану, то увидел, что он ударом топора почти отделил голову финна от туловища. В отличие от меня, Наиль сработал гораздо чётче. Егерь, к которому приблизился Шерхан со своим необычным оружием, умер мгновенно, даже не дёргаясь.

Глава 10

Оглядев близлежащие подходы к блокпосту и не заметив ничего подозрительного, я взмахом руки подозвал к себе остальных красноармейцев. Когда все собрались вокруг нас с Шерханом, я поставил входящему в нашу группу комвзвода-1 Курочкину новую задачу:

– Ты, Ряба, берёшь трёх бойцов и очень аккуратно выдвигаешься к блиндажам. Там каждый берёт на себя по одному блиндажу, маскируется около вентиляционной трубы, готовит гранаты и замирает. Мы с Шерханом попробуем бесшумно ликвидировать ещё одну пару часовых. Если у нас по-тихому не получится, и начнётся стрельба, тогда каждый кидает в трубу по гранате Ф-1, потом подбегает к двери и бросает внутрь ещё одну лимонку. Только после этого вы начинаете заниматься двумя другими блиндажами. Оставшихся восьми гранат, я думаю, хватит, чтобы там тоже всех успокоить. Не забудь после этого выпустить красную ракету, сигнал для остальных групп к началу действий по плану Б. Если же всё будет тихо, то ждёте нас, и мы вместе постараемся вырезать сонных финнов. Хотя, сдаётся мне, что на этом блокпосту должно быть три пары часовых. Да где же сейчас эту третью пару найдёшь. Ладно, из-за них план менять не будем, лучше постараемся захватить парочку офицеров, вот у них и узнаем, где ещё стоят часовые. Я думаю, Шерхану они в передаче этих сведений не откажут. Если кто будет выходить из блиндажей оправиться, постарайтесь его скрутить по-тихому. Когда я подъеду, мы его быстренько допросим. Если вдруг выйдет разводящий со сменными часовыми, то их нужно кончать тоже без стрельбы. Огонь открывать только в том случае, если не получится заколоть их штыками.

Ряба молча кивнул, козырнул, при этом чуть не заехал мне лыжной палкой по ноге и направился вместе с ещё тремя красноармейцами в сторону блиндажей.

А я подъехал к убитому мной егерю, выдернул из его тела свой нож, вытер его об маскхалат финна и положил в карман. Потом вытащил из его неподвижной руки упаковку с сигаретами. Они тоже были слегка забрызганы кровью, пришлось опять использовать егерский маскхалат как тряпку. Шерхан таким же образом привёл в порядок свой топор и завернул его снова в мешковину. После этого мы направились в сторону той высокой сосны, на которую указывал уничтоженный мной часовой.

Метров за пятьдесят от нужного нам дерева я на финском языке начал имитировать разговор сдвигающимся чуть позади товарищем:

– Кари, представляешь? Капрал передал Тайво Лектинену целый блок американских сигарет, а нам – хрен что выделил со своей добычи. Видишь ли, они элита, егеря, а мы так – погулять вышли! Ладно, сейчас выполним просьбу Армаса, потом в штаб, и можно будет поехать домой, хоть по-человечески выспаться. Этот Армас, видишь ли, какая цаца – ответите, говорит, две пачки Арво с Матти, мне пост покидать нельзя. Нашли гонцов – у нас, между прочим, своё задание есть. Сам капитан Андерсон поручил передать пакет в штаб. Эти егеря совсем загордились, думают, надели военную форму и можно помыкать крестьянами. Да, между прочим, я до этой войны по десятку таких парней нанимал на работу в своё хозяйство.

Когда мы подъехали к сосне, я прервал свой монолог, остановился и огляделся. Нигде не было видно ничего подозрительного, кроме многочисленных лыжных следов. Прислушиваться было без толку. Все лесные звуки заглушала артиллерийская стрельба. Стреляли поорудийно и довольно часто. Сняв с плеча винтовку, я постучал прикладом по дереву, потом крикнул:

– Эй, Арво, Матти, выходите! Я долго ждать не буду, нам некогда, в штаб нужно ехать.

Неожиданно, от стоящего метрах в семи от нас дерева отделилась человеческая фигура с автоматом. Этот внезапно появившийся егерь подъехал ко мне метра на полтора и не очень громко произнёс:

– Вы что кричите на весь лес? Теперь уже, наверное, половина округа знает, что вы везёте секретный пакет в штаб. Что, порядка не знаете? Соблюдать тишину, при приближении к посту выкрикнуть пароль. Влепить бы вам по задницам зарядом мелкой дробы, да жалко дробовика нет. Ну, говорите, какой на сегодня пароль?

Я тут же назвал нужное слово, а потом воскликнул:

– Какая, к чёрту, тишина! Тут впору ходить с заткнутыми ушами. Эта канонада уже всех достала. Мало того что всё зверьё разбежалось, так ещё и надои у коров снизились. Трудно стало жить, я за последние две недели ни одного кабанчика не добыл, в лесу совсем пусто стало. Вам то что, сидите себе на бесплатном пайке и в ус не дуετε, к тому же ещё трофеями разживаетесь, а тут – семью кормить надо. Ладно, хватит болтать, как пишет мне уехавший в Америку братец: время – деньги. Зови своего напарника – будете подарки получать. Только не говори, что сам ему передашь, знаю я вас. Каждый хочет себе чужое прикарманить. А я обещал вашему Армасу лично каждому передать его подарки.

От соседнего дерева отделилась ещё одна фигура. Автомат у этого егеря висел на плече, значит, нам он доверял и не ожидал никакого подвоха. Он, ещё не доезжая нас, прокричал:

– Арво, да заканчивай болтать с этим бургером. Забирай передачу, и пускай проваливаются к своим коровам.

В это время я достал из кармана одну пачку сигарет и начал вертеть её в ладони. Когда второй егерь оказался метрах в пяти от Наиля, я крикнул, естественно, по-фински:

– Шерхан, вручи господину егерю подарок, который передал Арво.

Потом повернулся к стоящему рядом финну, подмигнул ему и со словом «лови» бросил пачку сигарет. Егерь машинально её схватил, а я в этот момент, ухватив винтовку крепче, вонзил свой штык ему в область шеи, как раз под адамово яблоко. После этого выдернул трёхлинейку и нанёс ещё один удар, в уже лежащее на снегу тело.

Шерхан тоже хорошо справился со своей ролью. Его объект лежал неподвижно. Действие происходило совсем недалеко от меня, поэтому мне было хорошо видно тело финна с совершенно разmozжённой головой.

Закончив с этим делом, мы, захватив трофейные автоматы и запасные диски к ним, направились к нашим ребятам, засевшим около вражеских блиндажей. Добравшись до них, я еле разыскал Рябу, вернее, он сам возник передо мной, неожиданно преобразившись из сугроба на крыше блиндажа в комвзвода Курочкина. Посоветовавшись с ним, я решил отправить связного за подкреплением. Вшестером уничтожить всех финнов, спавших в блиндажах, было проблематично. Действовать нужно было бесшумно, и гранаты применять было нельзя. Я рассуждал очень просто, если даже в живых ещё остались часовые и если здесь не поднимется шум, то кто-нибудь из них обязательно явится сюда, чтобы узнать, почему их не сменяют. Здесь мы его быстро скрутим, и Шерхан попытается узнать, где находится его напарник. А когда придут красноармейцы, мы с ними вместе по-тихому перебьём всех финнов прямо в их постелях. Допрос в блиндаже, набитом окровавленными трупами твоих товарищей, очень способствует развязыванию языка. Тем более криков из блиндажа слышно не будет. Времени до атаки на деревню, запланированной мной на четыре утра, ещё хватало.

Как только я отправил связного, дверь крайнего блиндажа открылась, и из неё вышли два финна.

Смена одного из караулов, догадался я, значит, они ходят на смену безо всяких разводящих, и каждая пара на свою точку.

Махнув рукой Шерхану, отъехал немного в сторону и встал за дерево, рядом примостился Наиль. Активных действий я решил пока не предпринимать. Сначала важно было

узнать, в каком направлении двинутся егеря. Если в сторону уже уничтоженных нами постов, то этих егерей нужно было быстрее валить, пока они ещё не совсем отошли от сна и не наткнулись на спешащих к нам красноармейцев.

Егеря, надев лыжи и забросив автоматы за спину, направились в ту сторону, где лежали тела убитых нами Матти и Арво. Кивнув Шерхану, я сжал покрепче трёхлинейку и, когда последний финн проезжал метрах в пяти от нашего дерева, резко выкатился и ударил штыком расслабленного егеря прямо в правый бок под печень. Я надеялся, что даже если не проткну полушубок, то удар будет настолько сильным, что вызовет болевой шок. А пока финн будет отходить от него, я успею воспользоваться ножом и перережу ему горло.

Штык оказался острым и легко проткнул одежду егеря. Видно, командир шюцкоровцев следил, чтобы его подчинённые ухаживали за любимым им оружием. Укол, правда, оказался не смертельным. Пришлось выдёргивать штык и наносить ещё один удар по скрючившемуся от боли егерю. Второй раз я попал ему прямо в висок. Финн затих, а я, вытащив наган, повернулся к Шерхану.

За оружие я схватился, так как услышал звуки борьбы, сменившиеся какими-то ухающими вскриками. Готовый немедленно стрелять, я повернулся в сторону своего напарника. Шерхан стоял с непонятно откуда взявшимся топором и, как заправской дровосек, с уханьем наносил им удары по лежащему телу егеря. Уже зная взрывной характер Наиля, я понял, что много усилий было прилагать не надо, чтобы разозлить его до такой степени, чтобы он так вошёл в боевой транс и самозабвенно рубил уже мёртвое тело. Поэтому я остановил его резким вскриком, только тогда он прекратил это уже совершенно бесполезное и ничем не оправданное в своей жестокости занятие и повернулся ко мне. На его багровое от злости лицо было страшно смотреть, а глаза выпучились как у безумного и налились кровью. Сплюнув, он, как бы в оправдание, сказал:

– Вёрткий, гад, оказался! Я его вроде пырнул штыком, да видно не туда попал, и он, сука, слез со штыка и попытался кинуться на меня. Хорошо, что я с собой топорик захватил, пришлось им воспользоваться. Товарищ старший лейтенант, разрешите я, вместо этой трёхлинейки, топорик с собой буду носить. Мне с ним как-то сподручней, а то видите, штыком не получается сразу чухонца прищучить, особенно если такой вёрткий попадётся, как этот. Автомат и топор, вот моё оружие, с ними я любого финна разделаю под орех.

– Ладно, Шерхан, договорились. Вижу, что с топором у тебя лучше получается. Только уж очень ты увлекаешься, брат. Нужно спокойнее быть и лучше контролировать окружающую обстановку, а вдруг финн на тебя из-за какого-нибудь дерева вылезет. У него автомат, а у тебя, кроме топора, и нет ничего. Так что, Наиль, держи себя в руках, и тогда тебе как бойцу цены не будет. А сейчас бери трофейный автомат, запасной диск и поехали к нашим. Трёхлинейку тоже захвати, она пригодится, когда будем зачищать блиндажи. Кому-нибудь её передашь, кто хорошо может действовать штыком. Вон Кузе, например, он в одиночку этим штыком весь блиндаж очистит. Ни один финн пикнуть не успеет.

После этого я повернулся, подъехал к заваленному мной егерю, взял его автомат и направился обратно к блиндажам. Чуть отставая, Шерхан следовал прямо за мной. Мы ещё не добрались до места, где нас ожидал Ряба, как опять распахнулась дверь блиндажа и на улицу снова выбрались два финна. Мы отъехали чуть назад и опять затаились за деревьями, ожидая, в каком теперь направлении поедут эти два егеря. Финны были уверены в своей безопасности, громко говорили, шутили и смеялись. Одним словом, вели себя, как на собственной базе в мирное время, вдалеке от начальства.

Когда они встали на лыжи и не спеша поехали в противоположную сторону от уничтоженных нами егерских постов, я понял – нам привалила удача, и сейчас эти два финна доведут нас ещё до одного поста часовых. Мы с Шерханом следовали прямо за ними, держа дистанцию метров в тридцать. За всё время движения егеря даже ни разу не оглядели свой

тыл. Ехали уверенно и достаточно быстро, по довольно хорошо накатанной лыжне. По-видимому, обязанности часовых им уже приелись, превратились в обыденность, и по этому маршруту они ходили не один десяток раз. Нам эта беспечность финнов была только на руку.

Метров через семьсот егеря остановились, и один из них три раза прокричал совой. Буквально через минуту к ним выехали ещё два финна. Я подъехал поближе и встал за деревом метрах в двадцати от этой группы. Мне хотелось услышать, о чём они беседуют. Но даже на таком близком расстоянии слов разобрать было нельзя, они говорили достаточно тихо, к тому же мешали артиллерийские выстрелы. И я подумал, что, может быть, и нет ничего страшного, если придётся разово применить огнестрельное оружие. Тем более в лесу иногда раздавались отдалённые выстрелы из стрелкового оружия. Самое главное, чтобы не произошла перестрелка, вот тогда точно будет ясно, что на пост с часовыми напали русские.

Огромное желание решить все проблемы с этим постом одной автоматной очередью здорово провоцировало и то обстоятельство, что эта группа егерей представляла собой очень уж идеальную мишень. И вот, наконец, я, сняв трофейный автомат с плеча, приготовил его к стрельбе и прицелился. Как только раздался звук орудийного выстрела, я выпустил очередь по финнам. Подкошенные ею, они все, один за другим упали, а я, отбросив автомат и схватив вместо него трёхлинейку, бросился добивать штыком ещё шевелящихся егерей. Покончив с этим, замер и прислушался – всё было как обычно, никаких заметных признаков поднявшейся тревоги не было. Я похвалил себя за наблюдательность. Ведь благодаря тому, что я, долго прислушиваясь к орудийным выстрелам, проанализировал создавшуюся ситуацию, мне удалось уловить одну повторяющуюся закономерность. По-видимому, на месте дислокации одной из батарей орудия стреляли одно за другим. Причём первое начинало гроыхать на секунду раньше, чем остальные три, стрелявшие друг за другом с очень небольшой задержкой. Я специально дождался выстрела первого орудия, после чего и нажал курок автомата.

Долго не задерживаясь у трупов егерей, мы с Шерханом поспешили обратно к блиндажам. Я волновался, что финны могли ещё направить сменные пары часовых. По крайней мере, оставался не сменённым ещё один пост. Если сказать прямо, я беспокоился, что оставшиеся у блиндажей бойцы не сумеют бесшумно ликвидировать выходящих на смену друг другу егерей. Но я зря беспокоился, Ряба с оставшимися красноармейцами с этим поручением блестяще справились. Они закололи штыками вышедших на смену финнов прямо в окопе, подходящем к дверям в блиндаж. Когда мы подъехали, двое красноармейцев как раз занимались тем, что вытаскивали труп одного из егерей из окопа. Ряба в это время контролировал вход в блиндаж.

Когда мы с Шерханом стали помогать оттаскивать трупы финнов подальше от траншеи, появилось подкрепление из моей роты. Это были остальные бойцы из взвода Рябы и взвод Кузнецова. Я, не теряя зря времени на разговоры и рассказы о важности нашей миссии, поставил задачу каждому отделению по зачистке блиндажей. При этом поручил захватить по возможности пару пленных для допроса. Мы с Шерханом остались наверху, контролировать окружающую обстановку.

Первое время, после того как бойцы скрылись внутри – было тихо. Потом из одного из блиндажей донеслись еле слышные звуки выстрелов, затем всё опять стихло. Минут через пять из окопов при блиндажах начали вылезать красноармейцы и подъезжать ко мне. Из каждого такого окопа были вытолкнуты наверх по два человека, одетых в нижнее бельё, но на ногах у них были унты. Пленные, – догадался я, вот же, сволочи, находятся на фронте, а спят, как в санатории. Руки у всех захваченных егерей бы ли связаны, а на лицах были следы хороших оплеух.

Когда пленных подогнали к нам с Шерханом, я, на финском, сразу же задал вопрос: – Есть ли среди вас офицеры?

В ответ – молчание. Тогда я немного переиначил вопрос:

– В каком из блиндажей находились ваши командиры?

И опять ответом мне было молчание. Тогда я выбрал крайнего финна, кивнул Шерхану, чтобы он подошёл к нему поближе ко мне и уже конкретно этому егерю, громким голосом задал вопрос:

– Если хочешь жить, отвечай, в каком из блиндажей находился твой командир?

Финн стоял, насупившись, и ничего не говорил. Тогда я достал револьвер, взвёл курок и, дождавшись очередного артиллерийского залпа, выстрелил ему прямо в голову. Потом я крикнул Шерхану, чтобы он оттащил в сторонку труп и подвёл ко мне следующего по очереди. Новый допрашиваемый нервно косился на мёртвого егеря, но тоже молчал. Опять пришлось стрелять ему в голову. Третий пленный оказался гораздо слабее первых двух. На мой вопрос он сразу же ответил, что у командиров имеются свои два блиндажа, вырытые немного в сторонке от этих шести. Показал он и место, где они находились.

Для меня это была новость. Эти строения можно было заметить только вблизи. Да и пленные шюцкоровцы ничего не говорили про эти блиндажи, наверное, сами про них не знали. Я себя выругал за то, что внимательно не осмотрел место будущей операции. Доверяя только собственной интуиции, я был уверен – пленные шюцкоровцы выложили без утайки всё, что знали. Но знали они не всё, да и во всей нашей операции может ещё встретиться масса неучтённых факторов. И одним из них были эти два блиндажа, набитые офицерами. Если бы мы во время проведения этой операции не захватили пленных, что вполне могло быть, то у себя в тылу оставили бы очень опасную силу – хорошо подготовленных егерских офицеров. А я знал, что один такой боец в бою может запросто уничтожить целое отделение моих красноармейцев. В моей роте, пожалуй, только четверо, включая меня, могли достойно сразиться с этими волками.

На операцию по зачистке офицерских блиндажей я выделил лучших бойцов. В один из блиндажей направил Кузю, Шерхана и ещё двух красноармейцев. В зачистке второго решил сам принять участие, взяв с собой ещё троих бойцов из взвода Рябы. Большого количества красноармейцев, как я посчитал, для этого дела не нужно, только будут мешаться друг другу. Финнов там ночевало не очень много, по полученным от пленного сведениям – в каждом блиндаже по шесть человек. Рябу я оставил для командования наверху. Кроме осуществления контроля над общей обстановкой, он должен был послать связного к нашим основным силам с моим приказом – начинать запланированное выдвижение к объектам атаки. Правда, начало самой атаки я перенёс на двадцать минут позже. Это было связано с непредвиденными задержками. Всё развивалось гораздо медленнее, чем я планировал. Например, захват вот этих офицерских блиндажей отбирал у нас столько драгоценного времени. А так же, несмотря на наступающий цейтнот, я всё же хотел захватить в плен офицеров и потратить на их допрос минут двадцать. Теперь я боялся полагаться полностью на информацию, полученную у шюцкоровцев. Нужно было получить хоть какое-нибудь дополнительное подтверждение этим сведениям.

Первыми в офицерский блиндаж, который должна была захватить наша группа, ворвались два красноармейца из взвода Рябы. Один из них был вооружён трофейной трёхлинейкой с примкнутым штыком. Именно он должен был заколоть сонных офицеров, кроме двоих, которых я собирался брать в плен и прямо в этом же блиндаже устроить им экспресс-допрос. Помочь мне в этом должен был Шерхан, именно ему я поручил доставить в этот блиндаж захваченных их группой пленных. Когда я вслед за красноармейцами заскочил в помещение, то увидел, как боец с трёхлинейкой выдёргивает штык из тела финна, лежащего на полу. В этом небольшом помещении было довольно светло – горело целых две керосиновых лампы. Второй красноармеец стоял наготове с автоматом у небольшой двери в перегородке, разделяющей этот блиндаж на две комнаты.

«Да, опять в моих планах прокол, – подумал я, – какого черта я не удосужился выяснить планировку офицерских блиндажей».

Между тем красноармеец наконец освободил свою винтовку и метнулся к двери, которую перед ним распахнул второй боец с автоматом. Как только штыконосец переступил порог второй комнаты, раздалось несколько пистолетных выстрелов, и он упал. Я, наверное, что-то предчувствуя, а может быть, в силу своей подготовки в эскадроне, держал в руке гранату. Чисто рефлексивно выдернул кольцо и бросил лимонку (гранату Ф-1) в открытую дверь. Сам бросился на пол, под прикрытие тела заколотого финна. Раздался взрыв, буквально через секунду ещё один, потом наступила тишина, нарушаемая только матюками прислонившегося к стенке красноармейца. Автомат его лежал на полу, а сам он зажимал рану на плече. Маскхалат и шинель на левом плече у него была вспорота, наверное, осколком гранаты. Несмотря на то что он зажимал рану здоровой рукой, сквозь пальцы просачивалась кровь – капая на полы маскхалата.

Я, не обращая на него никакого внимания, сразу после второго взрыва подскочил и метнулся в следующую комнату. В руке у меня был взведённый револьвер. Трофейный автомат я оставил на улице, чтобы он не мешал мне двигаться. Сейчас я, конечно, об этом пожалел, как хорошо было бы дать несколько очередей по всему периметру этой тёмной комнаты. Но терять время даже на то, чтобы схватить и подготовить к стрельбе автомат раненого бойца, было нельзя. Вдруг в этой комнате кто-нибудь выжил, он может отойти от шока, вызванного двумя близкими взрывами, и сам начнёт метать гранаты в нашу комнату. О такой опасности говорил второй взрыв. Наверняка это сдетонировала граната финнов.

Ворвавшись в комнату, я, благодаря свету, падающему через открытую дверь, смог увидеть лежащие вповалку на полу шесть тел. Некоторые из этих тел подавали признаки жизни. Пришлось сделать четыре контрольных выстрела, чтобы всё успокоилось. Двое не нуждались в этих выстрелах милосердия. У одного была полностью оторвана голова, у второго не было руки и половины черепа. Скорее всего, они были так изуродованы взрывом собственной гранаты. Видно было, что в этой комнате собрались опытные вояки. Они мгновенно проснулись от шума в предбаннике, молниеносно сориентировались и схватились за оружие. Если бы я хоть на секунду замешкался, граната, взорвавшаяся в руке у одного из финнов, кромсала бы в соседней комнате наши тела. Но военное счастье сегодня оказалось на моей стороне.

После проверки всей комнаты я вышел в светлое помещение. Там уже входящий в мою группу третий красноармеец, сняв шинель и гимнастерку с раненого, собирался его перебинтовывать. Я подошёл и довольно грубо отстранил его. Он собирался перевязывать бинтом плечо вместе с торчавшими из раны остатками исподнего белья. Остатки этой окровавленной ткани представляли довольно неприятное зрелище. И, естественно, ему не хотелось к ним прикасаться. Но я, помня медицинские сведения, полученные мной в эскадроне, знал, что нельзя посторонние, недезинфицированные предметы оставлять в ране на несколько часов. Это грозит гангреной и в конечном итоге полным выпадением этого бойца из борьбы.

Схватив стоящую невдалеке почти полную бутылку с финской водкой, я половину её вылил на плечо раненого красноармейца. Такого, разразившегося вслед моим действиям мата я не слышал никогда за свои две жизни. Тот отборный, трёхэтажный мат, специалистом которого, по всеобщему мнению, был наш Бульба, с этим и рядом не стоял. Здесь было всё гораздо круче и с большим надрывом. Я даже на секунду замешкался, вслушиваясь в эти словосочетания. Но потом всё-таки сосредоточился и пальцами полностью очистил рану от посторонних предметов. Потом, уже не обращая никакого внимания на дикий матерщинный перебор, вылил оставшуюся водку на продолжающую кровоточить рану. После этого хлопнул по плечу рядом стоящего самопровозглашённого санитаря и сказал:

– Ладно, Коль, давай, теперь можешь забинтовывать царапину этому матюгальнику. На поле боя я бы этого орла послал в психическую атаку – он одними только словами вогнал бы противника в дикую протрацию. Финны неделю бы думали, при чём здесь мама и архитектура Хельсинки, с приплетёнными к ним и ко всему прочему Маннергеймом и его егерями.

Красноармеец начал перевязывать всё продолжающего материться раненого, а я, уже не обращая на них внимания, занялся просмотром бумаг, лежащих в командирской полевой сумке. Она висела на вешалке, вместе с верхней одеждой офицеров. В задумчивости просматривая документы, я ходил по оставшемуся свободным пятачку землянки. Забывшись, спотыкнулся о лежащий на полу труп. Выругавшись и злобно пнув ногой ни в чём не повинное тело, решил всё же оттащить его в соседнюю комнату. Заколотый штыком финн по званию был рядовым и являлся, по-видимому, ординарцем одного из убитых офицеров. Убрав тело, я уселся на табуретку и уже спокойно начал изучать найденные бумаги. К этому моменту перевязка раненого была закончена, и оба бойца, чтобы мне не мешать, покинули землянку. С собой наверх они вытащили и убитого красноармейца.

Когда я разглядывал найденную среди прочих документов карту, открылась дверь, и в блиндаж ввалились два связанных финна, потом появился конвоировавший их Шерхан. Доставленные были одеты в одно нижнее бельё, руки у них были спутаны спереди каким-то шнуром. Подталкивая их в спины автоматом, Шерхан подогнал финнов ко мне, а сам сделал шаг назад. Первым делом я, обращаясь к обоим, задал вопрос:

– Мне очень некогда, поэтому не ждите цивилизованного обращения. Мы тем более не совсем цивилизованны, так как по вине Финляндии нас исключили из Лиги Наций. Поэтому, если хотите остаться в живых и не быть изуродованными, быстро отвечайте. Ваши звания и занимаемые должности?

Финн, стоящий ближе всех, посмотрел каким-то отстранённым взглядом, потом вдруг бросился на меня, норовя ударить связанными руками по голове. Пытаясь уклониться, я свалился с табуретки и, уже в падении, выхватил револьвер и всадил две пули в этого офицера. Лёжа на полу, я посмотрел в сторону Шерхана и успел увидеть последние мгновения этой безумной атаки финнов. Наиль попытался перебросить через бедро напавшего на него второго офицера. Захватил он его за шею как-то неудачно, при проведении броска – раздался еле слышный хруст и тело финна обмякло. По-видимому, Наиль сломал этому бывшему офицеру позвоночник в районе шеи.

Всё так же лёжа я перевёл взгляд на напавшего на меня офицера. Его душа тоже уже распрощалась с телом. Итак, вся затея с захватом пленных офицеров, можно сказать, пошла коту под хвост. Теперь уж точно нам придётся надеяться только на данные, полученные от пленных шюцкоровцев. Поднявшись и отряхнувшись, я посмотрел на часы, уже можно было начинать выдвигаться в деревню. Тем более теперь нас на этом блокпосту уже ничего не держало. В принципе, проведённой операцией по уничтожению этого блокпоста я был доволен. Наши потери составили: один человек убитым и один легкораненый. У финнов же восемьдесят два человека были убиты, и десять мы взяли в плен. Нам бы всегда так воевать, тогда никакая фашистская Германия была бы не страшна.

Собрав все документы обратно в сумку, кивнув Шерхану, я вышел из этого блиндажа, моими стараниями превратившегося в склеп. Все наши боевые группы уже собрались на этом блокпосту. Даже обоз был уже здесь. Бульба со своими обозниками деловито шнырял по блиндажам. Подозвав старшину, я поручил ему силами ездовых и поваров, на всякий случай, организовать оборону блокпоста, а также взять под охрану пленных егерей. Потом подозвал всех командиров боевых групп, мы последний раз сверили часы, и я дал команду к началу выдвижения в населённый пункт.

Глава 11

Моя боевая группа состояла из второго отделения первого взвода, Перминова с ручным пулемётом, Якута с трофейным снайперским ружьём и Шерхана. К месту расположения танков мы добрались за двадцать пять минут до начала общей атаки. По деревне двигались, особо не скрываясь, цепочкой, по одной лыжне. Если даже кто и видел нас, то наверняка подумал, что это возвращающееся с задания финское подразделение. В белых маскахалатах мы практически ничем не отличались от егерей.

По-видимому, так подумал и часовой, топтавшийся у входа в кирху – именно там располагался штаб финской группировки. Он прекрасно видел, как мы проскользили по краю площади перед этим храмом. Собаки в деревенских усадьбах брехали, как обычно, безо всякого надрыва. Наверное, они уже привыкли к частому ночному перемещению многочисленных групп чужих людей.

Может быть, нас видел и часовой, ходивший недалеко от входа в здание, где ночевали танкисты. Это был довольно большой двухэтажный дом, на первом этаже которого располагалась местная пивная, а второй использовался как гостиница. Я исходил из предположения, что он нас заметил, так как этот дом находился на краю этой же площади, и некоторое время, пока нас не загородили стоящие танки, мы должны были находиться в поле зрения часового.

Каждое мгновение, пока мы двигались по этой площади, я ожидал окрика, или даже выстрела в нашу сторону. Но всё прошло гладко, никто из часовых даже не насторожился, видядвигающихся метрах в ста от них лыжников. Всё-таки нам помогало то обстоятельство, что части, расположенные в деревне, принадлежали к разным подразделениям. Вдобавок к регулярным частям финской армии здесь же располагался батальон военизированной организации – Шюцкор (охранные отряды). Диверсионно-партизанские группы этого батальона каждую ночь направлялись или возвращались из рейдов по тылам нашей армии.

Я очень рассчитывал на то, что если даже кто и заметит передвижение наших групп, то подумает, что это шюцкоровцы возвращаются с задания. Поэтому строго всем наказал, если вдруг встретится бодрствующий финн, то ни в коем случае не делать никаких угрожающих движений и вскидывать оружие. Максимум, что можно, так это на его оклик издали помахать рукой. А если же он приблизится слишком близко, то нужно нейтрализовать его и только с помощью холодного оружия.

Проехав площадь и углубившись в примыкающую к ней улицу метров на двадцать, мы остановились. После этого я провёл последний инструктаж и определил роль каждого в предстоящей операции. Пятеро красноармейцев должны были сосредоточить свои силы только на уничтожении танков. Не обращая внимания на перестрелку, им нужно было об моторный отсек каждого танка разбить по две бутылки с зажигательной смесью. После того как танки загорятся, эти красноармейцы должны были собраться возле бензозаправщика и полугусеничного бронеавтомобиля, стоявших в небольшом отдалении от места расположения танков. И уже оттуда поддерживать огнём группу, засевшую в пивной и занятую уничтожением живой силы противника. Нейтрализацией танкистов и солдат, входящих в обеспечивающий персонал этой танковой части, должен был заняться я, вместе с Шерханом, Якутом, пулемётчиком и двумя автоматчиками. Сигналом к началу операции будет служить выстрел Якута по часовому.

Бензовоз и бронетранспортёр с крупнокалиберным пулемётом я жечь не хотел. Бензин был очень нужен нашей дивизии. Мой старшина Бульба говорил о недостатке топлива у тыловиков и что на бензин можно выменять хоть «чёрта лысого». Что касается броневи́ка, то когда я его увидел, то в голове сразу же мелькнула мысль, что можно будет использовать его, если у нас что-либо застопорится. Стоит финнам только немного опомниться, они, конечно,

выберутся из наших огненных ловушек, и численностью своей сразу же намного превысят наши силы. А если учесть ещё многочисленных егерей, располагающихся по окружности этого посёлка, то дело может закончиться совсем печально. По своим боевым качествам один взвод егерей вполне мог поспорить со всей моей ротой. И в такой ситуации бронетранспортёр мог стать нашим спасением. Правда, управлять броневиком придётся мне, ни один человек во всей роте ни разу не садился даже за руль автомобиля. Значит, опять мне не суждено управлять ходом боя, сидя в наблюдательном пункте. Придётся метаться на бронетранспортёре, стараясь заткнуть огнём и бронёй самые проблемные места. И выбирать точки, где финны нас особо прижимают, нужно будет только по наитию, ну и по активности звуков стрельбы.

С такими мыслями я и двинулся в сторону нашего объекта атаки. Подбирались мы очень осторожно, особенно когда в промежутке между танками и бронетранспортёром увидели прохаживающегося вдоль входа в здание часового. Как только он появился в зоне видимости, Якут залёг и взял этого немца на прицел. Остальные стали пробираться к боковой стене пивной. При этом двигались только в тот момент, когда часовой, медленно вышагивая по своему маршруту, поворачивался к нам спиной.

Окончательно моя группа залегла, когда до стены дома оставалось метров пятнадцать. Двигаться дальше было очень опасно, даже этот обозник мог заметить наше перемещение. Хорошо, что охрану танкисты организовали сами, и у них на часах стоял какой-то техник, а не опытный полевой боец. Если бы охрану нёс финский егерь, то наверняка он обнаружил бы нас задолго до того, как мы подобралась к зданию на расстояние броска гранаты.

Вот так, в полной готовности к стремительному броску, находясь недалеко от двери пивной, мы и затаились. Решение ворваться в здание и уже там, внутри ликвидировать танкистов, было вызвано слишком плохой нашей вооружённостью. Катастрофически не хватало бутылок с зажигательной смесью и гранат. И это несмотря на то, что на уничтожение танков было выделено целых двадцать бутылок с адской смесью, а на поджог здания оставалось всего две. Этого было явно недостаточно. Два очага пожара можно было довольно легко потушить, конечно, если засевшие внутри немцы и финны не растеряются. А оснований надеяться на это не было никаких. Наоборот, танкисты, скорее всего, были обучены бороться с возгоранием горючих смесей. Гранат у нас тоже было не очень много, всего по пять штук на человека. При этом только у меня было две штуки Ф-1, а остальные имели РГД-33. И, как повелось на этой войне, у всех РГДшек оборонительные чехлы, которые и давали основное количество поражающих осколков, были выброшены. Почти все красноармейцы, чтобы не таскать лишний груз, выкидывали эти тяжёлые оболочки. А без них, при взрыве гранаты, на расстоянии двух метров от эпицентра можно было отделаться только контузией.

Примерно в четыре десять орудийные батареи перестали стрелять, и наступила тишина. Она прерывалась только отдалённым гулом орудийной канонады и ленивым лаем собак. Любой посторонний звук был хорошо слышен. Я поблагодарил Бога, что мы закончили все наши перемещения до окончания стрельбы артиллерийских орудий. Наверное, у финнов наступил перерыв на завтрак или на обогрев.

Ровно в четыре часа и двадцать минут утра раздались первые ружейные выстрелы, это стреляли по часовым наши два лучших снайпера. Сразу после этого предрассветную тишину нарушила целая какофония звуков. Классифицировать их и анализировать, откуда раздаются эти звуки, у меня уже не было времени. После выстрела Якута по часовому, я, вместе с лежащими рядом бойцами, бросился к двери пивной. Лыжи у всех были сняты ещё на примыкавшей к площади улице. К дому, где располагались танкисты, мы двигались либо ползком, либо утопая по колено в снегу. Скрытному перемещению очень способствовал снежный вал, находящийся вдоль пути нашего движения. Он образовался при зачистке от снега центра площади.

Первым, распахнув двери, в помещение ворвался Шерхан, за ним я, за мной ещё два красноармейца с автоматами. Пулемётчик остался на улице, прикрывать нас с тыла и, по возможности, не дать немцам покинуть здание через окна и второй, черный вход. Окна с другой стороны дома должен был контролировать Якут. Перед тем как заскочить в дверь, я глянул на лежащего в метрах пяти часового. Он лежал на спине, и мне хорошо был виден кровавый провал на месте левого глаза. Якут, наверное, привык в своей охотничьей практике стрелять точно в глаз, чтобы не испортить шкуры животных. Пять баллов, почему-то подумал я, ныряя в распахнутую дверь пивной.

Попав в дом, мы сразу разбились на пары. Шерхан с ещё одним автоматчиком бросились наверх по лестнице, находящейся совсем недалеко от входа. Я вместе с другим красноармейцем начал проверять все помещения первого этажа. На этом этаже находился большой зал, с небольшим подиумом в конце. Там, по-видимому, раньше было что-то вроде сцены, у самой стены всё ещё стояло пианино. По правой стороне этого зала, через длинные проёмы, виднелись помещения кухни и бара. Но теперь всё оборудование было убрано, и вместо него были установлены двухъярусные нары. Такие же нары находились и по левой стороне этого длинного зала. Освещение, хоть и не очень яркое, присутствовало. Во всём зале было два керосиновых светильника. По одной керосиновой лампе горело и в бывших помещениях кухни и бара, наверное, для того, чтобы спящие на верхних нарах могли хоть как-то ориентироваться, спускаясь ночью со своих лежанок.

Кроме двухуровневых нар, трёх столов с приставленными к ним лавками и старенького пианино у торцевой стены, в этом большом зале больше никаких крупногабаритных предметов не было. Прочую мебель обосновавшиеся здесь солдаты, наверное, перенесли в другое место. Хотя довольно уютно расположившихся в этом зале раззяв солдатами назвать было трудно. Когда мы с шумом ворвались в дом, никто из лежащих на нарах даже не подскочил с места и не кинулся к оружию. Хотя самодельные стойки для винтовок были установлены не очень далеко от спальных мест. Они были набиты винтовками и стояли около стены, напротив нар.

Когда я попал в помещение пивной, то даже удивился спокойствию и тишине, стоявшим в этом большом зале. Несмотря на произведённый нами шум и доносившуюся с улицы стрельбу, проснулось всего четыре человека. По крайней мере, столько солдат этой танковой части сидело на своих лежанках. Чтобы их немного озадачить и успокоить, я прокричал:

– Всем до особой команды находиться на своих местах и сохранять спокойствие. Операцию проводит финская полиция. К нам поступили сведения, что в вашей части действует коммунистическое подполье, которое передаёт русским секретные сведения. Сейчас проведём обыск, и невиновные смогут продолжать свой отдых. Любое сопротивление или неповиновение будет расцениваться как подтверждение предательства и пресекаться самым суровым образом, вплоть до расстрела. Такое распоряжение подписал господин Маннергейм, и оно согласованно с послом великого рейха.

После этих моих слов едва проснувшиеся немцы и финны вообще впали в полную прострацию. Своим сообщением я также добился того, что уже сами танкисты успокаивали других, только что проснувшихся. Всё это дало мне возможность оглядеться и приказать оставшемуся со мной красноармейцу:

– Серёг, быстро проверь, что за этими двумя закрытыми дверями.

Тот, ни слова не говоря, тут же метнулся к этим дверям и буквально через минуту доложил:

– За одной дверью туалет, там никого нет. Вторая дверь закрыта на навесной замок, можно быть уверенными, что оттуда никто не появится.

Услышав эти слова, я немного расслабился, всё-таки неизвестность и возможная опасность, грозившая нам из-за этих закрытых дверей, меня весьма сильно напрягала. Уже более спокойно, но всё ещё тихим голосом я приказал:

– Теперь давай дуй в кухонное помещение, там будешь контролировать, как ведут себя танкисты, а то здесь ни хрена не увидишь. Если кто дёрнется, сразу бей на поражение. На русском, даже матом ничего не говори, лучше уж молча – пулю в лоб, и вся дискуссия. Понял?

Сергей махнул головой и направился в соседнее помещение.

Как только он переступил порог кухни, со второго этажа раздалась автоматная очередь. Потом взрыв гранаты, и сразу же дикий вопль, прервавшийся короткой очередью из автомата. Услышав эти звуки, я напрягся и приготовился стрелять при малейшем подозрительном движении на нарах. Но, наверное, моя короткая речь произвела на солдат правильное впечатление. Ни один человек, лежащий на нарах, услышав эти выстрелы и крик, даже не попытался повернуться, не говоря уже о более активных действиях. И это несмотря на то, что все уже проснулись. Эти горе-вояки притихли, испуганно забившись в глубь своих лежанок.

Такое положение дел продолжалось не очень долго. После выстрелов, буквально через пять минут, со второго этажа начали спускаться танкисты в одних трусах и держащие руки за головой. Я приказал и своим подопечным подниматься с лежанок и выстраиваться в четыре ряда на сцене. Весь этот процесс построения в четырёхрядную шеренгу и последующая вслед за этим перегонка пленных со второго этажа заняли не меньше десяти минут. Наконец, последние танкисты, сопровождаемые моими ребятами, спустились вниз и были препровождены к остальным пленным.

Зная Шерхана, я почти не волновался о ходе операции на втором этаже, даже когда слышал выстрелы и взрыв гранаты. Тем более по звуку я определил, что взорвалась РГД-шка, значит, работали наши. Можно было предположить, что в какой-то момент танкисты заартачились, и ребята применили гранату. Выстрелы были только из финских автоматов, а у танкистов на вооружении их не было. Все эти мои догадки подтвердил и спустившийся вниз вслед за пленными Шерхан. Он, периодически подпуская в свою речь матерные слова, заявил:

– Ха, хваленые вояки! Этих пидоров можно сажать на кукан голыми руками! Представляете, товарищ старший лейтенант, из всех восьми комнат, где располагались эти танкисты, только в одной нам было оказано сопротивление. Кто-то из них, вёрткий как обезьяна, попытался вырвать у Генки автомат и вытолкнул парня из комнаты. Пришлось эту гниду пристрелить и, на всякий случай, кинуть туда гранату. Потом, естественно, кончать всех, кто там выжил, на фиг нам здесь нужны такие шустрые.

Вместе с восемнадцатью танкистами вниз спустили и одного штатского финна. По виду ему было лет пятьдесят, и, как доложил Шерхан, – финн ночевал один в самой большой комнате этой гостиницы. После доклада Наиля о проведённой зачистке второго этажа, я приступил к экспресс-допросу. В первую очередь, попытался выявить командира танковой группы. К сожалению, командир и его заместитель находились как раз в той комнате, где и было оказано сопротивление, и куда Шерхан закинул гранату. Остальные пленные практически ничего не знали о намерениях финского командования и о дальнейших планах по применению их танковой роты.

Этот, можно сказать, опрос длился минут десять, всё проходило чинно и безо всяких эксцессов. Шерхан произвольно выдёргивал из шеренги танкиста и подводил его к столу, за которым я сидел. Несколько вопросов, и его отправляли обратно в общий строй. Немецкие добровольцы совершенно не упирались и на каждый вопрос отвечали подробно и откровенно. За всё время я даже ни разу не повысил голос. Никакой надобности в применении мер физического воздействия не возникло. Чувствовалось, что эта война была немцам глубоко

по барабану, да и судьба Финляндии их совершенно не волновала. Эти солдаты просто отработывали свой контракт, и каждый из них был уверен, что, даже попав в плен к русским, они особо не пострадают и скоро вернутся в свой фатерлянд. И что даже финансово этот эпизод их особо не затронет. Правительство Германии всё равно выплатит их семьям положенную компенсацию. Хотя официально Германия и не оказывала помощь и поддержку Финляндии. Можно даже сказать, что после подписания 23 августа 1939 года «Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом» отношения стали дружественными. Немецкие танкисты, несмотря на то что попали на эту войну без всякого одобрения официальных властей, были уверены, что, даже побывав в плену, домой вернутся героями. Самое главное сейчас — это остаться в живых, для чего нужно поладить с русскими.

В конце этого допроса я вызвал финна. Его поведение разительно отличалось от поведения немцев. Он отвечал очень неохотно и на меня смотрел с ненавистью и злобой. Чувствовалось, что если бы я попал в его руки, то живым бы вряд ли ушёл. Из всех моих вопросов он ответил только на те, что относились лично к нему. А именно назвал имя и фамилию и объяснил, почему находится в расположении военной части. На другие вопросы либо молчал, либо отделивался словами, что он сугубо гражданский человек и ничего не знает. Финн оказался владельцем этого заведения. Жену с детьми он отправил к родственникам, а сам остался охранять своё добро, чтобы солдаты, не дай бог, ничего не испортили из имущества.

Информация о том, что финн спровадил отсюда свою женщину и детей, меня очень даже обрадовала. Совсем не хотелось брать на себя лишний грех. Для себя я уже решил, что нельзя захваченных нами немцев и обученных танковому делу финнов оставлять в живых. У меня в голове всё ещё стояли рассказы наших эскадронных командиров об истории превращения России в провинции, подчинённые великому рейху. И о тех унижениях, которые пришлось перенести выжившим в той войне. С точки зрения исторического времени буквально в одночасье великая нация превратилась в скопление рабов и недочеловеков.

Один из наших преподавателей рассказывал, как зимой 1941 года, под Сталинградом несколько управляемых финнами танков наголову разбили один из последних советских конных корпусов. Танки целую неделю без усталости гоняли по степи несколько тысяч казаков. И те ничего не могли сделать с этими железными монстрами. В конце концов, при помощи авиации, а также перекрыв танками основные магистрали, весь корпус был уничтожен. Может быть, в той реальности кто-нибудь из этих, теперь пленённых нами, танкистов принял самое активное участие в разгроме наших войск. И это было очень вероятно, так как именно на Финской войне эти танкисты получили гигантский опыт ведения боёв в зимних условиях. Утешать себя мыслью, что этих пленных этапируют куда-нибудь подальше, и они не примут участие в предстоящей войне — не стоило. Сейчас между Россией и Германией царит дружба, пик которой придётся как раз на время перед самой войной. И наши, как последние дураки, в знак этой невероятной дружбы, наверняка передадут Германии всех её граждан, захваченных в период Финской войны.

Я посчитал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы квалифицированные военные специалисты вернулись в немецкую и финскую армии. Подготовить опытного танкиста это тебе не то, что обучить молодого новобранца стрелять из винтовки. Тут нужно потратить несколько лет, с приложением усилий многих специалистов. Не говоря уже и о том, что не каждый новобранец способен стать танкистом.

Как мне было ни тяжело, ведь за время общения с ними многие мне по-человечески понравились, но этих немцев и финнов нужно было уничтожить. Все они были вполне адекватны, относились к русским вполне дружелюбно и были уверены, что при правильном поведении ничего плохого с ними больше не случится. Моё сознание, измученное терзаниями по поводу необходимых жестоких действий, с энтузиазмом зацепилось за то, что пожилой финн отправил женщину и детей в другое место. Это показалось мне каким-то добрым знаком, что

от моего решения не пострадают хотя бы совсем уж невинные жертвы. Самого финна нужно было тоже расстрелять, чтобы всё осталось в полной тайне. Лишние разборки о проявленной жестокости были мне совершенно не нужны. К тому же сам финн был мне совершенно неприятен. Наверняка такие же, как и он, упёртые финны стреляли в спины русских солдат.

Приняв окончательное решение, я поднялся, позвал к себе всех красноармейцев и поставил перед ними задачу. Два бойца как-то замялись, по-видимому, мой приказ шёл вразрез с их убеждениями. Только Шерхан был явно удовлетворён моим распоряжением, он тут же поддержал меня, сказав:

– Правильно, товарищ старший лейтенант! Этих империалистических выкормышей нужно уничтожить. От них всегда можно ожидать различных подлостей и удара ножом в спину. Не зря наш великий вождь, товарищ Сталин говорил: нет человека – нет проблемы. Вот так нам и нужно действовать, чтобы эти буржуи знали – нельзя протягивать руки к Советской России.

После этих слов оба сомневающихся в моём приказе красноармейца слегка приободрились, но всё равно отводили глаза в сторону. Я, послав Шерхана за пулемётчиком, открытым текстом спросил у оставшихся автоматчиков:

– Что-то я не понял, вы будете принимать участие в расстреле этого буржуйского сброда?

Один из красноармейцев, вытянувшись в полный рост, ответил на мой вопрос:

– Так точно, товарищ старший лейтенант, стрелять будем! Но, может быть, этих пленных закрыть в какой-нибудь комнате или в подвале. А когда подойдут наши, переправить их дальше, в тыл. Всё-таки большинство из этих немцев рабочие люди, можно сказать – пролетарии. На этой войне они занимаются только обслуживанием техники и, наверное, за всё время не выстрелили даже из ружья.

На это предложение и, можно даже сказать, на скрытый упрёк в моей излишней жестокости я ответил, убеждая этими словами прежде всего самого себя:

– Эх, Серёга! Можно подумать, здесь собрались невинные овечки. Ты хоть задумывался, какого чёрта в Финляндии делают эти немцы? А это, товарищ красноармеец, сплошные добровольцы, и прибыли они на эту войну исключительно по своей воле, чтобы убивать русских людей. Совсем недавно, скорее всего, именно этими танками была раскатана 163-я дивизия. И эти долбанные пролетарии, безо всяких угрызений совести, спокойно снимали кровавые ошмётки наших братьев с гусениц немецких танков. Это они делали для того, чтобы техника, не дай бог, не сломалась и смогла принять участие в уничтожении уже нашей дивизии. И, ребята, сами подумайте, куда сейчас нам их деть? Мы сейчас, считай, сами находимся в тылу финнов, и в любой момент они могут прорваться к этому дому. И что? Оставлять им полсотни потенциальных бойцов? Нет, делать этого ни в коем случае нельзя. К тому же в предстоящем бою нам нужен каждый человек, и оставлять здесь кого-нибудь для охраны пленных мы просто не имеем права. Так что, ребята, выход только один, расстрелять немцев и сжечь дом, чтобы скрыть следы расстрела. А то, сами понимаете, если финны увидят эту картину, то совсем озвереют и будут драться до конца. Зубами нас будут грызть. А так, сгорел дом и всё – взятки, как говорится, гладки.

В этот момент отворилась дверь, и в зал вошли Шерхан и красноармеец Перминов с ручным пулемётом наизготовку. Шерхан уже, по-видимому, сказал Перминову, зачем я его вызвал. Поэтому Перминов совсем не удивился поставленной перед ним задаче. Молча поднялся на несколько ступенек по лестнице и, пристроив пулемёт на перила, приготовился открыть огонь по стоящей метрах в двенадцати от него шеренге пленных. Мы тоже, уже не разговаривая, выстроились в ряд и приготовились открыть огонь. Пленные, наверное, что-то почувствовали и заволновались, шум голосов со стороны сгрудившихся у противоположной стены пленных начал возрастать. Медлить было нельзя, и я скомандовал – огонь.

Грохот выстрелов полностью заглушил крики и стоны членов этой интернациональной танковой части. Отстреляв целый диск, я заменил его на новый. После чего приказал Шерхану, вместе с ещё одним красноармейцем добить стонущих и ещё шевелящихся пленных. Хотя, если прямо сказать, никаких стонов я не слышал, уши от грохота четырёх автоматов и пулемёта заложило плотно.

Пока бойцы добивали раненых, я вытащил из-под лестницы двадцатилитровую канистру. На неё я обратил внимание ещё тогда, когда мы, ворвавшись в этот зал, осматривали все закоулки помещения. Как я и предполагал, канистра была наполнена керосином. Даже не дождавшись, пока ребята закончат с пленными, я начал разливать по всему залу этот керосин. Когда бойня была завершена, и все красноармейцы вышли из дома, я, отбросив пустую канистру в угол, подошёл к входной двери. Последний раз, глянув на то, что мы понаделали, я про себя прочитал короткую покаянную молитву. Потом достал бутылку с зажигательной смесью и с силой кинул её прямо в стену между кухней и залом. Вспыхнуло знатно, я еле успел, не обгоревши, выбежать на улицу.

Но и здесь тоже со всех сторон чадило. От танков страшно несло гарью, они, наверное, горели уже давно, и открытого огня видно не было, но от каждого из девяти танков поднимался чёрный столб дыма. У трёх танков были сорваны башни. Наверное, от огня сдетонировал боезапас.

Знатно мы повеселились, подумалось мне. Но от наступающего сзади жара я, уже ни о чём не думая, бросился подальше от начинающего не на шутку разгораться дома. Побежал я к бронетранспортёру, где собрались все бойцы из моей группы. Этот броневи́к стоял, пожалуй, в самой выгодной точке на настоящий момент. От горящего дома его отделяло метров пятьдесят, а от тлеющих танков метров сорок. Только добежав до бронетранспортёра, я окончательно пришёл в себя и начал соображать.

Первым делом глянул на часы. С момента выстрела Якута прошло тридцать четыре минуты. Постепенно ко мне начал возвращаться слух, нарушенный близким автоматно-пулемётным огнём. В данной обстановке ориентироваться в окружающем мире можно было только по слуху. Глаза в этом дыму были совершенно бесполезны. Мы находились как будто в самом эпицентре плотной дымовой завесы.

Звуки стрельбы неслись со всех сторон, пытаюсь их анализировать, я пришёл к выводу, что самая интенсивная пальба шла совсем недалеко. А именно со стороны кирхи, где располагался штаб финской группировки. Особенно в этом концерте выделялись стук пулемёта, который бил длинными, истерическими очередями, и гавкающие звуки автоматической пушки «Бофорс». Звуки пулемётных очередей отличались от издаваемых «максимом» или «дегтяревым», а в наличии у группы, направленной на ликвидацию штаба, были только эти пулемёты. Напрашивался довольно печальный вывод – нашей группе не удалось ликвидировать штаб финнов. Об этом говорила и стрельба из «Бофорса», наверняка стреляла наша пушка, безуспешно пытаясь пробить каменную стену. Скорее всего, поджог каменного здания кирхи не удался, финны отразили первую атаку и сейчас успешно обороняются.

То обстоятельство, что нам не удалось с ходу взять штаб, грозило очень большой опасностью. Из допроса шюцкоровцев я узнал, что штаб связан телефонными линиями со всеми финскими подразделениями, включая блокпосты с егерями. Наверняка егеря уже получили приказ двигаться в деревню на помощь. Как бы в подтверждение моих мыслей резко возрос уровень стрельбы на северной стороне деревни. Там должна была действовать группа Кузнецова. У Кузи было задание – уничтожить расположившуюся в одном из коровников финскую роту. По идее, больших трудностей у него возникнуть не должно было. Коровник был деревянный и вспыхнуть должен был молниеносно. Но сейчас, по-видимому, взвод Кузи столкнулся с дополнительными трудностями. Наверняка к штабу финнов пробиваются егеря с одного из блокпостов. Нужно было что-то срочно делать, а то вскоре начнут прибы-

вать остальные егеря, и нас просто раздавят. Времени на размышления оставалось совсем немного.

Глава 12

Всё-таки хорошо, что у меня остались память и опыт деда, именно они заставили меня предусмотреть возможные изменения наших действий в случае незапланированного хода операции. Вот сейчас и наступал момент, когда этот опыт мог дать нам шанс достойно выйти из сложившегося положения. Несомненно, только благодаря оставшейся во мне рассудительности деда, я распорядился не сжигать бронетранспортёр. Ещё тогда я предусматривал возможность его использования, если придётся завязнуть в уличных боях. По моим рассуждениям, наличие у нас бронетехники позволит нашим ротам хоть как-то противостоять опомнившимся финнам. Они вряд ли смогут быстро в этой неразберихе подтянуть артиллерийские системы. А в таком случае им будет нечего противопоставить даже одному бронетранспортёру. По крайней мере, опираясь на его огонь и броню, мы сможем организованно отойти в район захваченного нами блокпоста. Там имеются окопы, и в них можно удержаться до подхода основных сил нашего полка.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове практически мгновенно, а так как по натуре я был, скорее, практик и не любил долго размышлять, то сразу и начал действовать. Впервые, направил пятерых автоматчиков на помощь взводу Кузнецова. Остальным приказал занимать места в бронетранспортёре. Сам же забрался в кабину и запустил двигатель. Он завёлся сразу, наверное, немцы периодически прогревали двигатели своей техники.

Пока движок грелся, я залез в открытый сверху отсек броневика, к расположившимся там ребятам. После отправки подкрепления Кузе в моей группе остались пять человек. Кроме Шерхана и Якута, два автоматчика и Перминов с ручным пулемётом. В этом бронированном по бокам кузове я распределил обязанности каждого в предстоящих нам боях. К пулемёту, установленному на бронетранспортёре, я приставил Перминова, вторым номером к нему поставил красноармейца Пронина. Стрелять из боковых амбразур, используя ручной пулемёт, должен был красноармеец Марков, автоматный огонь лежал на Шерхане. На Якута я возложил функцию мобильного снайпера. Он мог стрелять по своему усмотрению, как только заметит какого-нибудь финна.

Кроме всего прочего, в бронетранспортёре мы обнаружили целых два ящика немецких оборонительных гранат, дающих большое количество осколков. Им я весьма обрадовался, ведь сидя в этом стальном ящике, можно было не бояться взрывов своих гранат. Обязанность метать эти колотушки в противника я возложил на Шерхана, он в нашей роте дальше и точнее всех бросал учебные гранаты.

Самому мне пришлось взять управление этой машиной на себя. Обучаясь в немецком ремесленном училище, я несколько раз ездил на похожем бронетранспортёре. Подобная устаревшая техника была разрешена для использования в подчинённой немецкому командованию РОА (Русская Освободительная Армия имени Клопова). А из нашего училища иногда набирали обслуживающий персонал в РОА. Поэтому и обучали обслуживанию и вождению некоторых видов устаревшей военной техники. Этот бронетранспортёр был поставлен Финляндии в 1938 году, ещё до подписания договора о ненападении между СССР и Германией. Он отличался от известного мне «Ганомега» только двигателем (там стоял 90-сильный «Maybach», а не 100-сильный HL42) и передними колёсами (на этом посадочные размеры были 20-дюймовые, а не 18, как на «Ганомега»).

Закончив инструктировать своих подчиненных, я забрался в бронированную кабину. Двигатель уже прогрелся, и можно было трогаться, но я на секунду задумался – куда, в первую очередь, двигаться? В каком месте сложилось самое тяжёлое положение? На северную сторону деревни, в помощь взводу Кузнецова я уже направил пять автоматчиков. Не бог весь что, но на первое время в этой неразберихе они могут здорово помочь Кузе. Куда

ударят другие егеря, вызванные из штаба, я не знал. И вообще, в данной ситуации этот штаб служил точкой притяжения для всех выживших финнов. Нужно было, в первую очередь, решать вопрос с ним. Правда, в этом случае броневик совершенно бесполезен, прорваться на нём через каменные стены было нереально. Даже больше того, единственная серьёзная опасность для моих бойцов возникала при обстреле бронетранспортёра из стрелкового оружия сверху. С боков они были защищены толстыми и высокими бронированными бортами. А при подъезде к высокой кирхе как раз можно было нарваться на активный огонь с крыши или верхних окон. Но всё равно, посмотреть, как обстоят дела со штурмом штаба финнов, нужно было обязательно. Именно от положения дел там зависели все мои дальнейшие действия.

Приняв окончательное решение, я высунулся из кабины и приказал красноармейцам покинуть бронетранспортёр, захватив с собой ящики с гранатами. Когда они все спрыгнули на снег, я объяснил им, что сейчас отправляюсь на разведку к финскому штабу. С собой в кабину я возьму только одного Шерхана, а остальные должны ожидать меня здесь. И не просто ждать, а в любую минуту быть готовым к отражению атаки финнов со стороны примыкающих улиц. Дождавшись, когда Шерхан заберётся в кабину, я тронулся в сторону злополучного финского штаба.

Выехав из домовой завесы, я оказался практически прямо напротив кирхи. Правая сторона самого здания штаба была всё ещё окутана клубами чёрного дыма. Остальная часть здания прекрасно просматривалась, тем более небо уже посветлело. Скоро должно было появиться солнце, и эта безумная ночь, наконец, закончится. Я остановился, чтобы оглядеться, и в этот момент по бронетранспортёру начали стрелять. И стреляли, что было самое неприятное, свои, я даже заметил, откуда вёлся автоматный огонь. Чтобы не искушать судьбу, а то ведь могли кинуть и гранату, я, зад ним ходом, опять скрылся под защиту дымовой завесы. И самое смешное, что весь этот мой манёвр прикрывал огонь финского пулемёта, установленного на колокольне храма. Вся эта вылазка превратилась в театр абсурда – по мне стреляли свои, а финны меня защищали.

Убрался с открытого места я весьма вовремя. Ещё не полностью заехав в плотную пелену дыма, услышал гавкающий звук выстрелов автоматической пушки. Слава богу, что из «Бофорса» стреляли не по мне. Я успел заметить, как на стене колокольни, чуть ниже амбразуры, где был установлен пулемёт, возникло несколько султанчиков каменной пыли. Именно туда попала серия 40-мм снарядов, выпущенная из «Бофорса».

Однако мой безрассудный рейд был не совсем бесполезным. Во-первых, я убедился, что мои рассуждения были правильными. Во-вторых, понял, что положение сложилось патовое. Ни мы не могли, даже при помощи имеющихся «Бофорсов», уничтожить засевших в церкви финнов, ни у них не получится самим вырваться из этой ловушки. В краткосрочном плане положение у финнов было более выгодным. К ним в ближайшее время могли прорваться на помощь егеря или другие уцелевшие части. Мы же могли надеяться на подход наших передовых частей не раньше чем часа через три-четыре. Нужно было что-то предпринять, чтобы разрубить этот гордиев узел.

Как я только что убедился, бронетранспортёр не сможет стать палочкой-выручалочкой в сложившейся ситуации. Практически никто из наших бойцов не знал, что наша группа захватила броневик. И поэтому каждый из них посчитает, что это весьма достойная цель для броска гранаты, даже если у него она останется последней. Было бы очень обидно, спеша на помощь к попавшим в переделку красноармейцам, получить гранату от замаскировавшегося где-то нашего бойца. А отстреливать своих, чтобы отбросить прорывающихся финнов, это был вообще бред. Вот так я думал, возвращаясь обратно, к оставленным возле горячей пивной своим ребятам.

Доехав примерно до того же места, откуда недавно отъезжал, я остановился. Выбравшись из кабины бронетранспортёра, в задумчивости огляделся. Сквозь клубы дыма мой взгляд зацепился за силуэт стоящего метрах в семи от меня бензозаправщика. И вдруг в голове мелькнула мысль, как можно уничтожить эту занозу, злосчастный штаб с засевшими там финнами.

Скомандовав оставленным ранее здесь красноармейцам залезать обратно в бронированный кузов и там опять ожидать нашего возвращения, я кивнул Шерхану и направился, сопровождаемый им, к бензозаправщику. Цистерна этого большого автомобиля вмещала тонн пять бензина. Подойдя к заправщику, я проверил наличие топлива в цистерне – она оказалась почти полной. Проверил я и насос, качающий этот бензин из цистерны – он был в полном порядке. Кроме всех этих действий, заставил Шерхана измерить длину шланга – оказалось, восемь метров. После этого обследования я объяснил Наилу, что мы сейчас с ним будем делать. Довольно импульсивно, наверное, под воздействием ощущений, полученных во время нашего выезда к кирхе, я начал ему говорить:

– Понимаешь, нам нужно этот штаб обязательно уничтожить. Потом перегруппироваться для отражения атаки егерей. Если мы это не успеем быстро сделать, то окажемся как между наковальней и молотом. Егеря – ребята серьёзные, и они быстро надерут нам задницу. Теперь уже не получится заставить их врасплох. Тем более скоро совсем рассветёт, и они быстро раскусят, что нас не очень много. Поэтому Шерхан, чтобы совсем уж не влипнуть в это дерьмо, нам с тобой придётся рискнуть своей шкурой. Нужно будет подогнать этот бензовоз вплотную к стене кирхи, вставить шланг в окно и насосом накачать в этот финский бункер бензинчику. После этого мы им устроим небольшой крематорий. Тут, правда, имеется большая загвоздка, одна пуля в цистерну этого бензовоза, и мы с тобой сами в крематории. Я тебя люблю и уважаю, поэтому сейчас приказывать не могу, ты сам решай – поедешь со мной или нет. Моё отношение к тебе не изменится. Правда, знай, что всё это провернуть гораздо сподручнее вдвоём. Один вставляет шланг в окно, а второй включает насос бензовоза.

Шерхан несколько обиженно посмотрел на меня, потом сплюнул и довольно громким голосом ответил:

– Товарищ старший лейтенант, ну почему вы меня обижаете? Разве я могу вас одного отпустить? Кто же вам будет прикрывать спину? Нет, я обязательно буду с вами. К тому же гибель в огне – не самый плохой вариант попасть на аудиенцию к Аллаху. Всё лучше, чем замёрзнуть или загнуться от пули снайпера. Неужели вы думаете, что мусульманин не может идти на смерть вместе с православным. Бог то у нас один, хоть вы называете его Христом, а мы Аллахом. Да и Родина у нас одна, и я, так же как и вы, готов за неё положить свою жизнь.

На этих словах Шерхан остановился, немного помолчал и вдруг громко выкрикнул:

– Аллах акбар!

Потом повернулся и молча направился на пассажирское место. Я, тоже загнав все мысли и сомнения подальше, забрался в кабину и запустил двигатель бензовоза. Автомобиль, также как до этого и бронетранспортёр, запустился сразу. Всё-таки немцы, нужно отдать им должное, умели содержать технику в полной готовности.

Моё решение подогнать бензовоз к кирхе, может быть, и было безрассудным, в стиле того Юрки Черкасова, которого некоторые командиры нашего эскадрона считали совершенно безбашенным пацаном, но даже присутствующая во мне сущность моего деда согласилась с таким планом. Этот, волею судьбы появившейся во мне тормоз всё просчитал, проанализировал и выдал вердикт – риск подогнать бензовоз к кирхе, под защитой дымовой завесы, не такой уж большой. Наши вряд ли увидят, а финны услышать могут, но стрелять не будут. Они все там ждут подхода подкреплений, а после появления перед штабом бронетранспортёра, который обстреляли русские, финны наверняка не удивятся, если услышат звук двигателя. Наоборот, подумают – командир подошедшего на помощь бронетранспор-

тёра оказался умным человеком. Не полез под снаряды автоматической пушки, а, пользуясь дымовой завесой, смог подобраться к самому штабу.

План дальнейших действий тоже прошёл экспертизу моего внутреннего цензора. Первоначально я хотел, вставив шланг в окно кирпичи и включив насос бензовоза, выждать в отдалении минут десять. Потом подбежать к этому окну, бросить внутрь бутылку с зажигательной смесью и быстро, насколько хватит сил, сматываться оттуда подальше. Но на эту задумку откуда-то изнутри возникла мысль, что такие планы сродни самоубийству, ведь, действуя таким образом, я даже не доживу до момента, когда нужно будет бросать бутылку в окно. Проще взять и убить себя, стучась тупой головой о стену этой кирпичи.

Внутренний голос мне буквально приказывал – после того, как подгонишь бензовоз вплотную к стене кирпичи, немедленно сматывайся подальше. Не хрен ловить приключений на свою жопу. Финны быстро разберутся, что это диверсия, и какой-нибудь их дурак обязательно выстрелит по бензовозу. Даже если находиться метрах в десяти от взрывающегося бензовоза, то шансов выжить – ноль. Пять тонн бензина это не шутка. Нужно, подогнав бензовоз, тут же делать от него ноги, пока финны не опомнились. Если там окажутся умные люди и по бензовозу стрелять не будут, то, отбежав подальше, нужно самим открыть по нему огонь. Опыт моего деда говорил – взрыв такого количества бензина наверняка обрушит стену этой кирпичи. А потом ликвидировать выживших финнов уже будет делом техники. Можно будет подкатить на бронетранспортёре и закидать там всё гранатами.

Однако мне не хотелось предавать первоначальный план, поэтому, после недолгой внутренней борьбы, появился компромисс. Я окончательно решил, что шланг в окно мы всё-таки вставим и начнём качать бензин в здание. Но после включения насоса быстро уматываем от кирпичи подальше. Если бензовоз взорвётся раньше, чем выкачается весь бензин, то так тому и быть. Всё равно какое-то количество топлива попадёт в здание, и после взрыва там всё выгорит. Если же взрыва не будет, и весь бензин попадёт внутрь кирпичи, то его пары сдетонируют даже от выстрелов самих финнов. А если и мы добавим туда огоньку, то ад для чухонцев начнётся уже здесь, и мы достойно отомстим за гибель наших братьев из 163-й дивизии.

Все эти размышления длились очень недолго, по крайней мере, к тому времени, когда двигатель прогрелся, весь план был готов и утверждён моим внутренним цензором. Больше меня не мучили никакие сомнения, цель была ясна, оставалось только воплотить её в жизнь. Тронулся я очень резко. Во-первых, на таких автомобилях я ещё не ездил, а во-вторых, мой организм всё ещё был доверху залит адреналином.

К стене кирпичи я подъехал минуты через три, встал к ней вплотную, так, что выбираться из кабины нужно было через пассажирскую дверь. Первым выбрался Шерхан, он залез на крышу кабины и уже оттуда всунул шланг в верхнее окошко кирпичи. После этого, я включил насос, и мы с ним бегом, не пригибаясь, бросились бежать в ту сторону, откуда приехали. О возможных пулях нам в спину никто уже не думал, мысль была только одна – быстрее свалить от этого передвижного крематория.

Слава богу, в нашу сторону никто не стрелял. Когда мы подъехали к кирпиче, финны, наверное, услышали приближающийся рёв нашего двигателя. И, чтобы отвлечь внимание русских от нас, многократно усилили обстрел обложившего их взвода моей роты. Наши в ответ тоже усилили огонь и стреляли они только по незакрытому дымом фасаду здания. Одним словом, финны, как лемминги, делали всё, чтобы ускорить свою гибель.

Отбежав метров на пятьдесят, я наконец увидел Шерхана. Парень оказался быстрее, опередив меня в этом спринте, теперь он стоял, ожидая, когда я добежу до него. Встретившись, мы, уже вместе, пригибаясь, направились на край площади. Уже оттуда, укрываясь за стоящими торговыми ларьками, перебежками, двинулись в сторону периодически гавкающей снарядными очередями нашей пушки.

Когда, выбравшись из-за дымовой завесы, мы подбежали к очередному ларьку, чтобы укрыться от обстрела за его стенами, то там наткнулись на двух наших бойцов. Один из красноармейцев был ранен, но всё равно продолжал вести огонь по штабу финнов. Я стал выпрашивать у ребят, как тут обстоят дела и где находится командир группы. И в этот момент прозвучал последний аккорд реквиема под названием – осада финского штаба, он прозвучал солидно и грозно, картинка была тоже завораживающая.

Первоначально, заглушая все выстрелы стрелкового оружия, раздались звуки снарядной очереди нашего «Бофорса». Все пять снарядов обоймы этой автоматической пушки наконец-то попали в амбразуру, откуда стрелял финский пулемёт. Из этого узкого окошка наружу стали вылетать какие-то ошмётки. Потом, как бы в продолжение разворачивающейся драмы, раздался мощный взрыв. Это взорвался подогнанный нами бензовоз. И в завершение всего этого из всех видимых узких окошек этой кирхи показались языки пламени. Вся стрельба со стороны финнов прекратилась через несколько секунд, и наши стрелки успокоились.

– Финита ля комедия, – произнёс я вслух. Потом, повернувшись к Шерхану, подмигнул ему и пошутил: – Да, теперь хоть на глаза Бульбе не показывайся. Когда он узнает, сколько мы тут сожгли бензина, у него может сердце не выдержать. Ну ладно, может быть, он успокоится, получив в свой обоз бронетранспортёр. А что, вещь хорошая, будет на нём по позициям гуляш развозить.

Слегка прибалдевший от близкого взрыва Наиль шутку не понял и на полном серьёзе мне ответил:

– Да где же старшина найдёт водителей на этот броневик. Его козопасы только и могут, что стегать коняг, ну и в навозе, конечно, специалисты. По одной куче весь рацион лошади могут описать. Нет, нашему дубью не потянуть такую технику, они даже в своих берданках путаются – собрать-разобрать без чужой помощи не могут. Да и отберут у нас этот бронетранспортёр. Скажут – не положено в пехотной роте иметь бронетехнику. И всё! При этом никакая тыловая сволочь не скажет, а положено ли пехотной роте – сжечь девять танков, завалить кучу финнов, в несколько раз превышающих её численность, и уничтожить большой штаб противника. Вот это – можно! Это – всегда, пожалуйста, а вот трофеи, честно добытые в бою, это – нельзя! Эти козлы называют это мародёрством! Сами-то вон, по слухам, в Ленинград целыми машинами трофеи гонят. А тут за какую-нибудь финтифлюшку, надыбанную для бабы, грозят трибуналом.

Шерхан замолчал и зло сплюнул на снег. Я уже замечал, что натура Наиля имела слабость к добыче трофеев. Наверное, гены татарских воинов-добытчиков были в нём очень сильны. У Шерхана в нашем обозе, в санях, предназначенных для перевозки личного имущества красноармейцев, лежал самый большой из всех туго набитый вещмешок. Второй мешок, защитного белого цвета, сейчас висел за спиной Наиля. Правда, я прекрасно знал, чем он набит: там лежали топор, несколько автоматных дисков и кое-какие вещички, отобранные у финских егерей. А насчёт второго вещмешка я сам слышал, как старшина предупреждал Асаенова, чтобы тот заканчивал загружать общественные сани всякой чушью. Если прямо сказать, я и сам был равнодушен к трофеям, наверное, и во мне говорили гены моих предков – казаков. Мой мешочек был не очень большой, но зато там лежали, кроме небольшого отреза шёлка, несколько золотых и серебряных побрякушек.

Минуты через три после того, как смолкли последние выстрелы, я выбрался из-за нашего укрытия и направился к горевшей кирхе. За мной туда же потрусили Шерхан и красноармеец Ивакин, раненый Петренко остался дожидаться санитаров. Подойдя поближе к зданию, я понял, какую цену мы заплатили за уничтожение этого штаба. Почти у самых стен этой кирхи лежало пять тел моих красноармейцев. Кого именно убили, разобрать было затруднительно. Жар от здания шёл такой, что ближе чем метров на семь к стене прибли-

зиться было невозможно. Что же творилось внутри, можно было только гадать. Два обезумевших, горящих финна даже попытались выскочить из здания через центральный вход. И, естественно, попали под кинжальный огонь нашего станкового пулемёта.

Я остановился как раз напротив этого парадного входа, метрах в двенадцати. Всё пытался через разбитые снарядами «Бохфорса» двери разглядеть, что там творится внутри. Но этот собор, наверное, строился очень давно, и в своё время он служил ещё как крепость, поэтому прямого хода в церковь не было, проход был изогнут в виде буквы Г, сразу же за первыми дверьми стояла стенка с небольшой бойницей. Именно поэтому и окна в этой кирхе были очень узкие, чтобы через них не мог пробраться человек. С одной стороны, для обороны это было хорошо, но с другой стороны, для финнов это явилось фатальным обстоятельством. Если бы человек смог выбраться через окно, то финны могли бы, пользуясь дымовой завесой, спокойно выбраться из здания и ударить во фланг нашей группе. Так же спокойно они могли бы вылезти из кирхи и отогнать бензовоз куда-нибудь подальше. Но кажущаяся непоколебимость этого здания сыграла с финнами злую шутку. Кирха оказалась стопроцентно надёжной мышеловкой. Из неё выскочить, не пользуясь этим или чёрным выходом, было совершенно невозможно. А эти выходы надёжно перекрывались нашим пулемётным и автоматным огнём. Кстати, взрыв бензовоза так и не обрушил стены этого здания, в чём была так уверена сущность моего деда. Наверное, бензина в цистерне оставалось очень немного, основная его часть была перекачана внутрь кирхи. По уничтожению логова финнов успешно сработал план Юрки Черкасова. Так что в данном случае права оказалась интуиция и дерзость, а не опыт и предусмотрительность.

За те несколько минут, пока я стоял и пытался разглядеть что-то внутри, жар не только не уменьшился, а, наоборот, стало совсем невыносимо стоять вблизи здания. Я, задом, стал отступать подальше и чуть не столкнулся с комвзвода-2 Климовым. Оказывается, он тоже подошёл и пытался разглядеть лица погибших красноармейцев. Меня он не окликнул раньше, думая, что я занят важными размышлениями о планах наших дальнейших действий. Поняв, что я освободился от своих размышлений, Климов, кивнув на тела погибших красноармейцев, каким-то потерянным голосом произнёс:

– Это я виноват, что ребята здесь легли. Какого чёрта я направил на это дело не самых опытных бойцов? Двое из этого отделения были совсем салаги, пришли с последним пополнением и, считай, в боях совсем не участвовали. Вот и растерялись, когда распахнули первую дверь и увидели стену, а вторая дверь была закрыта. В окна тоже не удалось забросить бутылки и гранаты, там изнутри они были закрыты какими-то бумагами. Наверное, финны развесили там карты и схемы. Вот ребята и разбудили этих гадов. Чухонцы с верхних окон кинули несколько гранат и только потом открыли огонь. При этом убили ещё двоих моих бойцов и трёх ранили. Потом попытались скопом выскочить из обеих дверей одновременно, но тут хорошо сработали наши пулемётчики. Они, пулями, буквально загнали этих сволочей обратно в их конуру. Неплохо проявили себя и ребята Шапиро – они из «Бохфорса» всадили в этот дверной проём целую снарядную очередь. Этим они полностью отбили у финнов всякое желание делать вылазки, правда, потом, сколько ни стреляли, не могли попасть в оконные проёмы. Вот только в конце хорошо засадили по пулемётной точке. Эх, Юрка! Нужно было всё-таки мне в первой группе идти, думаю, я бы не растерялся и закинул в этот штаб несколько гранат.

Я положил свою руку на плечо комвзвода и ответил на его стенания:

– Серёг, хватит себя казнить! Это война, и здесь может произойти всё, что угодно. Могут и убить, знаешь, ни за хрен собачий. Финны ещё те волчары, им палец в рот не клади, сразу откусят. Это ещё нам повезло, что они не могли вылезти из окон. Сам же знаешь, что их там было человек восемьдесят. Ты же слышал, как пленные егеря говорили, что в кирхе, кроме офицеров штаба, располагаются два взвода, комендантский и связи. Поэтому

ты правильно сделал, что не полез к стенам, а организовал оборону по периметру этого здания. Если бы не конструкция этой кирпичи, и финны вылезли наружу, то они шапками бы закидали твой взвод. А представь, если бы, не дай бог, и с тобой что-нибудь случилось? Тогда вообще – сливай воду. Взвод остался без командира, а со всех сторон лезут опытные вояки. Тогда бы уж точно от взвода ничего не осталось, и вся наша операция пошла бы наперекосяк.

А оснований думать, что тебе удалось бы закинуть в окна гранаты, нет никаких. И неизвестно ещё, если бы даже и удалось всунуть несколько гранат внутрь, нанесли бы они такой ущерб, что финны не смогли бы обороняться и контратаковать. Если все входы в кирпичу были перекрыты, то вы по-любому бы на шумели и разбудили чухонцев. И результат был бы такой же, только у этих стен лежали бы не салаги, а самые опытные бойцы взвода, во главе с тобой. Так что, как ни жалко ребят, но это война, и здесь убивают. Твоё решение было абсолютно правильным, а за гибель красноармейцев мы хорошо отомстили. Считаю, за каждого нашего парня мы взяли десять жизней финнов, и, заметь, это при наступательной операции, при штурме укрепленного здания. Молодец, товарищ Климов, если выживем, то я обязательно представлю тебя к награде, ну и погибших, и особо отличившихся, естественно, тоже.

Дальше продолжать беседу нам уже не позволила обстановка. Вдруг резко возросла интенсивность перестрелки на южном конце деревни. Чаше стали стрелять и на западе, там, где располагались гаубичные батареи. Относительно тихо было только на восточной окраине. Именно с той стороны мы и вошли в деревню. Там же располагался и наш последний резерв – обозники и повара, под командованием старшины.

Усиление стрельбы подстегнуло весь мой мыслительный процесс. Выходов было два – или всё сворачивать и потихоньку, с боем отходить в сторону нашего опорного пункта, или же ввязаться в уличные бои с финскими егерями. Первый вариант, казалось бы, был более предпочтительным, но сообщить всем нашим группам об этом решении было невозможно. Получалось, что отойти к окопам к подготовленным огневым точкам смогут не все подразделения. Те, кто не успеет это сделать, останутся в деревне, на верную гибель. Этот вариант меня полностью не устраивал. В эскадроне в каждого из нас хорошо вдолбили простой принцип – сам погибай, но товарища выручай. К тому же финские егеря не дали бы нам спокойно отступить. Нужно было бы кем-то пожертвовать, оставляя заслоны на их пути. Поэтому данный вариант я даже не рассматривал, а практически сразу начал думать, как организовать сопротивление в самой деревне. Продержаться нужно было совсем немного. По моим прикидкам, часа через два должны были подойти другие роты нашего батальона, а потом и основные силы полка.

Подумав пару минут, я начал отдавать распоряжения лейтенанту Климову:

– Значит, так, Серёга, сейчас отправляешь раненых к старшине, а с остальными красноармейцами, с приданным тебе пулемётом и орудием двигаешься на южную окраину деревни. Там, видать, егеря здорово прижали роту Сомова, нужно им помочь. Как дойдёшь до них, организуй в финских частных домах пару опорных пунктов. На вопли хозяев внимания не обращай, если будут очень сильно взбухать и мешать, расстреливай их на хрен или запри в каком-нибудь подвале. Будь с местными настороже, а то они запросто могут стрелять нашим ребятам в спину. Боец, который на санитарных санях доставит раненых к старшине, пускай привезёт тебе как можно больше боеприпасов. В деревне нам придётся бодаться с финнами ещё часа два, пока не подойдут остальные части нашего батальона. Да, ещё, чуть не забыл, ты предупреди своих орлов, чтобы не вздумали стрелять по бронетранспортёру с финскими опознавательными знаками – это наш трофей, и в нем буду находиться я с ребятами. И Сомову скажи, чтобы он предупредил своих красноармейцев. Я на этом броневике могу неожиданно подскочить и ударить в тыл егерям. Поэтому будьте настороже, когда я появлюсь на бронетранспортёре, нужно быть готовым к контратаке. Сигнал к её началу –

красная ракета. Ладно, Серёг, – удачи тебе! Дай Бог, чтобы нам с тобой после этого сумасшедшего дня встретиться. Но, как говорится, осилит дорогу идущий. Будем живы, парень!

Я крепко обнял Сергея, потом, уже ничего не говоря, повернулся, окрикнул Шерхана, и мы вместе с ним быстрым шагом направились к нашей боевой колеснице, к нашему бронетранспортёру.

Глава 13

На улице стало уже совсем светло, и ощущение, что мы находимся где-то в преддверии ада, прошло. А буквально недавно, меньше часа назад, когда мы на бронетранспортёре выехали из дымовой завесы, было полное ощущение, что именно так выглядит дорога в ад. При выезде из дымовой мглы, где о земном существовании напоминали только запах гари и звуки выстрелов, мы сразу же попали в освещённое красными отблесками пожаров место. Там, к звукам выстрелов и запаху гари, добавилась ещё и вонь от отбросов из опрокинутых пулями мусорных контейнеров. Раньше в эти помойные баки складывали отходы со всех торговых ларьков, стоящих на этой площади. А сейчас, наверное, финскими выстрелами они были повалены и раскатились – помои из них вывалились, повсюду распространяя свои миазмы.

До бронетранспортёра мы добрались минут за десять. Дым от горевших танков уже немного развеяло ветром. Поэтому оставленных ожидать нас красноармейцев я заметил метров за пятьдесят. Они стояли возле догорающего дома бывшей пивной, наверное, грелись. Температура, по моим личным ощущениям, была ниже минус десяти градусов. Но это было немного, за время этой войны температура опускалась и ниже -30 градусов. Вот тогда было действительно невесело находиться на улице больше десяти минут. Можно сказать, нам очень повезло, что весь этот рейд происходил при температуре, близкой к -10 градусам. Для этой зимней войны такие условия ведения боя можно было назвать даже идеальными и очень комфортными. Можно было быть хотя бы уверенным, что если ты и залёг под огнём противника, то в ближайшие двадцать минут у тебя не отмёрзнут руки или ноги.

Подойдя поближе, я крикнул ребятам:

– Мужики! Заканчивайте там топтаться у огня. Пора уже надрать чухонцам их буржуйские задницы. Обещаю, что скоро нам опять всем станет жарко.

Утробно расхохотавшись на мои слова, Шерхан, отсмеявшись, развил мои мысли на этот счёт:

– Мы этим гнидам уже устроили несколько пионерских костерков, а сейчас поедem и вгоним их в могильный холод. А то, видишь ли, эти козлы привыкли к разным ваннам с лейками над головой. К тому же, говорят, что у них в мойках нет тазиков и ковшов. Представляете, у каждого буржуя имеется отдельная комната с ванной – туда проведены трубы с холодной и даже с горячей водой. Любят, суки, контраст – сначала льют горячую, а потом холодную воду. Наверное, вот после таких ванн и, затем, массажа голыми бабами они садятся за стол и пожирают свои анчоусы, заедая их ананасами. У-у-у, сволочи! Порву гадов голыми руками! Они получают от нас то, что любят! В крематории уже пожарились, теперь пускай в могилах охлаждаются.

Возбудив в себе классовую ненависть, он этими словами передал часть своих чувств и другим ребятам. После этого бойцы, перегнав меня, бросились к бронетранспортёру. Когда я подошёл, все красноармейцы уже сидели в открытом сверху бронеотсеке. Перминов и Пронин, как и было ранее обговорено, заняли место у пулемёта. Остальные разместились вдоль бортов у бойниц. Шерхан при этом придвинул к себе уже вскрытый ящик с трофейными гранатами. Все были готовы к нашему безумному рейду. Инструктировать ещё раз бойцов не имело никакого смысла. Громко крикнув, чтобы было слышно ребятам в кузове:

– Вперёд, и с песней!

Я залез в кабину бронетранспортёра и завёл двигатель.

Пока мотор прогревался, окончательно решал, кому в первую очередь нужно оказывать помощь? На северную и южную окраины деревни я уже посылал дополнительные силы. Теперь оставалась западная окраина. В той стороне действовала боевая группа под командо-

ванием Курочкина. Ряба со своими бойцами должен был сжечь стоявшую на окраине школу. В ней располагался на ночь почти целый батальон финской армии. Неполный взвод Рябы должен был уничтожить, по нашим подсчётам, около семисот финнов. Задача, казалась бы, невозможная, но школа была полностью деревянная, и на группу Рябы было выделено почти столько же бутылок с зажигательной смесью, как и на нашу. А мы всё-таки подожгли девять стальных чудовищ, и даже ещё осталась одна бутылка с этой адской смесью. Если сказать прямо, за Рябу в этой операции я беспокоился меньше всего. Он был просто прирождённый боец и командир. Несмотря на его невысокое воинское звание, всего лишь старший сержант, только Курочкина я мог бы оставить командовать ротой вместо себя, да и всей этой операцией тоже. Остальные, даже средние командиры, включая моего друга, комроты-2 Валерку Сомова, по моему мнению, не дотягивали, до уровня Рябы. А этот простой мужик, безо всякого образования, имел громадный авторитет среди красноармейцев и, кроме этого, обладал звериным чутьём, предчувствуя надвигающуюся опасность. Одним словом, он инстинктивно делал всегда то, что было нужно в данный момент для победы.

Но, кроме группы этого талантливого командира, который, несомненно, отобьётся от наступающих егерей, в том же секторе находились и артиллерийские батареи противника. Миномётный обстрел, которым мы периодически пощипывали их позиции, вряд ли повредит орудиям. Мины были небольшого калибра, и по этим большим площадям стреляло всего два наших ротных миномёта. Как только финны отгонят нас подальше, в дело могут вступить их пушки и тогда – горе нам и прибывающим на помощь нашим братьям из других частей нашего полка. Нужно было, пока у противника в рядах бардак и неразбериха, неожиданным ударом постараться повредить как можно больше их орудий. Тем более финны первоначально будут думать, что этот бронетранспортёр свой и подпустят нас к себе поближе.

Таким образом, нужно в первую очередь двигаться в сторону западной окраины деревни. Этого настоятельно требовала сложившаяся обстановка. Оставалось только надеяться на то, что сработает звериная интуиция Рябы, и он догадается, что в бронетранспортёре свои и не даст команду бойцам, забросать нас гранатами. Ещё я надеялся, что сейчас, когда стало светло, наши красноармейцы смогут разглядеть в бронированном кузове знакомые лица. Поэтому, перед тем как отъехать, я вылез из кабины и объяснил бойцам, что придётся снять шапки и высунуть головы так, чтобы они возвышались над бронированным бортом. Финны по своему бронетранспортёру стрелять не будут, а наши должны разглядеть знакомые лица, особенно физиономию Шерхана. Его лицо и шевелюру спутать с другими было невозможно. При первом же выстреле по бронетранспортеру моя команда теряла силу. И тогда можно было прятаться за броню. После этих последних распоряжений я уселся в кабину. Ещё раз взглянул на нарисованные схемы расположения батарей и тронулся с места.

Чтобы хоть как-то обезопасить не закрытых бронёй ребят, я сразу же резко нарастил скорость движения. Несколько минут такого темпа, и мы уже въезжали в расположение гаубичной батареи. Как я и надеялся, во время этого броска по нашему бронетранспортёру не было произведено ни одного выстрела. Хотя я и видел финских солдат, но они не стреляли. От двоих из них мы проехали совсем близко. Финны с удивлением проводили взглядом наш броневи́к, что-то их явно очень удивило. Но я с удовлетворением заметил, что руки их так и не потянулись к оружию. Когда мы миновали этих финских егерей, меня осенило, что же было не так у нас в кузове.

«Вот же дурак, – подумал я про себя, – в бронеотсеке, среди европейских лиц, торчит азиатская физиономия Якута. Какого чёрта я не приказал ему спрятаться за броневым бортом?»

Это была явная оплошность, которая могла стоить жизни моим подчинённым. Я, от досады на свою тупость, даже выругался матом. Но, как говорится, дуракам везёт, и мы безо всяких эксцессов благополучно миновали эту передовую финскую часть. Когда я отдавал

распоряжение снять шапки, мне даже и в голову не пришло, что внешность некоторых моих красноармейцев серьёзно выдаёт их принадлежность к разным национальностям, что было совсем не обычным делом в рядах противника. Но мне они были все братья, и за жизнь каждого из них я нёс ответственность перед Богом. Потом я подумал, может быть, и в Финляндии есть северные народы, и их тоже призывают в армию. Ведь не выстрелили же финны в нас, значит, и у них в армии, пусть редко, но встречаются такие же лица. На этом я успокоился, тем более что мы уже въезжали на территорию, где располагалась гаубичная 120 мм батарея.

Финнов из разных щелей при нашем появлении выскочило довольно много. Наверное, думали, что прибыло начальство. Под это дело они даже пошли на риск попасть под осколки мины. Я насчитал на видимом пространстве четыре следа от взрывов наших мин. Даже не притормаживая, я проскочил метрах в четырёх от группы встречающих наш бронетранспортёр финских офицеров. Это было видно по знакам различия. Здесь все были одеты в обычную зимнюю форму. Не было ни одного человека в белом маскхалате. Спешил я к позициям двух, ранее замеченных мною зенитных пушек «Бофорс». Именно они могли представлять для нас самую большую опасность.

Миновав выставленные в ряд четыре 120-мм гаубицы, подъехал к позициям «Бофорсов». Они стояли на расстоянии метров тридцати друг от друга. Я остановил бронетранспортёр как раз между ними. Развернулся так, чтобы пулемёт, расположенный над моей кабиной, смотрел точно на столпившихся, на батарею финских артиллеристов. Бойцы орудийных расчётов «Бофорсов» находились на своих местах и с недоумением наблюдали за нашими манёврами. Ни один из финнов так и не догадался до последнего момента, что наступили последние секунды их жизни.

После того как бронетранспортёр занял нужную позицию, я взял автомат, стоявший в специальной стойке, вылез на подножку и в упор расстрелял ближайший ко мне расчёт зенитного орудия. Перед тем как нажать на курок, я крикнул:

– Перминов, огонь по дальним финнам! Шерхан, мочи на своей стороне расчёт «Бофорса».

Отстрелявшись по зенитчикам, я запрыгнул в бронированный отсек к ребятам. Оттуда выпустил оставшиеся в диске патроны по суетящимся, как тараканы, финским артиллеристам. Больше половины из выстроившихся для встречи начальства финнов уже лежало на снегу. Остальные, как крысы, пытались сбежать с позиции батареи, но мало кому в конечном итоге удалось спастись. Расстояние до финнов было смешное, всего-то метров двести, даже огонь из автоматов был результативен, а что уж тут говорить про пулемёт. Тем более артиллеристы были без маскхалатов и представляли собой отличные мишени. Краем глаза я замечал, как Якут вставлял всё новые и новые магазины в свою винтовку. Он был в эйфории, и я первый раз увидел, что этот невозмутимый, можно сказать, каменный человек, весь покраснел от возбуждения. Наверное, он шел на собственный рекорд по скорострельности и по количеству поражённых целей.

Весь этот ураган огня продолжался несколько минут. Когда беготня у финнов закончилась, мы прекратили стрелять. Только Якут продолжал изредка постреливать, выискивая ещё живых артиллеристов. Надо сказать, что перевозбуждённым в этом бою был не только Якут, у всех ребят глаза горели нездоровым блеском. Да и сам я чувствовал, что нахожусь в состоянии какого-то куража – хотелось немедленно броситься и безоглядно крушить финнов, от нетерпения даже начали дрожать руки. Стрелять, взрывать и давить чухонцев – вот, что хотелось моему молодому, агрессивному организму, и наплевать при этом на подстерегавшие нас опасности. От ощущения собственного всемогущества кружилась голова, все эти финны представлялись просто фигурками на шахматной доске. Казалось, махни рукой и все эти пешки и ладьи окажутся на полу у твоих ног. Конечно, было с чего почувствовать себя непобедимыми – ведь мы вшестером перестреляли всю батарею «бога войны».

Но вся эта эйфория быстро сошла на нет, когда я увидел, что в нашу сторону, на лыжах, цепью двигаются финские лыжники в масках. Наверное, это были егеря, обеспокоенные стрельбой у себя в тылу. До лыжников оставалось метров шестьсот и буквально через несколько минут они могли оказаться вблизи нас. А мы ещё не выполнили основной задачи – так и не привели полностью в негодность орудия этой батареи. И нам до того времени, когда финны вновь установят порядок и управляемость в своих рядах, нужно было уничтожить ещё четыре артиллерийских и две миномётных батареи. Именно столько их у меня было отображено на схемах.

Я понимал, что задача невероятная, но пользуясь полной неразберихой и тем, что мы обладали трофейным бронетранспортёром, попытаться выполнить её стоило. В любом случае эффект бардака в финском тылу мы обеспечивали. А значит, егеря не смогут со всеми имеющимися у них силами навалиться на наши боевые группы. Остановить одним стрелковым оружием чухонцы нас не смогут, поэтому, порезвиться здесь мы сможем на славу. Конечно, пока есть боеприпасы, а их мы набрали с избытком. Пожалуй, первый раз за всю эту войну имели такой боезапас. И самое смешное, что вооружены были исключительно трофейным оружием: патроны и гранаты были добыты у противника, да и броневики у нас тоже были трофейными. Из отечественного оружия у нас был только мой револьвер и штук двадцать патронов к нему. Ну, ещё граната Ф-1, припрятанная у меня в кармане.

Однако времени до подхода финнов у нас оставалось совсем немного, поэтому я, чтобы прервать эйфорию моих бойцов, резко и громко скомандовал:

– Внимание, приближаются финские егеря! Перминов и ты, Якут, – обеспечьте огнём, чтобы они сразу и надолго залегли и не мешали нам взрывать орудия. Шерхан, ты бери гранаты, сейчас я буду подъезжать к каждому орудью, а ты аккуратно будешь опускать в каждый ствол по гранате. Потом быстро дёргаем к следующей батарее. Если там получится всё сделать, как здесь, то слава богу. Если нет, то Перминов пулемётом разгоняет расчёты подальше от орудий, а ты, Якут, выбиваешь офицеров. Шерхан, ты так и остаёшься гранатомётчиком, автомат можешь отложить подальше. Серёга, а ты остаёшься за автоматчика, поэтому придётся посуетиться – левая и правая стороны должны быть надёжно прикрыты автоматным огнём. Если на следующей батарее тоже установлены зенитки, то в первую очередь весь огонь по ним. С орудиями потом разберёмся. Всё, мужики, время пошло!

После этих слов я, уже ни на что не обращая внимания, схватив свой автомат, быстро забрался в кабину и почти сразу тронулся. Как только броневики сорвались с места, наверху, над крышей застрочил пулемёт. Я даже не смотрел на результаты его работы. Всё моё внимание было сосредоточено на управлении бронетранспортёром. Нужно было подкатывать почти вплотную к стволам орудий, чтобы Шерхан, прямо из бронеотсека, мог положить в ствол гранату. Вся эта операция по превращению всех четырёх 120-мм орудий в металлолом заняла от силы десять минут. После этого я, описав на бронетранспортёре полукруг вдоль залёгших егерей, поехал в сторону следующей батареи. Когда я проезжал мимо лежащих финнов, то мне показалось, что живых из этой группы уже никого не осталось.

Последующие за этим боем полтора часа слились в моём мозгу в одну картинку. Мы на скорости влетаем на позицию батарей, пулемётным огнём уничтожаем не успевших спрятаться финнов, потом я на бронетранспортёре объезжаю все орудия, а Шерхан впахивает в их стволы гранаты. Картинка немного видоизменялась только тогда, если это была миномётная батарея, или если невдалеке стояло зенитное орудие. Все эти многократно повторяющиеся действия мы выполняли уже как совсем привычную работу. Всё закончилось только тогда, когда у финнов больше уже не осталось артиллерийских и миномётных батарей.

Удивительно, но мы вшестером, считай, полностью уничтожили целый артиллерийский полк, практически не вступая в длительные боевые действия. Наш бронетранспортёр метался по финским позициям, как меч Немезиды – спасения и защиты от него не было.

Единственное, чем финны могли бы нас остановить – применить зенитные орудия «Бофорс», но их мы уничтожали в первую очередь. Наш бронетранспортёр навёл на егерей такой страх, что теперь, как только они видели его силуэт, то сразу же расползались по разным щелям, как тараканы. За всё время нашего буйства со стороны егерей была предпринята всего лишь одна попытка нас нейтрализовать. Человек двадцать финнов попытались к нам подобраться и закидать бронетранспортёр гранатами. Но сегодня Якут был в ударе, он в одиночку отстрелял десять егерей, остальных, которые не разбежались, уничтожил Перминов из пулемёта.

Даже после ликвидации последней батареи кураж у меня не прекратился. Я заметил вдалеке улепётывающих из деревни финнов. Их было много – человек сорок. Наверное, во мне разыгрался какой-то древний инстинкт, и я, как гончий пёс, ни о чём не думая, направил бронетранспортёр им вдогонку. Финны были на лыжах и двигались по снежной целине. Благо рассудок всё же присутствовал в моей воспалённой голове, я старался держаться наезженной трассы. Километров через пять этой погони я наконец приблизился к ним на расстояние прицельного выстрела. Сразу же начал работать наш пулемёт. Финны залегли, а я, чтобы не подъезжать к ним по снежной целине, решил забраться, следуя по дороге, на горку. И уже сверху, не торопясь, отстрелять этих долбанных финнов. Кого не достанет пулемётом Перминов, о тех позаботится Якут.

Как только я заехал на эту возвышенность, бронетранспортёр содрогнулся от удара, и двигатель заглох. А сверху истерически забился наш пулемёт. Только после этой резкой остановки я начал приходить в себя, и этот процесс резко ускорился, когда, внимательно посмотрев во все смотровые щели, обнаружил, что наш бронетранспортёр стоял, можно сказать, прямо посередине финских оборонительных позиций. Метрах в семидесяти напротив моей водительской двери был хорошо виден окопчик, с установленным там станковым пулемётом. Финны как раз передвигали и поворачивали «максим» так, чтобы он стрелял в нашу сторону. Эти манипуляции подействовали на меня, как красная тряпка на быка. Я молниеносно схватил автомат, распахнул дверь и одной длинной очередью прекратил это безобразие. Финны повалились – по характеру их падения я определил, что это уже были не бойцы, а клиенты гробовщика.

Из бронеотсека, ни на секунду не прерываясь, строчили пулемёт и автоматы. Звуки очередей нашего оружия заглушались довольно частыми чокающими звуками пуль, попадающих в броневики. Финны вели по бронетранспортёру не менее интенсивный огонь, чем мы по ним. От этих мерзких звуков попадания пуль я окончательно пришёл в себя. Наконец-то до меня дошло, что я тоже смертен и, открыто стоя прямо на подножке броневика, представляю отличную мишень.

Сгруппировавшись, в три движения оказался в кузове среди ребят, под надёжной защитой брони. Лёжа на полу, немного отдышался и только потом оглядел бронеотсек. Все были заняты делом, и никто из ребят даже не повернулся, чтобы посмотреть, в каком состоянии я к ним завалился. Перминов, не отрываясь от пулемёта, периодически переводя его ствол на новые объекты, вёл интенсивный огонь. Его напарник, сидя на полу, набивал пулемётные ленты патронами. Перед ним стояло два открытых ящика с ними. Один ящик был с патронами для пулемёта, они же подходили и для винтовки Якута, второй – с боеприпасами для автоматов «Суоми». Три ящика пулемётных патронов мы нашли в кузове бронетранспортёра. Ящик автоматных патронов наша группа привезла с собой ещё с егерского блокпоста. Сейчас этот ящик тоже был открыт, Пронин, по-видимому, успевал набивать патронами и автоматные диски, несколько уже готовых лежали невдалеке. Снаряжал он и магазины для снайперской винтовки Якута. Шерхан и Сергей, расположившись у разных бортов, вели автоматный огонь по финнам. Якут сквозь амбразуру заднего борта часто стрелял из снайперской винтовки. По-видимому, он вёл огонь по егерям, которых первоначально мы и преследовали.

Перезарядив автомат, я поднялся на корточки и в таком положении начал передвигаться по периметру бронеотсека. Такой способ передвижения полностью скрывал меня за броневыми бортами и позволил в свободные амбразуры оглядеть всю панораму перед нашим бронетранспортёром. И тут я окончательно понял, в какое дерьмо по моей вине мы вляпались. Со всех сторон были финны, мы оказались в полном окружении.

Нас спасало только то, что ближайшие финские окопы были метрах в пятидесяти от нас, и оттуда было невозможно докинуть до бронетранспортёра гранаты. Огонь из стрелкового оружия для нас был совершенно безопасен. Ближайшие же, смертельно опасные виды вооружения находились на расстоянии метров в сто пятьдесят. Справа от дороги виднелась позиция «Бофорса», а слева, в небольшой ложбинке располагалась миномётная батарея. Но по этим целям очень хорошо поработал из пулемёта Перминов. Там повсюду валялись кучи трупов финских солдат. Позиции «Бофорса» и миномётной батареи были полностью открыты с нашей стороны и хорошо просматривались. У финнов всё было хорошо подготовлено для обороны по основному фронту, но они даже не предполагали, что кто-то наберётся такой наглости, чтобы появиться у них в тылу. И что всё это произойдёт так молниеносно и неожиданно.

Рассматривая расстрелянный нами расчёт «Бофорса», я поразился выучке этих финских артиллеристов. Они успели за несколько минут, после появления бронетранспортёра на горизонте и определении его как вражеского: развернуть орудие, прицелиться и выпустить по нам очередь из пяти снарядов. Слава богу, в броневику попал только один, да и то в моторный отсек. Да! Это были настоящие профессионалы и отличные солдаты. К их несчастью, они тоже напоролись на огонь мастера. Перминов не растерялся и одной длинной очередью буквально растерзал наводчика, подносчика снарядов и заряжающего. В этот момент финны как раз заменяли магазин со снарядами «Бофорса». Второй очередью Перминов окончательно добил весь остальной расчёт этого орудия. Потом он занялся миномётной батареей. После её уничтожения он стал работать по окопам, не давая финнам никакой возможности и носа оттуда высунуть. Не говоря уже о том, чтобы выбраться из окопа, приблизиться к нам и кинуть гранату. Об этом мне доложил сам Перминов, пока вставлял в пулемёт новую ленту.

Из докладов автоматчиков стало ясно, что они в основном занимались удерживанием финнов в окопах. Хотя, кроме этого, в зоне ответственности Сергея была открытая с нашей стороны пулемётная позиция «максима». И там лежало три трупа финских пулемётчиков.

«Да, нехило мы сюда заехали, – подумалось мне, – чуть ли не целый укрепрайон финнов уничтожили».

Когда я добрался до Якута, вся моя эйфория куда-то улетучилась. С этой стороны нам грозила самая большая опасность. Финны цепью, периодически залегая, упорно двигались на сближение с нашим бронетранспортёром. До них оставалось метров семьдесят. Якут явно не мог одиночными выстрелами из своей винтовки остановить это движение. Хотя вдоль всего пути финнов были заметны многочисленные бугорки – это были мёртвые егеря, одетые в маскхалаты. Пристроившись рядом с Якутом, я в две очереди опустошил магазин автомата, потом вставил новый и, стреляя уже более короткими очередями, использовал и его. Только после отстрела третьего диска егеря окончательно залегли.

Но для Якута даже лежащие финны представляли хорошую мишень. И егеря не выдержали этого убийственного, методичного отстрела. Они, явно по команде, все вместе подскочили и бросились назад, возвращаясь в снежную целину. Когда мы преследовали эту группу, я предположительно оценивал число егерей человек в 40–50, сейчас от наших пуль удалось скрыться не более десяти финнам.

Ликвидировав угрозу с заднего борта бронетранспортёра, я отложил автомат, уселся на днище бронеотсека и задумался. Положение создалось снова патовое, финны не могли

до нас добраться, а мы не могли даже высунуть нос из нашего бронированного убежища. При этом мы являлись сильнейшим раздражителем для финнов. И своим появлением очень сильно ослабили оборону этого участка фронта. Пока мы здесь находились, было невозможно заткнуть эту дырку в обороне. Одним словом, мы буквальным образом являлись костью в горле врага. Я не сомневался, что вся эта линия обороны была предназначена для отражения атак прорывающейся из окружения 44-й дивизии.

Долго в таком положении ситуация оставаться не могла, финны любой ценой постараются вырвать эту занозу из линии своей обороны. Вопрос о нашем существовании являлся только вопросом времени. Наверное, уже сейчас финны подтягивают сюда артиллерию. И как только они это сделают, то в течение нескольких минут превратят нас в бешбармак. Нужно было срочно что-то предпринять.

Как я ни размышлял, но лучшего метода спасения от огня артиллерии, чем прорыв в финские окопы, не придумал. Определившись с этим решением, я начал инвентаризацию нашего боезапаса. Особенно меня интересовало, сколько у нас осталось гранат. Их оказалось всего пять штук. Да! Хорошо же мы их попользовали в нашем рейде по финским батареям. Из двух ящиков по сорок штук осталось только пять гранат. Патронов было тоже не очень много. Но делать нечего. Сидеть и ждать милости от финнов не стоило. Они не дураки, и совсем далеки от благотворительных намерений в пользу русских.

Я уже начал инструктировать своих красноармейцев, когда услышал отдалённые крики «ура». Бросившись к бронещиту пулемёта, я выглянул наружу. Где-то в километре от нас увидел наступающие цепи русских солдат. Бойцы были на лыжах и двигались в нашу сторону довольно быстро. И что было важно, центр их атаки как раз приходился на ту дыру, которую мы пробили в обороне финнов. Особенно согревал мою душу тот факт, что в ответ на эту атаку со стороны финнов раздавались только ружейные выстрелы. И выстрелов этих было не так уж и много.

Получалось, что на этом участке мы уничтожили все вражеские пулемёты.

Долго не думая, я отдал приказ на атаку по намеченному плану. Мы дружно выпрыгнули из бронетранспортёра и бросились к заранее выбранному окопу. Метрах в двадцати от него мы залегли, я и Шерхан бросили туда по гранате. Сразу после их взрывов мы в мгновение ока оказались под защитой земли в окопе. Финны, наверное, были сильно увлечены отражением атаки русских и слишком поздно среагировали на наш бросок. Первые выстрелы в нашу сторону раздалась только после взрывов гранат. Но было уже поздно, мы вырвались на оперативный простор. При этом все целы и без малейшей царапины. Только у Пронина была немного обожжена щека, в неё случайно попала горячая гильза.

Ввалившись в окоп, мы сразу же двинулись по нему в глубь финской обороны. Впереди шёл я, за мной Шерхан, замыкал нашу цепочку Якут. Движение по этому окопу напоминало прогулку с посещением тира. Чухонцы даже и не подозревали, что у них в окопе русские. Всё их внимание было приковано к приближающимся лыжникам. Минуя каждый изгиб окопа, я отстреливал по несколько финнов, и мы шли дальше. До появления большого блиндажа мы даже не применили ни одной гранаты. Только наткнувшись на зев этого блиндажа, Шерхан бросил внутрь одну гранату. Ворвавшись туда сразу после взрыва, он буквально через несколько секунд появился обратно, пожал плечами и изобразил на пальцах ноль.

Во время нашего движения я периодически выглядывал из окопа, отслеживая момент приближения наших лыжников. Увидев, что до них осталось метров пятьдесят, остановился и заставил Сергея громко ругаться матом. Он был известный в нашей роте матерщинник. Моя уловка сработала, и я увидел, как опустилась рука с гранатой у наиболее приблизившегося к нашему окопу красноармейца. До этого лицо у него было довольно злое и сосредоточенное, но когда до его ушей донёсся очередной выверт Сергея, боец даже приостановился, а губы у него непроизвольно расплылись в блаженной улыбке. Вот так мы встретились

с нашими братьями из 44-й стрелковой дивизии. Потом были крепкие мужские объятия, невольные слёзы радости и последующие за ними бесконечные расспросы.

Глава 14

Наконец, после недолговременной радости от встречи с бойцами 44-й дивизии, появился командир наступающей роты. Он наорал на обступивших нас бойцов и приказал немедленно продолжать наступление. Когда окоп очистился, прыгнул к нам и сам бросился обниматься. После взаимных похлопываний он немного отстранился и представился. В ответ я тоже назвал свою фамилию, звание и должность. Старлей всё это нетерпеливо выслушал, а потом неожиданно опять бросился обниматься. При этом он едва слышно повторял:

– Господи! Неужели мы всё-таки побились к нашим! Не зря я ночью так молился! Нет, к чертям собачьим этот атеизм, если попаду домой, обязательно пойду в церковь и поставлю свечку. Эх! Сколько ребят не дожило до этого момента!

Вскоре прибыли и чины повыше. В окоп запрыгнули командир и политрук батальона. Пришлось по новой представляться, обниматься и докладывать о месте дислокации основных сил нашей дивизии. Этим командирам я уже более подробно доложил о действиях наших рот, а также рассказал о нашем рейде на бронетранспортёре на позиции финнов.

Батальонному начальству ужасно захотелось посмотреть на этот легендарный броневик. За короткое время нашей операции он успел стать легендой даже у них, так как в бинокли они видели эпизоды этого героического, поистине чкаловского наскока на финнов. Поэтому и начали досрочно атаку. Наш бой видели и более высокие чины. На НП батальона перед самой главной для дивизии атакой собралось командование полка и всей дивизии. Первоначально наступление планировали на двенадцать часов дня. К этому времени должны были стянуть к данной линии обороны финнов все оставшиеся наши боеспособные части.

Все понимали, что предстоящая атака – это последнее, на что способна обескровленная 44-я дивизия. Поэтому сюда и съехалось всё командование. А в настоящее время командовал остатками дивизии один из командиров полков. Официальный командир дивизии комбриг Виноградов, вместе с начальником штаба Волковым, уже давно находились в тылу 7-й армии, и наверное, попивали горячий чай с плюшками. Этот горе-комдив, можно сказать, бросил рассечённую финнами на шесть частей свою дивизию. Хотя, например, командир, окружённой ранее 163-й дивизии, полковник Зеленцов, смог под прикрытием арьергарда, по льду озера Киалаярки, вывести остатки своих подчинённых к советской границе. Все эти сведения давно бродили на уровне слухов в нашей армии. И вот старлей из 44-й дивизии подтвердил один из них – то, что Виноградов командует дивизией из тыла 7-й армии по радиосвязи.

Когда появился наш бронетранспортёр, готовым к атаке оказался только один сводный батальон. Фактический командир дивизии как-то прочувствовал, что, наконец, появился реальный вариант для прорыва обороны финнов. Он-то и отдал приказ к началу боя одним батальоном безо всякой поддержки артиллерией. И это несмотря даже на то, что такими силами уже не раз пытались прогрызть неприступную линию обороны, но неизменно получали по зубам от буквально зарывшихся в землю финнов. Полковник, наверное, понимал, что собранные со всей дивизии три батальона, без хорошей артподготовки всё равно не смогут преодолеть этот рубеж обороны. Снарядов в дивизии практически не осталось, а собранные им люди были истощены и совершенно измучены долгими ночёвками на морозе.

Всё это мне по секрету на ухо рассказал бодро шагающий рядом со мной старлей, когда мы по просьбе батальонного начальства направились к нашему бронетранспортёру. Когда уже подходили к концу траншеи, он произнёс:

– Знаешь, Черкасов, батальонный и политрук не зря к вашему металлолomu направились. Наверняка, как только поутихнет стрельба, к бронетранспортёру пожалуют командиры

полка и дивизии. Так что готовься, парень, предстать перед начальственными очами. Причешись, подтянись, ну в общем, сам знаешь, что делать.

Сказав это, он сам же и захохотал. Я тоже хмыкнул и ответил:

– А мне, Васёк, по барабану твоё начальство, у меня своего хватает. Ты лучше сам вон снегом оботришься, а то вид у тебя, прямо скажем, не молодецкий. Видно, что совсем уже достала тебя эта кочевая жизнь, и держись ты из последних сил. А на глаза начальства надо появиться бодрым и довольным судьбой, которая подарила тебе таких командиров.

На старлея моё дружеское подкалывание произвело надлежащее впечатление. Он приостановился, сгрёб охапку чистого снега и ожесточённо, с уханьем стал растирать им лицо. Потом догнал меня и всё-таки, прямо перед тем как мы вылезли из окопа, успел-таки вставить своё последнее слово:

– Юр, ты тоже оботришься, а то у самого глаза красные, как у вурдалака. Наверняка же тоже несколько суток не спал. Видать, у вас начальство такое же беспокойное, как и у нас. И въезжают в свой командирский рай на таких вот рабочих лошадках, как мы с тобой.

Когда мы выбрались из окопа, стрельба уже практически закончилась. Только вдалеке иногда раздавались отдельные винтовочные выстрелы. Это красноармейцы 44-й дивизии палили вслед отступающим финским частям. Да, именно так – финны уходили с этой линии обороны. Я бы даже сказал, улепётывали, в панике побросав всё тяжёлое вооружение. Я с огорчением увидел, что чухонцев даже никто и не преследовал. Так, редкие выстрелы вслед, вот и вся погоня! Это говорило о крайнем утомлении бойцов 44-й дивизии. На последнюю атаку они отдали все свои силы.

Добравшись до бронетранспортёра, я первым делом залез в кабину. Там я оставил весь свой золотой запас – американские сигареты. Когда снаряд попал в двигатель, у меня всё, не относящееся к выживанию, вылетело из головы. Сильная потребность покурить возникла только после того, когда в окоп ввалился старлей. Стрелять курево у окруженцев было очень неловко, а тут ещё появилось батальонное начальство, и стало совсем не до табака. Хотя, когда я шёл к бронетранспортёру, то с вождением думал об оставленных в нём сигаретах. Ещё я представлял, какой произведу фурор, если начну угощать этими сигаретами представителей 44-й дивизии. Так оно и вышло, я просто купался в лучах всеобщего восторга, когда предлагал им испробовать эти буржуйские изыски. Сигарету взял даже командир батальона, хотя по тому, как он ей задымил, было видно, что курением он просто балуется.

Так мы стояли, курили и болтали минут десять. Чувствовалось, что батальонное начальство кого-то ожидает. Наконец показались две санные упряжки,двигающиеся к нам. По сильно напрягшемуся командиру батальона я понял, что предположение старлея было верным – к нам прибывает большое начальство. Через пять минут около нашего бронетранспортёра стало оченьлюдно, а мне пришлось ещё раз докладывать обо всём произошедшем, но уже командиру 44-й дивизии. Потом, как уже и повелось, меня начали тискать в объятиях и даже целовать.

Как только эта церемония закончилась, я, вытянувшись по стойке смирно, попросил:

– Товарищ полковник, разрешите с вверенными мне красноармейцами отбыть в расположение своей дивизии. Нужно доложить моему командованию о соединении с вашей дивизией.

Потом, уже менее официальным тоном и намного тише, продолжил:

– Товарищ комдив, а можно попросить, чтобы нам выделили лыжи, а то добираться до деревни довольно далеко, и это может занять много времени.

Полковник усмехнулся, хлопнул меня рукой по плечу и ответил:

– Ну ты, старлей, и скромняга! Какие, к чёрту, лыжи, мы должны тебя и твоих ребят до деревни отнести на руках. Так что не скромничай и глаза не потупляй. Довезём мы вас до деревни, поедете, как раньше дворяне ездили – на удобных санях. И начштаба мой с вами

поедет, будем с вашим штабом полный контакт налаживать. Так что можешь звать своих бойцов и рассаживаться по этим двум саням.

Я козырнул и собрался уже отойти в сторону, но полковник неожиданно опять меня обнял и негромко, так чтобы слышал только я, сказал:

– Спасибо тебе, сынок, не забуду я этого! Лично буду ходатайствовать перед командиром твоей дивизии, да и в штабе армии, чтобы тебя достойно наградили.

После этих слов он легонько подтолкнул меня к саням, а сам повернулся и стал беседовать со своими подчинёнными.

Я, подойдя к группе своих красноармейцев, стоящих немного в отдалении, сообщил им приятную новость:

– Мужики, радуйтесь! Поедем к себе, как короли, на командирских санях с мягкими сиденьями. Если бы сверху ещё набросили верблюжье одеяло, то вообще – кайф, всю жизнь бы так передвигался.

Это сообщение очень порадовало моих ребят. Всё-таки они были на ногах уже почти двое суток. Буквально через пять минут мы уже рассаживались по саням. Врио начальника штаба 44-й дивизии уже сидел в переднем экипаже, с ним был и его адъютант. К ним-то я, вместе с Шерханом, и присоседился, остальные ребята направились к другим саням. Как только все расселись, ездовой дёрнул за вожжи, и лошади тронулись.

В посёлок мы въехали минут через пятнадцать, выстрелов там уже не было, а вдоль проезжаемых улиц сновали красноармейцы. Местных жителей было не видно. Лица красноармейцев мне были незнакомы. Остановив одну из групп, во главе с лейтенантом, я поинтересовался, кто они и где находится ближайший штаб. На моё счастье, это оказались бойцы из третьей роты нашего батальона. А лейтенант неоднократно меня видел, поэтому никаких подозрений наши сани не вызвали. Смотря на меня с каким-то восторженным обожанием, этот молоденький лейтенант подробно объяснил нам, как добраться до штабов.

Оказывается, в посёлок уже подтянулись все батальоны, и даже штаб полка. Все финны, которые уцелели после нашего рейда – разбежались, когда начали подходить другие части. Эта безумная атака наших двух рот на деревню уже обросла легендами. А я для красноармейцев и младших командиров нашего полка превратился прямо в какого-то идола. Конечно, этот восторг в глазах лейтенанта и хвалебные речи о действиях наших рот грели душу, но меня больше беспокоило отношение старших командиров к моим самовольным действиям. Всё-таки наши действия во время этого рейда больше походили, прямо сказать, на самую настоящую партизанщину, и никакого согласия командования на его проведение у меня не было. Скажу больше – чтобы мне не помешали, я специально задерживал донесения в батальон. И вообще, нарушил кучу уставов. Единственное, чем я себя успокаивал, когда мы ехали в штаб, это то, что победителей не судят.

По сообщению встреченного лейтенанта, наш комбат вместе с Пителиным сейчас находились в штабе полка. Там шло какое-то совещание. Вот я и направил наши санные экипажи в сторону штаба полка. Он расположился совсем недалеко от сожженной нами кирхи, в доме какого-то местного богатея. В этом же доме, на первом этаже находился продуктовый магазинчик.

Добравшись до этого дома, я, вместе с представителем 44-й дивизии направился в штаб. Своих ребят я отправил на отдых в место расположения роты. Рассудив, что красноармейцы вряд ли будут нужны на предстоящем командирском совещании.

Моя рота располагалась в блиндажах захваченного нами блокпоста. Об этом мне рассказал всё тот же лейтенант.

Адъютант нашего комполка встретил меня с распростёртыми объятиями и тут же провёл в комнату, где собрались командиры батальонов, их начальники штабов и политруки. Помещение торгового зала магазина было довольно большое. Все прилавки, полки и другая

мебель были отодвинуты к стене. Посередине этого зала стояли только сдвинутые вместе столы и множество стульев. Половина из них была занята командирами, остальные стояли пустые и использовались как вешалки для верхней одежды.

Войдя, я строевым шагом, смешно шлёпая валенками по деревянному полу, подошёл к комполка и громко отрапортовал. Потом представил начальника штаба 44-й дивизии. Удивлению присутствующих не было предела. Ещё бы, ведь это совещание было созвано именно для решения вопроса о дальнейших действиях по пробитию коридора к 44-й дивизии. Как раз перед этим командир второго батальона жаловался на нехватку боеприпасов и невероятную усталость людей. И что с такими силами невозможно пробиться к 44-й дивизии, что финны очень сильны, и нужно дождаться подкрепления, чтобы организовать штурм укрепрайона. И вдруг на это серьёзное совещание врывается какой-то ротный и заявляет, что всё уже сделано, коридор пробит, грозные финны разбежались. И послать его куда подальше или проигнорировать невозможно. Вместе с ним прибыл сам начальник штаба окружённой 44-й дивизии. Одним словом, ввёл я присутствующих в полную протрацию, а командир второго батальона весь раскраснелся, пряча глаза, короче – обтек.

После минутного молчания все разом загалдели, некоторые даже подскочили со своих мест и пытались толкнуть речь. Весь этот шум перекрыл мощный рык командира полка:

– Молчать! Совещание закончено, всем следовать в свои батальоны. Черкасов, ты там снаружи подожди, пока я переговорю с начштаба 44-й дивизии.

Буквально в несколько минут весь зал опустел. Все, не надевая, похватили со стульев свою верхнюю одежду и поспешили покинуть это помещение. Я на улице оказался первым, мне же не надо было заботиться о своей верхней одежде, она и так была на мне. Следом за мной вылетел Сипович, он, даже не застёгивая свой полушубок, сразу же бросился ко мне обниматься.

Потом, по мере выхода из штаба, меня каждый норовил потискать и похлопать по плечам. Даже командир второго батальона, и тот с большим чувством и от души меня поздравлял. Меня такая физическая обработки здоровыми мужиками уже порядком утомила, я стоял среди этих людей и еле лепетал о наших действиях по освобождению деревни и рейде на трофейном бронетранспортёре. Окружившие меня командиры буквально вынудили с подробностями рассказать о наших геройствах. По-настоящему геройскими действия наших рот представляли только тогда, когда подавали свои реплики Сипович и адъютант полковника из 44-й дивизии. Сипович всё время меня нахваливал, как бы говоря – вот видите, какие командиры рот в моём батальоне. А лейтенант из 44-й дивизии, так тот просто пел дифирамбы о нашем лихом рейде на бронетранспортёре, и сколько финнов мы там покروшили.

Минут через тридцать вышел адъютант командира полка и вызвал меня к нашему майору. Как только я зашёл, опять был обласкан начальством. Майор сразу же, как только меня увидел, воскликнул:

– Молодец, Черкасов, отлично выполнил все приказы. Теперь можешь, делать дырку в гимнастёрке, буду тебя представлять к ордену Боевого Красного Знамени. Думаю, тебе его дадут, командование 44-й дивизии тоже поспособствует этому. Я бы представил тебя за эту деревню к Герою, но, сам понимаешь, этого вряд ли допустят. Вся наша армия в трудном положении, а официально никаких окружённых дивизий не было. Ты понял?

Я вытянулся и гаркнул:

– Так точно!

Майор благосклонно хмыкнул и, обращаясь уже к начштаба 44-й дивизии, продолжил:

– Вот видите, какие в моём полку орлы. Прикажешь, и они коридор хоть до самого Хельсинки прорубят. Да и красноармейцы под стать своим командирам.

В этот момент в разговор вступил наш комиссар полка, он до этого сидел за дальним столом и молча меня разглядывал. Посчитав, наверное, что пора и ему сказать своё веское слово, он несколько напыщенно произнёс:

– Я думаю, Черкасов достоин вступления в партию даже раньше, чем положено по кандидатскому стажу. По крайней мере, я порекомендую партийной организации батальона это сделать. К тому же героически погибший политрук батальона, с самой лучшей стороны характеризовал Черкасова. Каневский хорошо знал старшего лейтенанта и не зря дал ему одну из рекомендаций для вступления в партию большевиков. Думаю, на примере таких товарищей, как Черкасов, и нужно воспитывать прибывающее пополнение. Дисциплинированность и преданность делу Ленина-Сталина, вот основные его черты. Я полностью поддерживаю предложение командира полка о представлении товарища Черкасова к ордену Боевого Красного Знамени.

Слова комиссара, как бальзам, лились на мою душу. Наконец-то я обрёл спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Я всё-таки получил индульгенцию за прошлые самовольные действия, и вся эта партизанская история получила одобрение со стороны партии. И теперь уже никакой чинуша не посмеет совать свой нос в мои дела и раскапывать историю моих прежних поступков. Даже такой зануда и страстный любитель уставов, как капитан Пителин, не будет мне постоянно капать на мозги, перечисляя при этом, сколько же уставов я нарушил. Моя ставка на то, что победителей не судят, полностью сработала.

Как только я понял, что моя дальнейшая карьера находится в полной безопасности, всё моё жуткое напряжение и волнение пропало. Из меня как будто вынули стержень, и я почувствовал страшную слабость в ногах. Было ощущение того, что вся накопившаяся за последнее время усталость, усугублённая бессонницей, внезапно навалилась на меня, полностью лишив сил. Кислорода в лёгких сразу перестало хватать и ужасно захотелось зевнуть в полный рот. Чтобы совсем не потерять самообладания, я незаметно для окружающих попытался сильно ущипнуть себя. Несмотря на ощущения боли и выступившие слёзы, я продолжал стоять по стойке смирно.

Наверное, мой вид всё-таки был не совсем молодецкий и изрядно выбивался из роли, которую нужно было играть. Особенно перед представителем чужой дивизии. И командир нашего полка, наконец, сжалился. Подойдя ко мне, он меня обнял, потом, слегка подталкивая меня рукой на выход, сказал:

– Ладно, Черкасов, иди отдыхай. Чувствуется, нелегко тебе дались прошедшие сутки. Хотел я тебя оставить ожидать приезда нашего командира дивизии. Думал, что ты сам доложишь о проведённой тобой операции, но, чувствую, что ты только оконфузишься. Да! Не твоё это! Тебе проще в атаку сходить, чем, не зевая, доложить о ней своему командованию.

Я опять вытянулся, козырнул, развернулся и, нелепо шаркая ногами, вышел из зала. На улице стояли, ожидая меня, Сипович и Пителин. Заплетающимся языком я доложил им о прошедшей аудиенции и то, что командир полка отпустил меня отдыхать.

Услышав информацию о том, что скоро в полк прибудет командир дивизии, Сипович тут же принял решение остаться в штабе, а мне он предложил:

– Черкасов, можешь двигать в расположение своей роты и прилечь соснуть там минуток шестьсот. Обещаю, всё это время тебя не трогать. Придётся перед начальством мне принять весь огонь на себя.

Потом, повернувшись к капитану Пителину, он распорядился:

– Михалыч, ты, на всякий случай, будь в нашем штабе в полной боевой готовности. Вдруг комдив решит заехать к нам. Старшему лейтенанту выдели сани, чтобы он в целости добрался до расположения роты. Потом эти сани возвращай обратно к штабу полка, я пока побуду здесь, нужно ещё порешать кое-какие вопросы. Понял?

Пителин согласно кивнул головой. После этого мы с начштаба направились к стоящим неподалёку батальонным саням.

Борис Михайлович лично сопровождал меня до бывшего блокпоста, где теперь располагалась наша рота. По пути я как мог подробно доложил ему о нашем рейде. Никаких упреков в самоуправстве и нарушении уставов я не услышал. Было только внимание и искреннее сожаление о погибших товарищах. Я даже удивился – как этот сухарь и служака сумел почувствовать ту обстановку, в которой я очутился после уничтожения засады шюцкоровцев. Он всё понял и даже сейчас в разговоре одобрил все, принятые мной решения.

Наша беседа продолжалась даже тогда, когда мы уже доехали до блокпоста и остановились неподалёку от моей теплушки. Метрах в десяти от неё ходил часовой. Я его узнал, это был один из подчинённых нашего старшины. Минут через семь после того, как мы остановились, из ближайшей землянки выбрался Шапиро. Не одевая лыж, проваливаясь по колено в снег, он направился к нашим саням. Его приближение и послужило сигналом к прекращению нашей беседы. Напоследок Пителин мне сказал:

– Молодец, Юра, я горжусь тобой! Похоже, ты становишься настоящим командиром – инициативным и предусмотрительным, при этом не гнушаешься искренне общаться с подчиненными. Чувствуется, что они пойдут за тобой хоть на край света, и ты их не предашь и не подставишь. Правда, начальству с тобой работать трудно, ты очень своевольный и всё-таки к уставам относишься своеобразно. Когда они подходят к твоим действиям, ты их чтишь, а когда противоречат, то ты их просто не замечаешь. Ладно, парень, в этом рейде это оправдало себя, но в дальнейшем, помни, все уставы написаны кровью. И писали их умные люди, поэтому нужно их выполнять. Это тебе не партизанский отряд, а регулярная Красная армия. Усёк, казак!

Я попытался встать и вытянуться в санях, но только позорно опрокинулся на сиденье. Михалыч засмеялся, хлопнул меня по плечу и воскликнул:

– Верю, верю, Черкасов, но ты уже на ногах стоять не можешь! Давай вон дуй к своему комиссару, пускай поможет тебе добраться до кровати.

Подошедший Шапиро, наверное, услышал последнюю фразу Пителина, поэтому стал мне помогать выбраться из саней. Как только я оказался на снегу, ездовой дёрнул вожжи, и лошадь, подчиняясь этой властной команде, тронулась, потащив за собой сани. А мы вместе с Осей, опираясь друг на друга, направились в мою теплушку. Зайдя внутрь теплушки, я поразился наведённой в ней чистоте и порядку – было тепло и уютно, а полураздетый Шерхан лихо закидывал в топку печки дрова, при этом что-то бормоча себе под нос. Как только он увидел нас, так сразу подскочил и как заботливая мамочка запричитал:

– Товарищ старший лейтенант, что же так долго. Я уже раза два ставил кипятить чайник, пока вас ждал. Вы двое суток уже не спали, да толком и не обедали. Сейчас пойду к кашевару и принесу горячего супчику. Ребята Бульбы сегодня приготовили что-то потрясающее, мясо даже в котелке не помещается. Пока мы там бодались с финнами, старшина тут такую деятельность развёл – мама не горюй. Пока интенданты других частей в носу ковырялись, Бульба разными продуктами набил несколько саней. К тому же с раздолбанной третьим взводом фермы пригнал четырёх телят. Так что супчик у нас сегодня из парной телятины. Старшина не только раздобыл свежих продуктов, он ещё с помощью пленных вычистил все блиндажи, да и в вашей теплушке навёл полный порядок. Красноармейцы у него, как у Христа за пазухой, наелись вкуснятины и разошлись по блиндажам отдыхать. Сейчас всю службу несут его обозники. У финнов тут был форменный дом отдыха, на нарах даже постельное бельё имеется. И с дровами всё хорошо, можно целую неделю топить печки, не переставая.

Шерхан, наконец, приостановил своё словоизвержение, посмотрел на Шапиро и предложил:

– Товарищ политрук, давайте я и вам тоже принесу горячего супа. Лишняя пайка еды на войне ещё никому не помешала. Тем более вторая порция такой амброзии в желудок сама пойдёт.

– Да нет, Наиль, я уже и так чувствую себя как сытый удав. Ты лучше найди старшину и возьми у него батон колбасы и банку рыбных консервов. Я видел, как он лично переносил куда-то несколько палок колбасы, а следом его кашевар пёр целый ящик консервов. Скажи, что командирам нужно душевно посидеть и обсудить дальнейшие планы.

Шапиро весело посмотрел на меня, подмигнул и кивком головы указал на полку, где лежала заветная бутылка шведской водки.

Неожиданно входная дверь теплушки распахнулась, и вошёл сам старшина. В одной руке он нёс небольшой холщовый мешок, в другой полный котелок наваристого борща. Запах из котелка шёл такой, что мне немедленно захотелось, не раздеваясь, усесться за стол, схватить большую ложку и не отрываться от этого котелка до тех пор, пока это кулинарное чудо полностью не окажется внутри меня, усталость и сонное состояние сразу куда-то отступили.

Пока старшина ставил на стол котелок и опустошал принесённую сумку, я успел скинуть верхнюю одежду. Со мной вместе разделся и Шапиро. Подойдя к столу, я просто обалдел от вида аппетитно разместившегося на нём роскошества. Кроме копчёной колбасы, банки шпрот и различных солений, там стояла бутылка водки с запечатанной сургучом горлышком.

«Да, – подумал я, – наверное, и в ресторанах таких разносолов не подают! Вот же, Бульба, чёрт, угодил так угодил! С такой кормёжкой хоть снова в рейд, крошить чухонцев».

Между тем старшина, выложив продукты и отбросив мешок в сторону, повернулся ко мне. Ни слова не говоря, он обнял меня и стал от души мять моё измученное тело. Через минуту этого, уже ставшим привычным для меня, истязания, он каким-то надорванным голосом произнёс:

– Слава богу, что вы живы! Я побывал в деревне и удивился тому, что там наши роты наколбасили. Видел и пленённых там финнов, они просто в ужасе от этой ночи, наши ребята представляются им просто ищадем ада, прибывшим покарать их за все преступления. Под конец боя начали сдаваться просто пачками. Одних пленных за нашей ротой более ста человек. А уж убитых и не счесть. Если пленные говорят правду, то наши роты только сожгли около двух тысяч финнов. Да, товарищ старший лейтенант, это только благодаря вам мы одержали такую по беду.

– Да ладно, хватит тебе, Тарас! Меня уже так за сегодня захвалили, что скоро лопну от гордости и самодовольства. Сам же понимаешь, что в эту победу каждый вложил свою душу, включая и твоих ездовых с поварами. Если бы не героизм наших красноармейцев, то не было бы этого дня и этого шикарного стола. В лучшем случае сейчас бы сидели в снегу, осаждая этот блокпост. А в худшем лежали бы мёртвые, скошенные пулями финских егерей. Слушай, Бульба, ты должен знать точно, какие в нашей роте потери? Командиров взводов поднимать для докладов не стоит, пусть хоть немного отдохнут. Они намаялись ещё больше, чем я. Всё-таки мы разъезжали на бронетранспортёре, а им пришлось бегать на своих двоих. Так что, давай, докладывай, не томи душу!

Старшина ненадолго задумался, потом скривился, наверное, вспоминая о ком-то близком, затем медленно начал перечислять наши потери:

– Да, товарищ старший лейтенант, потеряли мы много золотых ребят. В первом взводе убито четверо, во втором девять, в третьем пять человек. Тяжелораненых в целом по роте девятнадцать человек, их всех отправили в медсанбат. Легкораненых, это тех, кто остался в роте, семь человек. Активных штыков в роте осталось сорок два, это, конечно, не считая моих архаровцев и фельдшера с двумя ездовыми санитарных саней. Практически не постра-

дал только наш новый, огневой взвод, под командованием товарища политрука. Там ранены два человека, один тяжело и один отделался пустой царапиной.

Старшина примолк, собираясь продолжить свой доклад. Но я его прервал:

– Хватит, Бульба, достаточно! Меня не интересует, какие трофеи ты набрал. Насрать на все эти запасы продуктов, тёплых вещей и прочего говна. Людей жалко! Каких ребят Россия потеряла! Давай, старшина, доставай стаканы – нужно помянуть истинных творцов этой победы!

Старшина с готовностью открыл настенную полку и вытащил три гранёных стакана. Я помотал головой и пальцами показал – четыре. Бульба безропотно достал четвёртый стакан. Пока Шапиро финкой кромсал колбасу и вскрывал шпроты, Бульба полностью разлил по стаканам бутылку, стоящую на столе. После этого мы, не чокаясь, не говоря больше никаких слов, опустошили эти стаканы. Вместе с нами, тремя командирами, погибших ребят помянул и красноармеец Асаенов.

После выпитой водки меня весьма ощутимо повело. Наверное, на непомерную усталость организма наложилось и то обстоятельство, что я до этого практически никогда не пил спиртные напитки. В нашем эскадроне это было категорически запрещено. Я очень неловко присел на скамейку и торопливо приступил к поглощению ещё горячего супа. Шапиро времени зря не терял, пока я хлебал щи, он достал с полки бутылку шведской водки и разлил её в три стакана. Стакан Шерхана был со стола убран, а сам он вышел из теплушки, чтобы не мешать командирам.

Когда мы выпили всю водку, я совсем поплыл. Можно сказать, отрубился. В памяти остались только отрывочные воспоминания о речах, которые вёл Осип, и заботливые руки Бульбы, укладывающие меня на лежанку. Я провалился в беспробудный сон. Очнулся только часов через восемь, да и то только потому, что Шерхан принёс полный котелок горячей картошки с мясом. Перекусив и выйдя из теплушки оправиться, я снова забрался в свою берлогу и улёгся отсыпаться дальше. При этом уснул мгновенно и спал безо всяких сновидений. Муки совести за загубленные души финнов совершенно не мучили меня во сне. Наоборот, было ощущение полной удовлетворённости от хорошо сделанной работы.

Глава 15

Окончательно проснулся часов через шесть и то не по своей воле. Прибыл вестовой с требованием явиться в штаб батальона. Время было четыре часа утра. Так как вестовой не настаивал, что в штаб нужно прибыть срочно, я особо и не торопился. Встал, побрился, умылся теплой водой, целое ведро которой заботливо нагрел для меня Шерхан. Он же поставил разогреваться чайник и разложил остатки вчерашнего пиршества на столе. Так что завтрак у меня был, можно сказать, королевский – ароматная финская колбаса, сыр и различные соленья.

Шерхан ночевал в этой же теплушке. Он сдвинул две лавки, разложил на них постельные принадлежности, принесённые из офицерского блиндажа, получилось довольно-таки удобно. Для меня он сделал точно такую же постель, и матрас был принесён тоже из офицерского блиндажа. Да, умеет мужик устраиваться, подумал я о Шерхане, и водочку элитную попил и ночует, как командир роты.

Посмотрев на часы, я начал поторапливаться. Было уже без четверти пять утра. Я быстро допил чай и вышел из теплушки. Там уже наготове стояли санитарные сани. Об их подаче договорился Шерхан, он как встал, даже не умываясь и не перекусывая, только меня и обслуживал.

«Точно заботливая мамочка, – опять подумал я о Наиле, – хорошо, что об этих его качествах не знает высшее командование, а то, как пить дать, забрали бы его к себе в ординарцы».

Обернувшись к вышедшему за мной Шерхану, я хлопнул его по плечу и сказал:

– Золотой ты кадр, Асаенов! Я-то намеривался на лыжах добираться до штаба, а ты, смотри, подумал о своём командире. Спасибо тебе, парень, уважил! Теперь давай, сам иди, перекуси и начинай будить всех остальных. Нужно, чтобы через час вся рота была готова выступить. Я думаю, придётся! Не просто так в штаб вызывают в четыре часа утра. Либо у вышестоящего начальства бессонница и ночью возникла мысль о каком-нибудь гениальном манёвре, либо, что гораздо хуже, случилось какое-нибудь ЧП. Правда, я думаю, что, скорее всего, у командира родилась мысль осуществить силами нашей роты какой-нибудь гениальный манёвр. Особой срочности появления в штабе Сипович от меня не потребовал, значит, никакого ЧП не произошло.

После этих слов я забрался в сани и приказал ездovому:

– Давай, Фёдор, двигай в штаб батальона. С Бульбой ты, наверное, уже всю деревню прошерстил и знаешь, где он находится.

Красноармеец утвердительно махнул головой, дёрнул вожжи, и мы тронулись.

Возле штаба всё было спокойно. Невдалеке от крыльца частного дома, где располагался штаб, топтался часовой. Кроме наших саней, других конных экипажей не наблюдалось. Суесящихся людей, как обычно бывает при любой тревоге, не наблюдалось. Всё было тихо, даже выстрелы отдалённой канонады прекратились.

Значит, никакого ЧП, и этот вызов был связан только со мной или моей ротой, сделал я закономерный вывод.

Время было ровно пять часов утра, когда я переступил порог штаба.

В большой комнате, где и располагался сейчас штаб, находились только капитан Пителлин и писарь. Когда я доложил, Михалыч в ответ на мой ищущий взгляд и немой вопрос сказал:

– Что, не видишь здесь Сиповича и недоумеваешь, почему его нет, если он тебя вызвал в штаб? Всё это из-за тебя, Черкасов, ты поднял такую волну, что уже сутки командир батальона находится на ногах. Вот и сейчас его опять вызвали на совещание. Командование всё никак не может выработать тактику действий после твоих боевых свершений. С того

момента, как тебя отправили спать, происходит уже пятое совещание, теперь в штабе 44-й дивизии. Во, какую ты задачку задал, парень, даже в штабе армии недоумевают, как теперь задействовать нашу дивизию. По плану штаба армии, после деблокирования 44-й, наша дивизия выводилась на отдых и пополнение. Предполагалось, что потери будут очень большие и потребуются не менее двух недель, чтобы дивизия восстановила свою боеспособность. А тут вдруг – такой облом всех планов. Задача вроде бы выполнена, а потерь нет. Вот незадача-то! Да, Юра, выбил ты наших стратегов из колеи. Теперь, пока не выдумают новых планов, спать нижестоящим командирам не дадут.

Начштаба коротко хохотнул, потом предложил сесть возле себя и продолжил:

– Ладно, Черкасов, это всё лирика, вернёмся к нашим баранам, а именно к вопросу, зачем тебя подняли с кровати и вызвали в штаб. Во-первых, выспаться ты должен был знатно. Сипович тут грудью стоял, не давая тебя беспокоить. А во-вторых, есть для твоей роты новое задание. Даже можно сказать не для роты, а для одного отделения, но обязательно во главе с тобой. Это приказ самого командира дивизии. Ты теперь стал, как счастливый амулет, поэтому готовься затыкать своей везучей задницей все огрехи нашего командования. Теперь, пока не выбьешься в герои Советского Союза, или не получишь шпалы в петлицы, тобой будут все дырки затыкать. Так что терпи, казак, атаманом будешь. А нужно теперь твоей группе выполнить функцию чисто разведывательную. Добраться до Раатенского котла, в который попали два батальона и приданные 44-й дивизии танковые части. Требуется выяснить на месте судьбу наших войск, и если какая-нибудь часть ещё не уничтожена, постараться с ней связаться. На всё про всё тебе даётся четверо суток. Если никого в живых не найдёшь, то немедленно возвращайся. Твой доклад будут ожидать аж в штабе армии. Видишь, ты уже даже там известен.

Я очень удивился этому заданию и несколько ошарашенно спросил:

– Товарищ капитан, но ведь в дивизии есть целая разведрота? Там ребята все подготовленные, хорошие лыжники и отличные стрелки. Это вам, не наши пешкодралы, которые и снайпера-то почувствуют только тогда, когда его пуля уже пробьёт им череп. Боюсь, что мы слабо подготовлены к такой операции.

– Не бухти, Черкасов! Начальству видней! Примерно с таким же вопросом обратился к комдиву и Сипович. Но я же тебе уже объяснял, что ты для начальства превратился в счастливый талисман. Даже в штабе армии считают, что только ты – удачливый старлей можешь найти выживших ребят даже из 163-й дивизии. Так что, Юр, все разговоры бесполезны, вот, бери подготовленную мной карту с примерным расположением частей и дуй в роту. Не позднее 8-00 вам нужно выступать. Сплошного фронта у финнов нет, поэтому ты даже днём спокойно просочишься мимо их опорных пунктов. Всё, старший лейтенант, время пошло. Удачи тебе, парень!

После этих слов капитан поднялся со стула, я тоже подскочил со своего места. Михайлыч протянул мне свёрнутую карту, и я положил её в свою планшетницу. Затем, не сговариваясь, мы обнялись, после чего я вышел из штаба.

В отличие от моей роты, где бурлила жизнь, проезжая по улицам деревни, можно было подумать, что я попал в сонное царство. Окна в домах были тёмные, на улицах было пустынно и тихо. Даже собаки в финских дворах перестали гавкать.

«Наверное, наши красноармейцы их всех отстреляли, – подумал я, – а сами местные жители забились в какие-нибудь каморки и сидят, боясь высунуть нос. Конечно, столько войск собралось в их посёлке. Скорее всего, тёплые помещения во всех постройках забиты нашими солдатами. Ведь в оставшихся целыми домах сейчас расположились, кроме нашего полка, ещё и части 44-й дивизии. Да, деваться, кроме как в дома частного сектора, нашим войскам было некуда. Все большие общественные здания сожгли мои боевые группы».

Когда сани остановились возле моей теплушки, я сразу заметил Шерхана. Он, отделившись от группы красноармейцев, стоящих возле полевой кухни, по уже натоптанной тропинке спешил ко мне. Когда Наиль подошёл, я увидел в его руке пустой котелок.

«Вот же, зараза, — с некоторым восхищением подумал я, — этот прохиндей уже ведь позавтракал колбасой с чаем, а теперь ещё решил получить пайку и с другими красноармейцами».

Подойдя ближе, Шерхан невинно посмотрел на меня и сказал:

— Товарищ старший лейтенант, все ваши поручения я выполнил. Личный состав роты разбужен, командиры сидят в ожидании приказов в вашем штабе. Юрий Филиппыч, разрешите, я на вашу долю тоже возьму горячего кулеша. Бульба сейчас щедрый, мяса на кухню выделяет много, нужно этим пользоваться. Когда ещё такая лафа будет. Я за эти сутки съел мяса больше, чем за всё время нахождения в армии.

— Да ты, Шерхан, скоро лопнешь от жратвы!

— Ну нет, товарищ старший лейтенант, с вами даже лишнего грамма в весе не прибудет. Спокойно сидеть и наслаждаться жизнью вы не дадите, всё какие-нибудь рейды или мордобой случается. А во время всех этих дел вы даже перекусить забываете. То ли дело, вон, финны, у них — война войной, а обед по расписанию. Нет, под вашим командованием нужно наедаться впрок, да побольше.

— Ладно, уговорил, только я сначала обговорю все вопросы с командирами, а уж потом неси свой кулеш.

На мои слова Асаенов одобрительно гукнул, потом, опомнившись, вытянулся и спросил:

— Разрешите выполнять ваше приказание?

— Давай, Наиль, действуй! И еще, найди старшину и скажи, чтобы он тоже пришёл в штаб.

Зайдя в свою теплушку, я увидел, что собравшиеся командиры взводов и политрук чаёвничали. При этом оживлённо что-то обсуждали. При моём появлении Шапиро достал чистый стакан и налил туда крепко заваренного чая. В помещении было тепло, уютно и уже всё прибрано Шерханом.

Я не видел своих взводных целую вечность, практически с момента начала нашей операции в деревне. Только во время боя у кирхи несколько минут пообщался с Климовым. Поэтому, как только скинул верхнюю одежду, даже не притрагиваясь к стакану с чаем, начал со всеми обниматься и благодарить за отлично проведённую операцию. После этого заставил каждого кратко рассказать о самом ходе боя. Первым, как и положено, начал докладывать комвзвода-1 Курочкин:

— Товарищ старший лейтенант, моя группа, как вы и приказали, двигалась по деревне, абсолютно не скрываясь. По пути я видел нескольких финнов, но они внимания на нас совершенно не обратили. Когда добрались до фабрики, я первоначально ужаснулся размеру этого здания. Всё боялся, что наших огневых средств не хватит, чтобы удержать финнов внутри — слишком оно было длинным и в нём было много окон. Но, присмотревшись, увидел, что окна на первом этаже были все зарешечены. Тогда на сердце у меня немного отлегло, и я подумал, что наша авантюра всё же может завершиться успехом. Дальше всё пошло совсем просто. Мы со всех сторон окружили эту фабрику. Финны очень сильно понадеялись на охрану внешнего периметра, поэтому возле здания ходил всего лишь один часовой. Он оказался полным лохом. Во-первых, ни хрена не услышал, когда мы занимали позиции вокруг здания. А во-вторых, допустил до себя рядового Силина. Тот притворился загулявшим шюцкоровцем, и, хотя по-фински чисто может произнести всего пару слов, смог приблизиться к часовому на расстояние штыкового удара. Как только мы сняли часового, я обыскал стоящую невдалеке машину и нашёл там канистру с бензином. До назначенного вами времени

оставалось пять минут, и я вместе с Силиным зашёл через центральный вход. Там на проходной сидел ещё один лох, наверное, он видел какой-то хороший сон, так и умер с улыбкой на лице. Мы разлили принесённую канистру, опрокинули две бочки со стоявшей там олифой, и когда пришло назначенное время, я кинул бутылку с зажигательной смесью. Когда мы с Силиным выбежали, ребята как раз забрасывали в окна этой фабрики гранаты и бутылки с зажигательной смесью. А потом нам оставалось только отстреливать самых резвых финнов, которые пытались выпрыгнуть со второго этажа этого здания. Внутри фабрики разгорелось очень хорошо, наверное, там было много горючих веществ. Я даже слышал несколько внутренних взрывов, а из окон так и хлестало пламя. Ни один человек, находившийся в здании, не спасся. Через минут двадцать этого пожара уже никто из финнов даже не пытался выбраться из здания. Примерно к тому времени, когда солдаты, заблокированные в фабричном здании, перестали трепыхаться, оживились шюцкоровцы и прочая финская нечисть, ночующая в частном секторе. Полезли, как тараканы, со всех сторон. Хорошо, что у них не было единого руководства, поэтому в том бардаке мы смогли перегруппироваться и начать отстреливать суесящихся чухонцев. В одном из домов, наверное, на постое были офицеры, и вокруг этого дома образовался очаг сильного сопротивления. Вот там и погибли два моих красноармейца, а один был тяжело ранен. Пришлось подтягивать «Бофорс», минут через семь его работы по этому дому там уже некому было сопротивляться. Только мы всё зачистили, как пришла новая напасть. Навалились подошедшие егеря. Да, это вам не шюцкоровцы, это ребята серьёзные, и взялись они за нас основательно. В том бою я потерял ещё двух ребят убитыми, и троих тяжелоранеными. Грызлись мы с егерями долго, не меньше часа, если бы не «Бофорс» и два станкача, они нас бы додали. Умеют сволочи воевать, ничего не скажешь! Тут ещё к егерям присоединились всякие разные шавки, типа шюцкоровцев, совсем стало херово. Я уже думал, что всё, писец, но тут финны вдруг сами начали отходить. И, слава богу, а то у нас уже и снаряды к «Бофорсу» кончились, да и гранат совсем мало осталось. Сигналом к отходу финнам послужили всё больше разгорающиеся перестрелки у них в тылу, на расположенных там артиллерийских батареях. Оказалось, это вы, товарищ старший лейтенант, захватив бронетранспортёр, устроили чухонцам весёлую жизнь. До того, как сегодня товарищ политрук не рассказал об этом, я и не знал, кто нам так здорово подсобил. Ни сам я, да и никто из моей группы даже не заметили, как ваш броневик прорвался в тыл к финнам.

На этом Курочкин закончил свой рассказ. Я посмотрел на Климова. Комвзвода-2 спешно допил свой чай и начал докладывать:

– После того как моя группа закончила бой у кирхи, мы по вашему приказу направились на помощь роте Сомова. Добрались до южной окраины деревни мы как раз вовремя. Одну из групп роты Сомова егеря прижали к горевшей школе. Ребята, можно сказать, попали в безвыходное положение: с одной стороны егеря, с другой – повылазившие из частных домов финские вояки. Долго сдерживать этот двойной напор группа вряд ли смогла. Из автоматического оружия у них был только один станковый и один ручной пулемёты. Видно, егеря готовились к последнему, решительному удару и на свой тыл внимания совсем не обращали. К тому же из близлежащих переулков к ним постоянно подходили всё новые группы финских бойцов. Наверное, и нас командир егерей принял за расквартированных неподалёку финских солдат. Тем более что вооружены мы были автоматами «Суоми», и нашу форму за маскхалатами было не видно, вот мы этим и воспользовались. Рассредоточившись, и подойдя почти вплотную к изготовившимся к атаке финнам, мы автоматным огнём их уничтожили. Потом подтянули «Бофорс» и его огнём рассеяли засевших в частных домах финнов. Попыток атаковать наши объединённые группы уже никто не делал. Мы, можно сказать, на этой окраине деревни стали вершителями судеб разрозненных и растерянных финнов. В сложившейся ситуации я посчитал не нужным организовывать опорный пункт. Тут надо было больше

маневрировать нашим тяжёлым вооружением. Обычно, после пары очередей «Бофорса» по засевшим в частном доме финнам, они выходили из него с поднятыми руками. Мы вместе с ротой Сомова захватили более ста пленных, а уж уничтоженных финнов никто и не считал. Да, товарищ старший лейтенант, знатную заварушку мы тут учинили. Сколько я потом ни беседовал с командирами подошедших частей нашего полка, все просто балдели от проделанной нами работы. Ещё больше удивлялись, что мы потеряли так мало бойцов. Какой-то умник из штаба полка посчитал, что на каждого убитого нашего красноармейца приходится больше ста финнов, и это не считая пленных.

Сергей замолчал и с интересом начал разглядывать чайники в своём пустом стакане. В это время эстафету докладов о прошедших боях подхватил комвзвода-3 Кузнецов. Кузя, немного смущаясь, ведь он совсем недавно возглавил взвод, начал говорить:

– У нас всё проходило намного проще. Моя группа, так же как и другие, смогла беспрепятственно подойти к объекту атаки. Единственное, в чём возникли затруднения, это что объектов оказалось два, а бутылок с зажигательной смесью у нас было не очень много. Но хорошо, что мы прибыли туда минут за двадцать пять до начала общей атаки. За это время мы успели перегруппироваться и рассредоточились вокруг этих двух бывших коровников. У финнов даже не было часовых, зато недалеко стояли сани с загруженной в них бочкой с керосином. Мы вёдрами опорожнили эту бочку. На каждое из зданий вылили по семь вёдер керосина. Потом в назначенное время закидали эти коровники бутылками с зажигательной смесью и гранатами. Разгорелось знатно, при этом удерживать финнов в этом крематории было не очень трудно. У коровников было всего по одному большому входу, а окна были очень маленькие – человеку там было не пролезть. Поэтому на каждый коровник я поставил по пулемёту и по три автоматчика. Остальных бойцов развернул и поручил контролировать прилегающие улицы. Оказалось не зря. Буквально в первые минуты после начала перестрелок в деревне из всех щелей полезли финские солдаты. А как только коровники догорели, появились и финские егеря. Вот тут и началась настоящая война. Неизвестно, кто вышел бы победителем в этом бое, если бы финны не начали сворачивать свою активность и постепенно выходить из боя. Наверное, они получили команду откуда-то сверху. Мы, конечно, просто так их не отпускали, висели у них на плечах до самых крайних домов посёлка. Но как только деревня кончилась, и мы попытались сунуться на открытое место, с егерского блокпоста по нам открыли огонь из «Бофорсов» и «максимов». Пришлось сидеть под прикрытием стен зданий и смотреть, как финны беспрепятственно уходят. Наша стрельба им вслед, по-видимому, не нанесла егерям никакого ущерба.

Кузнецов закончил и вопросительно уставился на меня, также смотрели и другие мои взводные. Пришлось кратко рассказать и о нашем рейде на бронетранспортёре. О расстреле пленных немецких танкистов я не обмолвился ни словом. Судя по тому, что даже Шапиро об этом эпизоде ничего не знал, все бойцы, участвующие в этом расстреле, держали свои рты на замке.

Потом я рассказал о новом задании, поставленном перед нами командованием. К этому времени к нам в теплушку явился старшина. Обсуждать со своими подчинёнными методы выполнения этого задания я не стал. Единственное, чем поинтересовался, кто, по их мнению, лучший лыжник в нашей роте. После небольшой дискуссии я выписал на бумагу девять фамилий и только после этого начал отдавать распоряжения.

– Первое, в этом рейде командовать группой буду я. Так приказал сам командир дивизии. Исходя из этого, командиром роты в моё отсутствие назначаю Климова – как самого старшего по званию строевого командира.

– Второе, предстоящая операция будет чисто разведывательная, поэтому много народу там не нужно, важны, в первую очередь, мобильность и скорость передвижения, а не огневая мощь. Поэтому тяжёлое вооружение брать не буду. Только личное вооружение и запасы

патронов. Вооружение должно быть только финского производства, одежда и лыжи тоже. Нам нужно тихо и незаметно просочиться по финским тылам до посёлка Раате, именно в том районе были окружены моторизованные части 44-й дивизии. Для этого замаскируемся под егерскую или шюцкоровскую группу. Думаю, прорвёмся, при нынешнем положении дел в финской обороне это будет сделать нетрудно. По девственному, нетронутому снегу нам нужно пройти почти тридцать километров, при этом ночевать придётся в снежных пещерах. Вот всё это довольно трудно, но ничего, как говорится – нам не привыкать. Ты понял, Бульба, – вся подготовка одежды, лыж, продуктов и прочего снаряжения лежит на тебе. На всё про всё у тебя есть час времени. На, бери список красноармейцев и давай срочно подбирай им трофейную одежду, маскхалаты, ну и прочее снаряжение. Не забудь выдать каждому особо калорийные продукты. Я слышал, ты там надыбал у финнов несколько килограммов шоколада и два ящика сгущённого молока? Так вот, не жмотись и выдай каждому бойцу, кроме тушёнки, ещё граммов по двести шоколада и по банке сгущёнки.

Бульба несколько напрягся и даже закричал. Наверное, он не ожидал такой моей осведомлённости о его старшинских делах. Но после секундной борьбы со своим куркульством он все-таки преодолел себя, кивнул головой и произнёс:

– О чём разговор, товарищ старший лейтенант? Сделаем!

После чего встал, козырнул, взял у меня список красноармейцев и вышел из теплушки. А я продолжил:

– Ряба, ты остаёшься заместителем у Серёги, на тебе организация постов охраны. Смотри, чтобы не получилась такая же история, как у финнов. Кузя, ну а ты идёшь со мной, будешь заместителем. Поэтому давай подробно изучи карту и начинай собираться. Выступаем в 8-00. Ещё в группу, кроме девяти только что отобранных красноармейцев, войдёт Шерхан. Вот вроде и всё, ребята. Теперь осталось плотно перекусить, и можно собираться.

Поняв, что время слишком дорого, особенно для тех, кто уходит в этот рейд, командиры поднялись и вышли из теплушки. Кузнецов захватил с собой один из экземпляров карты, выданных мне капитаном Пителиным. Лишних разговоров не было. Все прочувствовали серьёзность этого задания. Даже многословный Шапиро и тот не стал толкать свои политические призывы и лозунги.

Как только командиры вышли, в дверях возник Шерхан. Прямо с порога он крикнул:

– Ну что, товарищ старший лейтенант, я несу гуляш? Сейчас в котле осталось самое вкусное и наваристое. На дне оно всегда так, не зря сами повара питаются одними из последних.

– Давай, Наиль, неси, и побольше! Себе тоже можешь ещё захватить, а то следующий раз в таких курортных условиях неизвестно, когда будем. Может быть, вообще придётся голодать несколько дней. Ну, что так удивлённо на меня уставился? Такая уж судьба у защитников родины! Сегодня ты сыт, завтра нет, а приказы нужно выполнять. Так что привыкай, брат. А теперь слушай мой приказ, в 8-00 ты в составе спецгруппы выступаешь в дальний боевой рейд. Командовать группой буду я. Поэтому сейчас наедайся впрок и дуй к старшине, он подберёт тебе по размеру трофейный тулуп и другое финское снаряжение. С собой в вещмешок, кроме продуктов и патронов, можешь положить и любимый свой топор. Глядишь, он нам и понадобится. В тыл к финнам поедem, а стрелять, сам понимаешь, там особо нельзя – могут чухонцы услышать и надрать нам задницу.

Шерхан, услышав мой приказ, совершенно не удивился, беспокойства или недовольства я на его лице тоже не увидел. Наоборот, после секундной заминки лицо Наиля приобрело уже знакомое мне хищное выражение, а губы сложились в злорадную ухмылку, затем он, слегка сощурившись, задумчиво произнёс:

– А что, может быть, и ручной пулемёт захватить? А то я здесь от старшины слышал, что группа идёт только с автоматами. Вы, товарищ старший лейтенант, только скажите. Я не надорвусь, для такого дела хоть сто километров буду переть эту бандуру.

– Успокойся, Шерхан! У нас нет задачи устраивать диверсии или какие-нибудь серьёзные нападения в тылу у финнов. Нужно поискать остатки 44-й дивизии и всё. А для этого нам пулемёты не нужны, обойдёмся и автоматами. – Я усмехнулся и со значением, зловеще произнёс: – К тому же, сам понимаешь, зачем нам надрываться, таща за тридцать вёрст тяжёлое оружие, если нужно будет, мы его позаимствуем у финнов. Там чухонь ещё непуганая, сидят на оружии, как бакланы на яйцах, а мы же с тобой любим свежую яичницу. Не правда ли, Шерхан?

Наиль тоже недобро усмехнулся и продолжил мою мысль:

– Эти бакланы ещё непуганые, и с топориком в местах их обитания ещё никто не ходил. Так что, порезвимся, товарищ старший лейтенант. Я, если уже прямо сказать – заскучал, надо немного позверствовать и навести ужас на этих оленепасов. Чтобы помнили, что нельзя обижать таких соседей, как мы. А то осерчаем, и никакие им шведы с немцами и англичанами не помогут. А то ишь, осмелели, им Хозяин прямо сказал – отодвиньтесь немного от Ленинграда, и всё будет хорошо. А эти дурни начали бочку катить. И на кого? Они же сами сидели под Романовыми больше ста лет, и никто их не обижал. Жили не тужили – лучше всех в империи, хотя всё время и пугали про свою независимость. Тут у нас скинули этого гнилого Николашку, дали чухонцам их долгожданную независимость, и в ответ – никакой благодарности. Наоборот, начали строить разные козни, запустили к себе всякую империалистическую мразь, всяких там англичан и прочих американцев. И это на расстоянии одного пешего перехода от колыбели нашей революции. Кто же это им позволит? Вот товарищ Сталин и возмутился. Он же предлагал финнам, возьмите взамен прилегающих к Ленинграду районов территорию в два раза больше по площади, но немного северней. Нет, эти сволочи упёрлись и пошли на нас войной. Они же первые обстреляли из орудий нашу заставу и убили несколько красноармейцев. Безумцы, теперь пускай сами расхлёбывают то, что наделали из-за своего упрямства. И пусть молятся на то, что мы люди отходчивые и зла не помним. И что нам на хрен не нужна их страна и их сраные жизни. Вот отодвинем границу от Ленинграда, и пускай они чухонятся в своей чухне.

Шерхан на секунду замолчал, а потом закончил эту речь словами:

– Вы же помните, все эти сведения о поведении финнов нам рассказывал лектор из политуправления армии. Правильно он говорил, что этих международных империалистов нужно гнать поганой метлой из-под стен Ленинграда.

Посчитав, что используя авторитет лектора из политуправления, он полностью аргументировал свою позицию, Шерхан перешёл к насущной теме:

– Товарищ старший лейтенант, так что, я иду тогда за кулешом, или у вас ещё много дел?

– Да, Наиль, давай! Ты прав, нужно ещё многое успеть, да и тебе нужно готовиться.

После этих слов Шерхан вышел, а я достал карту и ещё раз начал изучать маршрут нашего движения. Прикидывать как нам лучше обойти опорные пункты финнов. Они располагались вблизи деревень и хуторов, и основная их задача была – блокировать дороги. Так подробно изучал я карту даже во время того, как ел вкуснейший кулеш, принесённый Наилем, углубившись в работу настолько, что и не заметил, как полный котелок опустел. После этого посмотрел на часы и ещё целый час занимался с картой.

Ровно в 7-00 я начал собираться: взял все необходимые вещи, одел трофейный, очень лёгкий тулуп, на него маскхалат и вышел на улицу. Недалеко от моего штаба собрались уже все члены нашей спецгруппы и все, остающиеся здесь, командиры моей роты. Построив красноармейцев, я коротко рассказал о нашей миссии, на всякий случай показав на карте наш

маршрут, провёл небольшой инструктаж и без десяти восемь распустил ребят на перекур. Сам подошёл к собравшимся командирам и начал с ними прощаться. В 8-00 скомандовал построение, и наша спецгруппа тронулась в путь на выполнение этого ответственного и тяжёлого задания.

Глава 16

Двигались мы цепочкой по одной лыжне. Впереди, метров за тридцать от остальных, периодически меняясь местами, шли Кукин и Якут. Это были, пожалуй, два наших самых лучших лыжника и следопыта. Оба, в довоенном прошлом, профессиональные охотники, оба из Восточной Сибири. Только один по внешности типичный русак, а во втором сразу было видно азиатское происхождение – мужик небольшого роста, с изрядно приплюснутым носом и раскосыми глазами. За этим передовым дозором двигался я, за мной Шерхан, замыкал нашу колонну Кузнецов.

Даже на близком расстоянии нас было невозможно отличить от финнов. Такие же маски-халаты, тулупы, шапки, оружие и лыжи. Подозрение мог вызвать только вид Якута, но, в конце концов, на севере Финляндии тоже встречались узкоглазые аборигены. В нашем случае его вид, как это ни парадоксально звучит, наоборот, мог пойти нам на пользу. Финны подумают, что русские не настолько же тупы, чтобы в группу дальней разведки включить человека, сильно выделяющегося своей азиатской внешностью. Значит, это – свои, и маленький человек – тоже гражданин Финляндии. Тем более вся экипировка соответствовала стандартам Финской армии.

Если бы кто-нибудь нас издали разглядывал в бинокль, то в первую очередь, бросалось бы в глаза оружие. Но и тут в нашей группе всё было в порядке. Первые два лыжника были вооружены финскими винтовками, остальные – автоматами «Суоми». Кстати, об этом автомате – мне он очень понравился, а именно – своим высочайшим качеством. Ещё ни разу, за всё время его эксплуатации, даже в неумелых руках моих бойцов, не было ни одного сбоя или перекоса патрона. Автомат работал, как швейцарские часы. Он был очень внешне похож на ППД, который я хорошо изучил в эскадроне. Правда, присутствовали некоторые конструктивные особенности и отличия. Патронный диск был похож на диск нашего ППД. Этот магазин барабанного типа вмещал 70 патронов (9 x 19 мм «Парабеллум»). По моим личным впечатлениям, этот автомат стрелял гораздо кучнее ППД, и прицельная дальность его была больше. Всё бы хорошо с этим автоматом, но имелся там очень большой недостаток. Уж очень тяжёлым и громоздким было это оружие. Я специально взвешивал его на весах, которые брал у Бульбы. Его вес вместе с барабанным магазином был больше семи килограммов. Одного диска с патронами для неопытного стрелка хватало на несколько минут боя, а в бою таскать с собой большой запас этих магазинов было невозможно. Поэтому я был очень рад, когда мы на егерском блокпосту обнаружили большое количество коробчатых магазинов. Ёмкость этих пеналов была – 50 патронов и их было гораздо удобнее переносить. Тем более мы нашли у егерей и штук двадцать разгрузочных жилетов. Да и сам автомат, снаряженный этим магазином, было гораздо удобнее носить. Закинул за спину, и никаких проблем, и выступающий диск не давит тебе на позвоночник.

Одним словом, все автоматы в нашей группе были оснащены коробчатыми магазинами, а всего их было по десять штук на каждый ствол. Кроме этого, было по четыре гранаты на брата и по три килограмма продуктов. Всего, с разными мелочами, каждый из нас тащил 35 килограммов груза. Мелочи это были относительные, без них выжить несколько дней в зимнем лесу было затруднительно. Например, у егерей мы нашли очень интересную вещь для ночёвки прямо в снегу. Это было довольно большое стёганое одеяло с набивкой из гагачьего пуха. По краям у него были тесёмки, если их связать, из этого одеяла получался большой мешок. Как рассказали пленные, забравшись в этот мешок, можно было отлично выпасться даже на сильном морозе. Мы называли это приспособление – спальным мешком. Везли мы и керогаз с запасом керосина. Таким образом, подготовлены мы для выполнения этого задания были весьма неплохо. И основная заслуга в этом была нашего старшины.

Бульба ничего не пожалел для нашей группы. Я думаю, что разведгруппы дивизии, а может даже и армии, были оснащены похуже, чем мы.

Такие вот мысли иногда возникали в моей голове, но в основном весь организм был настроен на движение и постоянный контроль за окружающей местностью. Каждый час мы делали остановки. В середине дня устроили привал, вскипятили в котелках воду на чай, открыли на каждого по банке тушёнки. Перекусив, отдохнули ещё минут двадцать и двинулись дальше. Судя по карте, если двигаться, объезжая все населённые пункты, нам до намеченной цели нужно было пройти 37 километров. Именно такой маршрут движения я выбрал. Пока он был оправдан. За всё время нам не встретился ни один человек. Даже свежих лыжных следов мы ни разу не пересекали.

До предполагаемого района окружения приданных моторизованных частей и двух батальонов 44-й дивизии, мы добрались только к ночи. На ночёвку расположились километрах в трёх от дороги к посёлку Раате. Перекусив и определив порядок смены часовых, я выкопал в снегу нору, забрался туда и закутался в спальный мешок. Дежурили по два человека, смена наступала через час двадцать. В этом наряде не участвовали только два человека – я и Шерхан. На Асаенова были возложены обязанности кашевара, ну а я не дежурил из-за своего командирского статуса.

Подъём был в 7-00. Встали все дружно, выпались в этих финских спальнях мешках просто отлично. Шерхан поднялся раньше всех и приготовил горячий завтрак. В 7-30 мы уже выступили на обследование дороги. Я намеревался вдоль этой трассы дойти до следующей деревни, там взять «языка», которому и задать все интересующие меня вопросы. По имеющимся у меня данным, именно по этой дороге двигался бронированный кулак 44-й дивизии. А встал он как раз у Раате, наткнувшись на укрепрайон финнов.

К дороге мы выдвигались двумя колоннами, впереди каждой ехали наши следопыты. Видимость была отличная, снега не было, температура была не ниже пятнадцати градусов мороза. В общем, жить можно. Перед самой дорогой с нашей стороны был какой-то высокий вал. Посмотрев на него в бинокль, я ужаснулся. Этот вал был образован сваленными друг на друга трупами наших солдат. Сверху всё это страшное сооружение было присыпано снегом, но всё равно из-под снега выступали части тел в красноармейской форме. Эти сволочи, финны, даже не удосужились похоронить погибших солдат. Просто, освобождая для проезда полотно дороги, накидали тела вдоль обочины.

От увиденного яростью переполнилось всё моё существо, заставляя бешено биться ставшее совсем уже недоброе сердце. Хотелось в клочья растерзать первого попавшегося на глаза финна, и совсем не важно – военный он или гражданский. Однако, загнав все эмоции в глубь себя, я приказал начать движение вдоль дороги. Было заметно, что другие бойцы, увидев этот вал из тел погибших наших братьев, испытывают чувства аналогичные моим.

Минут через тридцать нашего движения мы упёрлись в ещё одну дорогу, пересекавшую трассу. Остановившись перед ней минут на десять, чтобы хорошенько оглядеться, мы направились вдоль этой новой дороги. Это решение возникло у меня спонтанно. В принципе, мне было всё равно, где брать «языка». А эта дорога явно вела в какой-то небольшой населённый пункт. Во-первых, она была не чищена, а во-вторых, следов на ней было мало. Якут определил, что на этой дороге имеются следы только двух санных экипажей. К тому же они проехали совсем недавно, уже после выпавшего ночью небольшого снежка.

Я посчитал, что для нас гораздо безопасней захватить пленного вдали от оживлённой трассы. И даже местный житель ещё лучше, чем военнослужащий. Наверняка он больше осведомлён о том, что здесь случилось. Всё-таки прошло уже почти две недели, как с моторизованными частями и двумя батальонами 44-й дивизии пропала всякая связь. Финские военные подразделения, которые здесь находились в то время, спокойно могли направить куда-нибудь в другое место.

Километра через три впереди идущий Якут поднял руку и остановился. Мы тоже остановились и рассредоточились. Я, пригибаясь, подкатил к нашему следопыту. Якут, прислонившись к дереву, смотрел вперёд по ходу нашего движения в бинокль. Как только я приблизился, Якут опустил бинокль, повернулся ко мне и сказал:

– Однако наших там здорово потрепали, танков и подбитых машин полно. Дорога совсем перекрыта, вон, даже финские сани стоят, проехать не могут.

Я посмотрел в указанном направлении в свой бинокль. И пришёл в ещё большее ошеломление, чем час назад, когда увидел вал из мёртвых красноармейцев вдоль обочины центральной трассы. На этой дороге всё выглядело гораздо страшней. Кроме лежащих на полотне мёртвых тел, повсюду стояли сожженные танки Т-26, бронемашины, тягачи с орудиями и грузовые автомобили. Зрелище последствий нашего поражения было просто жуткое. Правда, разглядывая эту картину, я заметил некоторые несуразности. Меня очень удивило то, что техника и лежащие трупы не были засыпаны снегом, но потом я увидел причину. Вдоль этой уничтоженной колонны ходило семеро финнов в военной форме и мётлами счищали снег со сгоревшей техники и лежащих трупов. Немного в стороне стояло ещё три человека, но они были одеты в гражданское. У двоих из них в руках я разглядел фотоаппараты, а у третьего на плече висела кинокамера.

В мозгах что-то щёлкнуло, и мне всё сразу стало ясно. Вспомнилось, что и к нам в роту приезжали корреспонденты с фотоаппаратами. Они тоже выискивали натуру как можно более колоритную и кровавую. Так же, как и мы, финны тоже имели пропагандистскую службу и хотели использовать эффектные картинки уничтоженной русской военной колонны в целях поднятия боевого духа своей армии. Умом я всё это понимал, но всё же мне захотелось немедленно уничтожить этих свидетелей нашего поражения. Хотя, казалось бы – эти корреспонденты, люди сугубо гражданские и никоим образом не были виноваты в случившейся трагедии.

После минутного размышления на сторону эмоций перешла и моя логика. Я подумал, что захват этой группы финнов является идеальной возможностью для взятия «языка».

Во-первых, это место находится довольно далеко от всех населённых пунктов и от центральной дороги, а, значит, выстрелов никто не услышит. К тому же, может быть, даже и стрелять-то не придётся. У финнов, убирающих снег, оружия с собой не было. Я в бинокль разглядел, что винтовки они оставили в стоящих перед этой сожженной колонной двух санях, запряженных парами лошадей.

А во-вторых, корреспонденты должны быть очень хорошо информированы. Они, пожалуй, знают о судьбе разбитых частей 44-й дивизии больше, чем обычные финские офицеры, не говоря уже о хуторах. А именно с хутора, куда вела эта дорога, я до этой встречи и был намерен брать «языка».

Этих корреспондентов специально привезли сюда, значит, они вхожи к большому начальству. И наверняка знают все новости и сплетни о разгроме наших войск. Несомненно, эту группу нужно было брать, а уже после допроса решать, что с ними делать. Если у кого-нибудь из них будут сведения, интересные для нашего командования, то их нужно будет брать с собой. Остальных же придётся закопать в снег прямо в этом лесу. Для себя я определил, что без большой потери в скорости передвижения мы сможем взять с собой максимум трёх человек.

Все проанализировав, я начал действовать. Прежде всего, поручил нашим снайперам Кукину и Якуту занять огневые позиции и взять на прицел финнов. При малейшей попытке кого-нибудь из них сбежать или оказать сопротивление стрелять на поражение. После того как мы захватим эту группу, отойти назад метров на двести и контролировать подступы к разбитой колонне советских войск.

Отдав этот приказ, я подкатил к остальным ребятам и объяснил им наши предстоящие действия. Даже нарисовал на снегу схемы движения каждой боевой пары. Когда все изучили свои манёвры, я скомандовал начинать операцию. Весь процесс захвата этой группы финнов в плен продлился от силы двадцать минут. Четыре человека работали по финским военным, четверо по корреспондентам, а двоих я выдвинул в заслон, чтобы никто не появился незамеченным со стороны хутора. Вся операция прошла без единого выстрела. Когда мы сгоняли пленных к месту, где я решил устраивать допрос, то это были уже не бравые вояки и уверенные в себе работники прессы, а жалкие, испуганные бараны. Приказания понимали, только если их ткнёшь стволом автомата или заедешь по шее прикладом. Лыжные палки мы оставили в лесу, чтобы они не мешались, а то их вполне можно было бы использовать вместо хлыста.

Допрос я решил устраивать между двумя сгоревшими танками, там была ровная площадка, и не было трупов наших красноармейцев. И к тому же обгоревшие остовы танков хорошо загораживали от ветра. Оставив двоих бойцов и Шерхана для охраны пленных и в помощь мне для проведения экспресс- допроса, остальных я отправил отдыхать и готовить обед. Хотелось оперативно провести допрос, потом перекусить и, не откладывая дела в долгий ящик, двигаться обратно. Лично для меня судьба людей из 44-й дивизии и приданных моторизованных подразделений уже была ясна. Было достаточно посмотреть на трупы вдоль большой трассы и эту разбитую колонну, чтобы всё понять. О бесполезности поиска уцелевших воинских частей говорили и непуганые финны. Когда мы двигались вдоль трассы, то видели, как совершенно свободно, ничего не опасаясь, проезжали одиночные автомобили и небольшие санные караваны. Если бы где-то неподалёку находились уцелевшие красноармейцы, то финны так смело себя бы не вели. К тому же я был уверен, что при таких морозах две недели в лесу выжить невозможно, тем более когда повсюду бродят финские егеря. При таких условиях даже костёр разжечь было проблематично.

Короче, этот допрос я считал пустой формальностью. Провести его я решил только с одной целью. Нужно было произвести селекцию пленных. А именно – кому из них жить, чтобы передать нашему командованию интересные данные. Поэтому нужно было определить, кто же обладал этими нужными сведениями. При этом был не очень упрямым и физически здоровым, чтобы мог на лыжах пройти немалое расстояние. Я очень опасался, что финны могут хватиться пропавших корреспондентов и устроить за нами погоню. Поэтому долго беседовать с пленными был не намерен. К тому же ребята нашли только два комплекта лыж, по одной паре в каждом санях. Поэтому по-любому с собой брать более двух человек я был не намерен.

Допрос начал с военных, они были очень подавлены и отвечали практически на все вопросы. Из них только один капрал, по-видимому их командир, попробовал упираться. Но я даже не стал применять к нему меры физического воздействия, а просто достал револьвер и выстрелил ему прямо в лоб. После этого остальные пленные стали очень разговорчивы. Для меня стало очень большим удивлением то, что среди корреспондентов оказались представители от Англии, Швеции и Норвегии.

«Да, попал я в переделку, – подумалось мне, – куда теперь мне их всех девать? Знал бы, что тут представители нейтральных стран, проехал бы мимо. Вот незадача!»

Я отошёл немного в сторону и нервно закурил. Да! Получалось, что корреспондентов надо отпускать, да и финнов тоже. Оставшиеся чухонцы были тыловые работяги и, в принципе, никакой опасности для моей родины не представляли. А душа капрала, который был действительно опасен, уже была на полпути в ад.

Когда сигарета закончилась, я уже придумал, как сделать, чтобы оставленные здесь пленные сразу не кинулись за помощью. Я решил, в первую очередь, запугать их до икоты. Для претворения этого плана в жизнь подозвал Шерхана и дал ему цэу. После чего подо-

шёл к группе пленных, наорал на них, повертел перед носом у финнов револьвером и направился к своим ребятам, которые неподалёку развели костёр. Там, захватив с собой двух человек, направился в глубь разбитой колонны. Соответствующее моей задумке место нашёл довольно быстро, подходящий труп красноармейца тоже.

Это была площадка, окружённая с трёх сторон разбитой техникой. Метрах в двадцати от неё мы пристроили замёрзший труп красноармейца, для надёжности закрепив его верёвками за дерево. Между веток просунули винтовку так, чтобы дуло её как раз смотрело на выбранную нами площадку. Задумка моя была очень примитивна. Сначала Шерхан, разыгрывая раздражение и психоз по поводу погибших в этой колонне товарищей, должен был надавать хороших оплеух финнам. Потом мы должны были перегнать всех пленных на выбранную площадку. Там изобразить сцену, что выставили часового, а сами в это время на финских санях поедem к тому месту, где впервые вышли к центральной трассе. Там был проезд в лес, наверное, местные жители ездили по нему за дровами, повсюду были видны наезженные санные дорожки и большое количество пней. Именно там я был намерен оставить лошадей и в быстром темпе сматываться отсюда подальше.

Я рассчитал, что напуганные нами пленные просидят на этой площадке часа полтора, потом, без лыж, не меньше часа будут добираться до оживлённой трассы. Пока найдут попутный транспорт и доедут до поселка, пройдет минут тридцать. Затем им нужно будет доложиться начальству и рассказать о случившемся, это ещё тридцать минут. Организация преследования и поиск нашей лыжни займут не меньше чем часа два-три, а там уже и ночь близка. И получается, что даже если они здесь и найдут егерей, то нас всё равно – хрен догонят.

Закончив с подготовкой к предстоящему спектаклю, я распорядился начинать приём пищи и приготовление к нашему обратному возвращению. Пока мы обедали, Шерхан с двумя автоматчиками перегнал пленных на подготовленное место. Затем пришло время перекусывать ребятам, стоявшим в охране и группе Шерхана. Охранять пленных на это время я поставил Кузю. Он вольно расположился перед трупом красноармейца, загораживая его от взоров пленных. Этот мёртвый боец должен был сослужить свою последнюю службу – прикрыть собой наш отход.

Фамилия бойца была Иванов, это я узнал из посмертного медальона, который нашёл у него в гимнастёрке и переложил к себе в карман. Я был удовлетворён, что хотя бы это могу сделать для него. Теперь он для своих родных будет не без вести пропавшим, а героически погибшим в бою за нашу Родину.

Перед тем как окончательно расстаться с пленными, я подошёл к ним и дико наорал на уже полностью сломленных и запуганных людей. Потом отобрал у всех удостоверения личности, при этом ручкой нагана неслабо огрел по шапке замешкавшегося финна. Документы я забрал по одной простой причине, чтобы, когда пленные доберутся до посёлка, выяснение властями их личностей заняло гораздо больше времени. Соответственно, и погоню за нами финское командование организует гораздо позже.

Чтобы пленные думали, что мы недалеко и заняты важным делом, я приказал своим ребятам на просматриваемой пленными участке дороги собрать у убитых красноармейцев посмертные медальоны. Собирать эти пенальчики у всех погибших в этой колонне было нереально, пришлось довольствоваться обыском только пяти тел. Остальным павшим советским воинам придётся остаться в неизвестности.

В ходе допросов прояснил я и вопрос, который меня сильно волновал. Почему финны не убрали разбитую военную технику и не похоронили погибших солдат? Пленные рассказали, что это всё сделано намеренно, чтобы использовать эту натуру в пропагандистских целях для съёмок иностранными корреспондентами. На центральной трассе проезжую часть

вынуждены были расчистить, а на этой малоиспользуемой дороге было решено оставить всё, как есть.

Разгромленная советская колонна попала в самый настоящий огненный мешок. При этом её довольно легко уничтожили, применив не очень-то крупные военные силы. При обследовании прилегающего к дороге леса нами были найдены следы шести позиций для 37-мм противотанковых пушек «Бюфорт», девять пулемётных гнёзд «максимов» и дислокацию миномётной батареи. В этих местах лежали целые горы гильз от боезарядов. Результатом этой коварной финской засады стали по меньшей мере танковый и моторизованный батальон Советской армии. Одних сожженных танков Т-26 я насчитал двадцать девять единиц. По-видимому, финны, уничтожив головной и замыкающий танки, потом методично расстреляли весь этот караван. Наша техника была совершенно беспомощна, по такому снегу проехать можно было только по прочищенной или наезженной дороге. Поэтому-то финны так безнаказанно, с заранее подготовленных позиций и уничтожили полностью всю колонну. А это, скорее всего, были основные манёвренные силы 44-й дивизии. После ликвидации этого мощного стального кулака дивизии, уничтожение пехотных частей было уже вопросом времени. В случае 44-й дивизии – время, погода и обстоятельства сыграли совсем не в её пользу. По моему мнению, наша группа полностью выполнила задание и нашла основную причину гибели окружённых советских солдат, а именно то, что попала в засаду вот эта механизированная колонна.

Когда мы обыскивали пленных, то у корреспондентов нашли массу интересных вещей, а именно: сигареты, зажигалки, серебряный портсигар. Но когда я узнал, что они не военные и к тому же ещё граждане нейтральных государств, то приказал все найденные вещи отдать обратно. У них конфисковали только фотоаппараты и кинокамеру. Эти предметы с отснятыми кадрами я посчитал нужным передать нашему командованию. Больше того, я даже сам отснял разбитую колонну оставшейся в фотоаппаратах плёнкой.

Когда мы отдавали обратно конфискованные ранее вещи, Шерхан недоумённо у меня спросил:

– Товарищ старший лейтенант, что же мы у этих долбанных империалистов даже сигареты не экспроприируем? Мы же у шведов набрали то, что нам было нужно, а чем эти лучше. Те же тоже были не финны, к тому же вы тогда говорили, что они ещё хуже, чем местные простые граждане.

– Эх, Шерхан, тёмный ты человек! Ты что же не понимаешь, что те шведы были добровольцами. Они, впрочем, как и немцы, специально прибыли в Финляндию, чтобы убивать русских солдат. Ещё можно как-то понять финнов, которые дерутся за свою родину. А тех наймитов понять невозможно, и их я щадить не намерен. Поэтому то, что принадлежит им, это наша законная добыча. У этих же иностранцев совершенно другой статус, они просто здесь работают, добывают новости. Они не намерены с нами воевать, есть просто поручения их хозяев – обеспечить газеты интригующими деталями об этой войне. Может быть, политически и неправильно их отпускать, ведь они всё равно продолжат публиковать свои материалы в пользу империалистов. Но действовать по-другому я не могу, и забирать личные вещи у корреспондентов, пускай и буржуйских выкормышей, я не позволю. Всё-таки, мы не группа налётчиков, а солдаты регулярной Советской армии. Понял! Так что давай доставай заныканную пачку сигарет.

Шерхан, пожав плечами, достал из кармана открытую пачку сигарет и положил её в общую кучу трофеев. При этом он еле слышно промолвил:

– Ей-богу, товарищ старший лейтенант, я оттуда ни одной сигаретки не свистнул.

В 13–00 мы наконец на трофейных санях тронулись в путь. Заключительную роль в этом спектакле сыграл Якут. Именно он сменил охраняющего пленных Кузнецова, а потом незаметно, ползком удалился от этого поста, встал на лыжи и вовремя прибыл к месту сбора.

После этого все мы, еле набившись в две санные повозки, тронулись прочь от этого страшного места. Лошади бежали резво, несмотря на перегруженность саней. На центральной трассе ни один человек не обратил на нас никакого внимания. Хотя по пути до места нашего съезда с трассы мы встретили несколько проезжающих по ней машин.

Через сорок минут мы уже были на месте нашей ночёвки. Там наскоро перекусили и тронулись в наш длинный обратный путь. Лошадей мы оставили на месте нашей стоянки, предварительно наполнив их торбы. Животных мы не привязывали, наоборот, распрягли, освободив их от саней. Я посчитал, что постояв здесь и слолав зерно, насыпанное в торбы, они сами вернутся в свои тёплые конюшни.

До наступления темноты мы прошли немногим больше половины пути. Преследования не было, и я решил всё-таки рискнуть и встать на ночёвку. Тем более мы только что преодолели большое поле и вступили в лес. И если даже ночью появится погоня, то часовой её сразу же заметит, а мы, надёжно укрывшись за деревьями, сможем отразить нападение и целого взвода егерей.

Утром подъём был в 6-00, на этот раз я встал не совсем бодрым. На улице сильно похолодало, и спать, даже в финских спальных мешках, было не очень здорово. Напившись горячего чая со сгущёнкой и съев плитку шоколада, я почувствовал себя намного лучше. Мои бойцы после такого завтрака тоже слегка взбодрились, и как показало начало нашего лыжного марафона, первый час движения прошёл в очень приличном темпе. Правда, на втором часу движения мы быстро растеряли свою бодрость, и скорость значительно сбавили.

К нашему блокпосту мы прибыли в 13-00, как раз к обеду. Могли бы и ещё раньше, но тут я решил немного поразвлечься. Проверить, как бдительно несут службу часовые из 44-й дивизии. И если прямо сказать, был шокирован. Мы прошли среди белого дня через порядки 44-й дивизии, как горячий нож сквозь масло. Ни один часовой не заметил нашей колонны. Да! Видно, ничему не научили красноармейцев те тяжёлые испытания, которые они совсем недавно прочувствовали на своей собственной шкуре. Вот из-за этой безалаберности и пофигизма и попали в засаду механизированные части этой дивизии.

Наверное, так же безответственно отнеслось к порученному делу охранение уничтоженной колонны. Скорее всего, проверяли обочины только метрах в ста от трассы движения колонны. А позиции «Бофорсов» мы обнаружили в 350 метрах от дороги. И теперь в результате бездействия какой-то бестолочи, несколько тысяч человек лежат замерзшими трупами, а Россия потеряла крупное воинское подразделение.

Нашу группу засекли только часовые с нашего блокпоста, а именно красноармеец Козлов. Подвёрнутая нога уже не так его беспокоила, и он сегодня первый раз после травмы вышел в наряд. Я за проявленную бдительность его обнял и наградил пачкой трофейных сигарет. Это была моя последняя пачка, добытая у финских егерей.

Встречали нас как героев. Старшина выделил целый батон финской колбасы и три бутылки финской водки. И всё это в дополнение к целому котелку вкуснейшего борща. Водку я, естественно, с подчинёнными пить не стал, тем более что мне нужно было явиться в штаб с докладом о результатах нашего рейда. Я и так не сразу побежал в штаб, а решил всё-таки немного перекусить и отдохнуть. Нужно было прийти в себя после такой длинной дороги.

Захватив фотоаппараты и кинокамеру, я отправился на санях в штаб батальона. После доклада выдержал несколько минут тисканья в объятиях командира батальона, а потом и начштаба.

Потом мы вместе с Сиповичем направились в штаб полка, там тоже я получил довольно большую порцию всеобщего внимания. Затем, после подробного доклада мои трофеи были отправлены в дивизию. А в честь нашего рейда было устроено праздничное застолье. Я, конечно, промолчал, но праздничный стол командира полка был гораздо беднее того, которым нас встречал после очередного возвращения с задания Бульба.

После этого посещения штаба полка я отсыпался часов пятнадцать. Только ел и спал, ел и спал. Командир батальона, как и обещал, всё это время меня не беспокоил. После этого буквально медвежьего отдыха я начал заниматься неотложными делами роты. А дел скопилось – невпроворот. Пока мы были в рейде, к нам поступило пополнение. Теперь у меня была полнокровная рота, численность которой соответствовала штатному расписанию. Когда я построил это пополнение, душа у меня буквально пела. Ребята все были как на подбор, крепкие и жилистые. И, что было немаловажно, все новобранцы, прошли курсы молодого бойца. То есть оружие для них было не в новинку, они могли из него стрелять.

Вот этих салаг, разбавив их опытными бойцами, я и отдал на растерзание моим асам – Рябе и Кузе, ну а мне оставалось только периодически наблюдать, как идёт воспитание и тренировки настоящих воинов – будущей грозы врагов России.

Больше двух недель продолжался наш отдых. Можно даже сказать, что моя рота находилась на курорте. А что? Каждый день все наедались от пуза, и при этом первоклассными продуктами. Особо не перенапрягались и спали ночами не меньше восьми часов, к тому же в тепле. А что ещё русскому солдату нужно для счастья? Культурную программу обеспечивал Шапиро, он ежедневно проводил политинформации, устраивал какие-то доклады и диспуты.

Моим отвлечением от монотонного военного быта являлись поездки по разным штабам. Я со своим докладом побывал даже в штабе армии, и везде умудрился стать своим человеком. Это всё благодаря Бульбе. Старшина при каждом моём выезде загружал в сани целую гору разных трофеев. В основном это были: финская водка, колбаса, американские сигареты и разная другая мелочь. Во всех штабах также очень любили финские ножи и дамские маленькие пистолетики. Этих пистолетиков старшина набрал штук десять, когда мародёрствовал в штабе шюцкоровцев. Одним словом, весь этот период до 26 января у нас была не жизнь, а малина.

Глава 17

Двадцать шестого января 1940 года, в 10–00 меня срочно вызвали в штаб батальона. Когда я туда прибыл, то увидел, что штаб был похож буквально на растревоженный муравейник. Писаря и вестовые, раскрасневшиеся и встревоженные, судорожно вытаскивали из помещения штаба кипы бумаг и какие-то ящики. Всё это они укладывали в стоящие рядом с домом штабные теплушки и в открытые сани.

«Вот и всё, – подумалось мне, – лафа кончилась, теперь пришло время побегать, кланаясь пулям».

Было понятно, что в батальон пришёл приказ на выступление. Это подтвердил и начштаба Пителин.

Он принял меня в уже практически пустой комнате, которую до этого занимал штаб батальона. В помещении оставалось только два стола и несколько стульев. Усадив меня за пустой стол, капитан сухо изложил задачи, которые возлагаются на мою роту. Разложив на столе карту, указал маршрут и место передислокации нашего батальона и всей дивизии. Нашу дивизию, так же как и отдохнувшую 44-ю, выдвигали к так называемой линии Маннергейма. О недюжинной мощи этого укрепрайона я уже знал и, может быть, даже побольше, чем наш начштаба. Всё-таки я непосредственно допрашивал финских егерей, да и иностранные корреспонденты успели мне много порассказать подробностей про эти укрепления. В своих докладах начальнику штаба непроверенные и сомнительные данные я не отражал, но для себя их запомнил. Поэтому известие о том, что нашу дивизию перенацеливают на штурм укреплений «линии Маннергейма» вызвало у меня озноб по всему телу. Наступало, пожалуй, самое тяжелое время в судьбе моей роты, да и всей дивизии тоже. Но делать было нечего, такова судьба солдата – несмотря ни на что, выполнять приказ.

Моей роте предстояло на этом марше выполнять привычную задачу. Идти в передовом боевом охранении, как нашего батальона, так и всей дивизии в целом. Поэтому мы должны были выдвигаться первыми и протралить весь маршрут движения колонн нашей дивизии. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы финские диверсионные группы смогли потревожить находящиеся в походном состоянии наши части. Особенно вероятной была возможность нахождения на маршруте нашего движения финских снайперов. Времени на развёртывание боевых порядков и ликвидацию этих «кукушек» у дивизии не было. По плану, к вечеру следующего дня мы должны были сменить одну из обескровленных дивизий нашей армии. Они были уже не в состоянии пробиться даже через оставшееся предполье, чтобы выйти к основным укреплениям «линии Маннергейма». В таком положении эта дивизия находилась уже с 12 декабря. Можно было, конечно, сказать, что они вышли к «линии Маннергейма» и встали, ведя позиционные бои. Но всё-таки это было ещё предполье укрепрайона и до основной линии дзотов и дотов оставалось ещё пройти более десяти километров.

По информации, которую я получил из беседы с военными иностранными корреспондентами – фортификационный пояс «линии Маннергейма» имел глубину в 90 километров. Ему предшествовало предполье с разнообразными укреплениями: рвами, завалами, проволочными заграждениями, надолбами. Шириной оно было до 20 километров и буквально кишело снайперами, пулемётными точками и егерями. Полученные данные я передать в наши штабы не мог, так как это были просто наблюдения гражданских людей, которых финны специально возили по этой оборонительной линии, чтобы внушить западному сообществу мысль – «линия Маннергейма» способна остановить разбушевавшегося русского медведя, и для полного его усмирения нужно просто помочь Финляндии оружием и добровольцами.

Так что все эти сведения вполне могли быть липой и специально внушались иностранным наблюдателям. Но лично я полагал, что все эти наблюдения корреспондентов вовсе не постановочный трюк финнов, и что в реальности нашей дивизии и всей Седьмой армии придётся буквально прогрызаться сквозь все эти сто километров, напичканных серьёзными оборонительными сооружениями. Ещё ни одной армии мира не удавалось пробить долговременный оборонительный район такой глубины. К тому же солдаты, собранные в этом укрепрайоне, были далеко не мальчики, а хорошо обученные, морально подготовленные, полностью уверенные в правоте своих действий бойцы, каждый из которых считал, что именно Советский Союз напал на маленькую Финляндию. И каждый из них готов был умереть на поле боя, но не допустить победы русского оружия.

Вот с такими тревожными мыслями я возвращался к себе в роту. По полученному из штаба распоряжению, выступать нам нужно было через час двадцать. Остальные роты нашего батальона выступали через двадцать минут вслед за нами, а именно в 13–00. Добравшись до места расположения, я провёл пятиминутное совещание с командирами. Потом построил роту и кратко изложил приказ командования. После этого в расположении роты началась такая же суета, сущий муравейник, словом, такая же точно обстановка, как и наблюдаемая мною недавно в штабе батальона. Перед этим неожиданным для нас выступлением сделать нужно было очень много. Все бегали и суетились, но полностью собраться к 12–40 у нас так и не получилось. Пришлось оставить старшину и весь огневой взвод – заканчивать собирать всё наше добро. С остальными взводами я выступил ровно в 12–40. Санный обоз должен был догнать нас уже на трассе, выехать они должны были не позже чем в 13–00. Когда мы уходили, я приказал старшине:

– Бульба, если чувствуешь, что не успеваешь, всё бросай здесь, не морочь себе голову. В конце концов, если будем живы, этой-то лабудени всегда добудем, а если убьют, то всё это дерьмо нам всё равно не пригодится. Главное – это боеприпасы к трофейному оружию, их-то нам хрен кто подвезёт, а остальное можно в топку.

Движение мы начали по знакомой дороге, именно по ней мы и прибыли в деревню Суомиссалми. Хотя по этой дороге постоянно ездили полковые обозы, и вроде бы никто их не обстреливал, но я всё равно распорядился осуществлять обследование прилегающей к дороге местности по полной программе. Заключалась она в проверке всех встречаемых лесных массивов на расстоянии до пятисот метров от дороги. Первый взвод проверял близлежащие от дороги обочины на глубину 50–100 метров. Второй и третий взводы тралили местность на расстоянии 100–500 метров от дороги. Мы с Шерханом и Шапиро ехали на санитарных санях по самой дороге, за нами моя теплушка, ведомая одной лошадью. Это и был весь наш обоз, который мы успели собрать к моменту нашего выступления. Но ехали мы в таком составе не очень долго, в 14–40 нас догнал весь наш ротный обоз, включающий в себя и сани огневого взвода. Когда они появились, на душе у меня сразу полегчало. Увидев это мернодвигающееся тяжёлое вооружение, я сразу почувствовал ощутимый прилив сил и наше могущество. Что нам какая-то засада финнов – развернём «Бофорсы» и сметём её к чёртовой бабушке.

Красноармейцы двигались хорошо – бодро. Всё-таки двухнедельный отдых и отличная кормёжка сделали своё дело. Даже старички были резвы как сайгаки. Салаги от них не отставали и службу несли исправно. Ещё бы, за прошедшие дни Ряба и Кузя их так погоняли, что теперешнее задание им казалось отдыхом, просто загородной лыжной прогулкой. Основное, чем они занимались в последнюю неделю, – это тренировки по обнаружению и ликвидации снайперов. Роль финских «кукушек» играли наши снайперы. При этом я разрешил лучшим из них, Якуту и Кукину, стрелять боевыми патронами. Подчинённые старшины специально из тонкой фанеры изготовили мишени, которые потом были закреплены над касками красноармейцев. Задача снайперов состояла в том, чтобы как можно больше поразить этих мише-

ней, а бойцы в свою очередь должны были вовремя обнаружить «кукушку» и постараться нейтрализовать стреляющих. Для этого нужно было незаметно подобраться к тому месту, где засел снайпер и кинуть туда учебную гранату. В первые дни занятий практически во всех мишенях были дырки. Но потом дела улучшились, и ребята начали иногда доставать снайперов гранатами. А вчера одна такая учебная граната даже долбанула Якута по каске. Хорошо, что мы их делали из деревянных брусков, и они были гораздо легче, чем настоящие эргэдэшки. Самое главное, что наши новобранцы перестали паниковать при свисте пуль. Правда, для этого пришлось их немного помучить. В нарушение всех инструкций, я заставлял их ползать под огнём «максима». Наш лучший пулемётчик Перминов вёл ровный настильный огонь, каждый третий патрон в ленте был трассирующим. Вот под этими пулями, которые летели буквально в нескольких сантиметрах над головой, боец должен был аккуратно проползти по ровной площадке до окопа. Этими упражнениями красноармейцы занимались всю первую неделю нашего отдыха. В программе обучения были так же: изучение и стрельба из автомата, преодоление препятствий, метание учебных гранат, ну и, естественно, ежедневный десятикилометровый лыжный марафон. Так, после окончания каждого тренировочного дня, проведенного в этом санатории, из нательного белья молодых бойцов можно было просто выжимать пот. Я сам вчера случайно подслушал разговор трёх новобранцев. Они отошли покурить после разбора результатов охоты на снайперов. Почему-то самым укромным местом они посчитали закуток у моей теплушки. Так вот, в своей беседе они, все как один, по-чёрному ругали и Рябу, и меня, мечтая поскорей оказаться на фронте в непосредственных боевых порядках. Финны казались им гораздо менее страшными, чем их командиры. И это при том, что все они прекрасно понимали – эти тренировки делаются только на их благо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.